

"Жмурик или Спящий красавец по-корейски (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Пролог

Для кого-то Новый Год — это ожидание чуда, подарки, праздник, семейные посиделки или весёлый кутёж в клубе. Для меня в принципе любой праздник представляет собой нечто среднее между каторгой и нескончаемым раздражением на всё вообще и на грёбанный мир в частности. А уж в Новый Год...

В Новый год девизом всего дня становится расхожее выражение «У меня такое праздничное настроение, что хоть ёлку наряжай, хоть на гирлянде вешайся». И последнее, кстати, было куда как предпочтительней. Именно по этой и ещё нескольким ну очень важным причинам (одна из которых отсутствующая как факт личная жизнь) тридцать первого декабря моя фамилия значится первой в списке провинившихся сотрудников отправленных на дежурство.

На сутки. С любящими выпить санитарями, хлипкой щеколдой на двери в подсобку, где храниться спирт и привычными чудесами, чудесатыми личностями и прочей, незабываемой атмосферой последнего декабрьского дня.

Кстати, о, не побоюсь этого слова, неординарных личностях. Кто-нибудь мне подскажет, какого ёжика хмурая святая троица вечных штрафников нашего морга катит в сторону кладовой неопознанный труп, наспех накрытый телогрейками? Да с такими серьёзными намерениями, что даже меня не заметили.

Меня. Сидящую на стуле, закинув ноги на свободный стол в прозекторской, читающую Стивена Кинга и подвывающую незабываемому Профессору Лебединскому и его бессмертному треку «Я убью тебя лодочник». Я, конечно, не Анджелина Джоли и даже не Памела Андерсон...

Но всё-таки, трудно не заметить внимательный, цепкий взгляд хмурого патологоанатома, от удивления даже не сразу сообразившего, что ответить на такой финт ушами.

— Стоп машина, товарищи, — лениво протянула, пристроив вместо закладки чистую бирку и грохнув книгой об стол. Троица дружно подпрыгнула от неожиданности, судорожно сглатывая и пытаюсь закрыть собою труп. — Ниндзя из вас так себе, если честно. Посему сёгун в моём скромном лице требует чёткого ответа на поставленный вопрос. Что за неучтёнка в час пополудни и какого самурая вы её поперёк природе, планировке и здравому смыслу в кладовку запихать пытаетесь?

— Евгения Сергеевна...

— А, да, — покаянно вздохнула и мило улыбнулась, с размаху приложившись кулаком об столешницу так, что брякнул лоток с инструментами. — Кому из вас, внебрачные сыны выхухоли и утконоса, за такую шикарную мысль дать Нобелевку посмертно путём харакири?

Воцарившееся молчание нарушало лишь обиженное пыхтение санитаров и всё тот же хриплый, проржавевший напрочь голос Профессора Лебединского, выводившего неизменное «Я убью тебя лодочник!». Хмурые лица пойманных с поличным парней отражали жуткую в своей бессмысленности работу мысли. Я ехидно выгнула бровь, подперев щёку кулаком и ожидая хоть какой-нибудь реакции.

Мысленно делая ставки, что на этот раз попробуют мне скормить в качестве оправданий. Серьёзно, по-моему, мне пора заводить отдельный гроссбух для того, что бы тщательно конспектировать все их фразы, нелепые объяснения и то, что данные служители Гиппократов гордо именовали серьёзными причинами для собственных действий. С логикой у ребят

проблемы были регулярные. А вот фантазия зашкаливала, да...

И как тут отказаться от удовольствия послушать очередную затейливую попытку выдать свои косяки за правильно выполненные инструкции и ценные указания руководства? Я едва удержалась от подбадривания и всё же сумела не ляпнуть азартное «Ну народ, жги!». Зато состроила предельно серьёзное выражение лица, суровое, ехидное и полагающееся ситуации. И приготовилась.

Хотя всё равно не смогла удержаться от жеста «рука-лицо», когда один из этих здоровых лбов, Жора Сметанников, потёр затылок и выдал невинным тоном:

— Ну так это... Новый год же!

— И-и-и? — я вновь подпёрла щёку кулаком, непринуждённо заметив. — Семё-ё-ён, а Семён! Я понимаю, что жизнь без девушки всё же не совсем жизнь для здорового мужика, но если ты будешь и дальше так трепетно облапывать несчастного жмурика, я прям задумаюсь на тему нездоровой психологической атмосферы в нашем коллективе!

Нелестный эпитет в собственный адрес, в исполнении угрюмого брюнета под два метра ростом, я привычно пропустила мимо ушей. Всё равно ничего принципиально нового для себя не услышала, а разнообразием в использовании обценной лексики парни не отличались от слова совсем.

Впрочем, как и в придумывании отговорок и причин для собственного совершенно неэтичного поведения. Потому как не выдержав моего крайне заинтересованного взгляда и мерного постукивания ногтей по металлу, провинившееся уныло скривились.

И таки зажгли! В смысле выдали мне истинную причину собственного крайне загадочного поведения!

— Да мля, Сергеевна! Ну спирт же стынет! Там соседи давно поляну накрыли, а тут какой-то тухляк, да ещё и пьянь подзаборная, явно! — третий участник заговора, Данил Шугуров, так отчаянно жестикулировал, что только чудом не врезал по морде собственным товарищам.

— Шугуров, а скажи мне, красавец, ты, когда курсы патологоанатомов окончить успел? А я не в курсе? — скеплично смерив санитаров хмурым взглядом, я откинулась на спинку стула, скрестив руки на груди. — И с какого пьяного ёжика именно вы решаете, что делать с поступившим телом? Я прям так и вижу, как наш сиятельный Захарыч награждает вас... — выдержав паузу, мило улыбнулась. — Очередным ночным дежурством в моей скромной компании. Я таки понять не могу, неужели в вас корчатся остатки мазохизма, раз за разом толкающие в мои дружеские и нежные объятия?

— Сергеевна! — дружно вспылили друзья по несчастью, но, наткнувшись на мой сузившийся от недовольства взгляд, имели совесть покраснеть. Чуть-чуть, почти незаметно.

Но на фоне стерильной белизны местных стен смотрелось просто потрясающе. А если ещё вспомнить о том, что не смотря на свою грозную комплекцию, мою невыразительную хрупкость и вообще принадлежность к слабому полу, именно я сейчас загоняю в угол троих амбалов...

Ну надо ли уточнять, почему я люблю свою работу чуть больше, чем положено истинному ценителю трупов?

Прескверное настроение, сдобренное небольшой порцией зловредности и притеснения

местных галёрных рабов, незаметно поднялось до отметки «приемлемо». И прикинув, что до конца смены ещё почти семь часов, а самые жаркие времена начнутся в период с трёх до семи утра, я всё же сжалилась. Ехидно фыркнув, кивнула головой в сторону выхода:

— Ладно, шпроты, овощ вам в помощь. В смысле, хрен с вами. Брысь отсюда и я постараюсь сделать вид, что это не ваши обнаглевшие рожи пьянствовали всю ночь напролёт, — санитары дружно обрадовались, разулыбались и даже попытались наострить лыжи в сторону небольшой служебки, используемой соседями в качестве комнаты отдыха и откуда уже часа так два как гремели стаканы. Но моё покашливание остановило их на полпути. — Но-но, господа камикадзе. Шо за скорость? А как же вернуть контрабанду на место? И обеспечить бедному, скромному патологоанатому счастливые несколько часов в обществе новенького?

Какими глазами на меня глянули — любо дорого посмотреть было. А уж с какими лицами они возвращали каталку на её законное место, пододвинув поближе ко мне — это вообще только на холстах изображать, да в музее хранить. В музее имени пресвятого Зигмунда Фрейда и великого Карла Юнга, как ярчайшую иллюстрацию к практике психоанализа. Потому как на, извиняюсь, лицах данных индивидов отражалось всё, что они обо мне думали...

В не самых лестных эпитетах и не самых приятных диагнозах. Что, впрочем, меня давно уже не удивляло и даже (о, ужас) не обижало. Сначала практика, а потом и работа в морге сделали своё чёрное дело, атрофировав и без того не шибко развитую чувствительность по отношению к общественному мнению.

Ведь как ни крути, это мнение тех, кого не спрашивали. А если и спросили, то исключительно из уважения к чужим тараканам и нелюбви к молчанию, да.

Наконец троица прогарцевала в сторону заждавшегося их застолья, громко жалуясь на судьбу вообще и на мою чёрствость в частности. Им шумно посочувствовали и налили штрафную за опоздание. Что, по всей видимости, не только примерило санитаров с моей скромной персоной, но и заметно повысило настроение. Да так стремительно, что я не успела подготовить всё необходимое для работы, как по моргу покатались завывания, отдалённо напоминающие пение.

Очень кривое пение в исполнении в зюю пьяных волков, которым медведь уши оттоптал с чувством, толком и расстановкой. Я аж зубами скрипнула на особо душещипательной ноте и, дабы не трепать себе дальше нервы и терпение, сделала музыку погромче. Нытьё Киркорова про любовь и прочее непотребство, конечно, не самый удачный вариант, но всяко лучше, чем песни на гитаре аля три аккорда во дворе! Да ещё с оттенком блатного жаргона и армейской жизни.

Даже стесняюсь спросить, где ж они такого непотребства нахватать успели? Но уточнять не пойду, ибо как гласит одно умное правило хорошо там, где нас нет. А если я там буду, то гитару придётся снимать с головы самого выдающегося солиста...

И не факт, что только оттуда.

Позлорадствовав ещё пару минут, припоминая прочитанный не так давно на какой-то ляд «Молот Ведьм», я всё же поднялась с места, потягиваясь и разминая спину. Эффектно хрустнула пальцами, и, окинув оценивающим взглядом накрытый простыней труп, занялась делом.

Сменить халат на рабочую робу дело пяти минут. Спрятав волосы под шапочку, я прихватила

фартук и вернулась в зал, бросив пока не нужную часть одежды на жёсткий стул. После чего сдёрнула покрывало со стола, на который мне любезно (ах, как это было мило-то с их стороны!) мне перенесли тело. И замерла от удивления, глупо хлопая глазами.

Что бы придя в себя через секунду, удивлённо протянуть, почесав бровь:

— Это в каких дворах и у каких заборов валяются такие интересные экземпляры? И самое главное, почему я опять не в курсе?! Прямо мировой заговор какой-то, против бедного, скромного патологоанатома... То бишь меня! Красавец, ну как тебя угораздило-то?!

Вопрос остался без ответа. Впрочем, если бы конкретно этот мужчина, слегка мёртвый и слегка холодный, что-нибудь высказал в ответ на мои стенания, я бы заработала что-то посерьёзнее, чем банальную обиду на мировую несправедливость. Но такой подарок в адрес собственного начальства и таких «любимых» санитаров я из чистой природной вредности себе позволить не могу!

— Так, ладно, — вздохнув, хмыкнула и принялась за работу. — Закрываем рот, прекращаем капать слюной на пол и сожалеть о несбыточном... И начнём с того, что разденем тебя, жмурик мой новоявленный. Вот как тебя угораздило-то, красавец? Что ж ты не пьёшь дорогой виски в компании какой-нибудь сногшибательной блондинки? И объясни мне недалёкой, где ж ты умудрился встретить такого невиданного для элиты зверя, как гопникус обыкновенникус?

Болтая ни о чём и обо всём, я проверила карманы, даже не удивившись, когда они оказались пусты. Куртки или пальто у парня не наблюдалось в принципе, а значит, надежда на наличие документов сохла в тот самый момент, когда я без зазрения совести залезла в задние карманы тёмных джинсов. Отсутствие часов, драгоценностей и ещё каких-то отличительных признаков, вкупе с небольшой раной на голове, прямо-таки кричало о том, что этот красавец попался обычной и тривиальной гопоте. Может прикурить не дал, может ещё чем не понравился...

Факт есть факт. Парня саданули по башке, обчистили и оставили в сугробе. Типичная история с не самым счастливым концом. Что почему-то очень меня расстроило, невзирая на то, что это далеко не первый случай в моей практике.

Вот ещё бы понять, а с какого пьяного ёжика-то во мне вдруг всколыхнулся невиданный зверь по имени человеколюбие?

Неопределённо хмыкнув, я стянула с парня обувь и взялась за ножницы, намереваясь срезать и убрать мешающую и ненужную бедняге одежду. Попутно непроизвольно, вот совершенно случайно, оценивая обнажавшееся под моими руками тело. А оценить, надо признать, было что.

Высокий рост, широкая грудная клетка, шикарные плечи, в меру накаченный пресс. Добавим сюда тёмные волосы (ну и что, что слиплись от крови?), волевой подбородок, мягкие черты лица и длинные сильные пальцы рук. Про то, что было ниже пояса я вообще молчу, потому что даже в таком, очень даже неживом состоянии, парень производил неизгладимое впечатление и в который раз создал тонны проклятий на голову чёртовых гопников.

Ну на кой чёрт они позарились на такую симпатяшку-то? Других пьяниц не хватило или вечер не задался с самого утра? А мне теперь что, сидеть и думать о том, что некрофилия это уже перебор для отличного резюме и явный намёк на принудительный визит к мозгоному?!

Однако пострадать на тему собственной протекающей крыши мне не дали из человеческой

подлости, по моему личному мнению. В небезызвестной подсобке что-то грохнуло, разбилось под дружный страдальческий вздох, а затем раздался зычный вопль того самого Шугурова, свежееиспечённого выпускника ускоренных курсов патологоанатомов:

— Атас! Захарыч идёт!

Я только брови иронично вскинула, подойдя к двери и с любопытством наблюдая за начавшейся паникой. Спиртное прятали, еду запихивали в холодильники, в пустые отделения, где не было тел. Девушек в спешном порядке засовывали в шкафы или душевые, полагавшиеся уставшим работникам после смены. А сами санитары наматывали круги по коридору, в попытке срочно протрезветь и отыскать хоть что-то, способное привести их в состояние близкое к адекватному.

Что, как по мне, было делом заранее обречённым на провал. Тем более, кого они обмануть-то пытаются? Заведующего морга? Одессита по национальности и еврея по происхождению? Да Ивар Захариевич Блюменкранц, что б ему икалось по памяти, сам кого хочешь вокруг пальца обведёт. А уж просечь всю тонкость устроенной показательной рабочей активности ему определённно труда не составит.

— Таки не понял, это шо за невиданный энтузиазм да поперёк всей логики и смыслу? — Захарыч стряхнул с шапки снег и оценил заинтересованную суету в коридоре намётанным взглядом. — И я таки невиданно счастлив, что вы рады меня видеть... Но не надейтесь, шо вам сия благодать на лицах, халатах и полу сойдёт с рук и совести. Женечка, приятно рад вас видеть в целостности, сохранности и весёлости. А теперь простите, заберу подарок своей супруги из кабинета... И сделаю пометочку в блокноте. Шугуров, ну поимейте совесть, не спите хотя бы при мне и дышите перегаром в сторону!

Фыркнув и помахав любимому начальству ручкой, я вернулась к трупам, убирая остатки одежды в пакет. Через пять минут тревога миновала, Захарыч покинул здание, и пьянка потекла по новому кругу. Хотя девицы явно были недовольны едой из холодильников морга, но тут уж ничего не поделаешь. Выбирать-то не из чего! Ну а я...

Я вытащила из рюкзака бутерброд с сыром, откусила приличный кусок, прожевала и поставила на стол ещё один лоток с инструментами. Примостила на этажерке рядом с заспиртованной рукой свой нехитрый перекус и стала надевать фартук. Станный звук за спиной меня даже не насторожил, учитывая, какие страсти кипели дальше по коридору. Я только глаза к потолку возвела, закусив бутер и завязывая лямки за спиной.

Только когда рядом грохнулся тот самый лоток с инструментами, я чертыхнулась и громко гаркнула:

— Вам что, подсобки мало, мать вашу идрит да на визит к проктологу?!

И резко развернулась, дабы дать по ушам тому клиническому идиоту, который решил выползти из своего убежища. Вот только вместо привычных уже рож с не очень активным процессом мысли, на меня смотрел труп.

Милый такой, умильно моргающий, недоумённо пялившийся на всё вокруг труп. Тот самый, который я только что чуть слюной не закапала и едва не вскрыла. Тот самый, который, мать вашу, должен был быть мёртв! Да...

Да ни хрена ж себе одуванчики, на конопляных полях, млять!

Труп, который вовсе и не труп даже, моргнул ещё раз и попытался что-то сказать. Вышло у него так себе, зато способность говорить вернулась ко мне. И надо признать говорила я вдумчиво, долго, красиво и не повторилась ни разу, чем особо гордилась минут так пять! Пока не сообразила, что бывшему теперь уже клиенту моего морга требуется, как минимум оказать первую помощь, а как максимум дать ему одежду.

Как оказалось, в сидячем положении тело было очень ничего. А когда двигалось так и вовсе, вызывало неконтролируемый приступ умиления. Который душил на корню любые мысли о том, что я едва не вскрыла живого человека. У меня, конечно, цинизм зашкаливает, вместе с отсутствующей совестью, но реальное убийство это всё-таки не по мне. Хотя...

Ещё раз скользнув оценивающим взглядом по внезапно ожившему мертвецу, я поймала себя на мысли, что убийство всё же могу совершить. Например, тех самых умников, которые доставили сюда парня, не удосужившись проверить у него наличие пульса! Нет, я знаю, что такое переохлаждение организма, когда все показатели снижаются до минимума. Ну а если я об этом знаю, а я ни разу не фельдшер скорой и даже не санитар, а целый, обаятельный и смертоносно привлекательный патологоанатом...

Какого чёртова суккулента это не знает бригада?!

— Я их убью, — мрачно оповестила слишком живучего пациента, прожевав бутерброд и отложив его остатки на стол. Сердце заволокло, грозя выскочить из груди, и я в кои-то веки порадовалась своему умению держать себя в руках. — Я найду библию дьявола, найму группу сатанистов и, наступив на горло собственным принципам, устрою им такую обструкцию, что кошмары будут мучить и в следующей жизни! Мать вашу, ну как так?! Не, я всякое тут повидать успела, но охрененно красивый труп, который вдруг оживает посреди процедуры вскрытия... Это даже для меня перебор!

Глубоко вздохнув, я опёрлась задом на стол и потёрла лоб, стягивая уже ненужную шапочку с головы. После чего угрюмо поинтересовалась у ничего непонимающе и осоловело хлопающего глазами жмурика:

— Ну? И как тебя звать, жертва несостоявшегося экзорцизма?

Счастливый и живой жмурик потёр лоб, болезненно скривился, задев рукой рану, и выдал какую-то тарабарщину. Певуче так, красиво, но совершенно, просто абсолютно непонятно для меня. Чем и вызвал отдающей истерикой смешок и жуткое, просто непреодолимое желание побиться головой о ближайшую относительно твёрдую поверхность.

И кого я успела так прогневить-то, да в обход инстинкта самосохранения и здравого смысла?!

Поток тарабарщины повторился вновь. Правда, звучал помедленнее и с нотками недоумения. С трудом, но мой бьющийся в некое подобии самокритики мозг опознал один из восточных языков. И пусть легче от этого не стало, зато появилась хоть какая-то определённость. Во всяком случае, мне вполне может повезти и этого несостоявшегося мертвеца уже ищут со всеми собаками, полицейскими и дипломатическими штучками.

Ну хотя бы надеяться на это можно ведь, да?

Ещё одна фраза на неизвестном мне языке отдавала уже не откровенным непониманием, а лёгкой паникой. Парень всё сильнее тёр лоб, вновь и вновь задевая рану и, когда эти почёсывания привели к закономерному результату, и кровь потекла по его лицу, я всё же не

выдержала.

— Чувак, я в курсе, что морг не самое приятное место для того, что б очнуться, но давай такую идиотскую попытку суицида, как зачесать себя насмерть оставим для заядлых любителей экстрима, — судорожно вздохнув и кое-как успокоившись, я отлипла от стола и подошла к хмурящемуся парню, шлёпнув его по рукам. — Я сказала, руки от башки убрал, а то отпилю за ненадобностью!

К моему вящему удивлению меня послушались. Руки чинно сложили на коленях... После чего, новоявленный пациент доктора Хариной сообразил запоздало, что пребывает, собственно говоря, в чём его мать родила. В смысле, голый, абсолютно и непогрешимо. И я даже боюсь представить, какие мысли забродили в его раненной голове, но парень смутился, ровно настолько, насколько вообще можно смутиться перед ехидно усмехающейся девушкой, сосредоточенно осматривающей твою голову.

Хотя надо признать румянец ему шёл, да. Но вот руками прикрывать самое ценное было совсем не обязательно, всё равно я успела не только осмотреть, но ещё и пощупать, пока остатки одежды убирать изволила. Да и потом, что там может удивить патологоанатома-то?

— Ну что могу сказать, Жмурик, — задумчиво протянула, успев не только осмотреть, но и обработать пострадавшую часть головы. — Тебе несказанно повезло. Повреждений особых нет, только кожу рассекло, вот и залило тебя кровушкой... — заметив, как пациент пытается закинуть ногу на ногу и при этом скрыть свою наготу, беззлобно фыркнула. — А какого хера ты, извиняюсь, прикрылся так скромно? Поверь, тут и не такие экземпляры побывать успели, так что ничего принципиально нового я не увижу. Ыть, парень, ну краснеть-то так зачем?!

На меня глянули исподлобья недовольно и что-то пробормотали. Естественно на всё той же непонятной тарабарщине. Радовало, что русский этот кадр явно знает и, о чудо, прекрасно понимает. Уже плюс и значительно упрощает общение. Осталось всего ничего, выяснить на каком языке он болтает и что мне с ним теперь делать.

Не в морге же оставлять, в самом-то деле?

Нет, это конечно дельная мысль, подпитывающая мою общую нелюбовь к такого рода сюрпризам. Однако глядя в недоумённые, незамутнённые и даже местами невинные (ох и мечтательница я, оказывается) глаза парня я остро ощущала всю несправедливость этого мира и работу так осточертевшего мне закона подлости.

Потому что, не смотря на всю свою чёрствость, стервозность и прочие прелести колючего характера, я не могла оставить бедолагу тут. Вот не могла и всё! Пряма печаль-беда, огорчение какое-то, а не спокойное дежурство в новогоднюю ночь. И да будет проклят инстинкт сострадания к ближнему своему, проявившийся так ярко, так некстати и ну абсолютно не вовремя!

Пнув себя мысленно ещё пару раз, я вздохнула и похлопала несчастного жмурика по плечу, заявив, прежде, чем скрыться в раздевалке:

— Не хмурьтесь, милейший. Вам вообще-то просто несказанно повезло! Да-да, и нечего пытаться продырявить мою скромную персону скептическим взглядом!

Найти запасной комплект рабочей формы оказалось делом пяти минут. Как вариант, можно было попробовать запихнуть красавца в штотки одного из сменщиков, но судя по комплекции в лежачем и сидячем положении, они на него банально не налезут. Измельчали нынче,

патологоанатомы-то. Поэтому страдалец был награждён моей фирменной улыбкой, от которой предсказуемо поёжился и комплектом из штанов и рубахи, весёлого болотного оттенка.

Учитывая, что в одну только рубашку можно было смело засунуть пять таких девушек, как я, для всех сотрудников морга до сих пор остаётся загадкой, для кого ж заказывали такую одежду.

Гримаса чужого недовольства увяла под моим скептическим взглядом. Скрестив руки на груди, я вновь пристроилась на краю письменного стола и даже чинно прикрыла глаза ладошкой, продолжая болтать:

— А знаешь, почему тебе повезло, Жмурик? А потому, что я мизантроп, хамло, рабовладелец и гадкое, чёрное пятно на общей праздничной атмосфере. Говоря проще, если б моя повышенная ядовитость не гарантировала мне дежурства в ночь с тридцать первого на первое, валяться бы тебе в подсобке. А учитывая, что отопление клятвенно обещали и клятвенно же не сделали ещё года два назад в той части морга... — тут я сощурилась и убрала ладонь, глядя на закончившего одеваться парня. — К утру ты бы был вполне себе самым настоящим трупом. Так что цени, на какие же гигантские жертвы я пошла, оставив сменщиков без дополнительной работы... Ну и без освежителя воздуха аля «Очень гниющий труп».

Парень скептично фыркнул, одним взглядом умудрившись передать всё, что он думает по поводу моих слов. Думал он, конечно, вполне лестно, но в подобный исход не поверил. А зря...

Я вот тоже не верила в страшилки про живые трупы! Теперь стою с одним посреди прозекторской и отчаянно пытаюсь понять, что теперь делать и как теперь быть. То, что при этом я умудряюсь ещё и болтать, сдабривая речь ехидством, иронией и сарказмом, так это всего лишь издержки характера. Ну и отходняк после такой-то встряски, конечно же.

— Так, посмеялись, погрустили, даже поплакали, — вздохнув, я уже куда более серьёзно глянула на мертвеца и полюбопытствовала, склонив голову набок. — Русский язык понимаешь?

Жмурик кивнул, вновь нахмурившись и переступив босыми ногами по холодному кафелю. Ух ты ж, мать моя краса необъятная! Только ты, Женёк могла притащить тряпки, но забыть про обувь!

Хлопнув себя по лбу, я вновь сбегала в раздевалку и притащила оттуда тапочки. Милые такие, пушистые, в виде кроликов. История о том, как они здесь оказались, была полна обценной лексики и извращённых подробностей, поэтому на очень подозрительный взгляд незнакомца я только невинно похлопала глазами.

И промолчала, в кои-то веки. Только затылок почесала, вновь устраиваясь на краю стола и скрестив руки на груди. По радио начали крутить очередную подборку праздничных песен и я, машинально морщась, переключила на остановленный плейлист и нажала на повтор. «Я убью тебя лодочник» сегодня точно была хитом ночи и отлично поднимала настроение.

— Что понимаешь, это вот прям гора с плеч, — вздохнула и потёрла подбородок. — А теперь надо узнать, на каком же таком наречии ты изъясняться изволишь. Что язык восточный, это я даже к гадалке не пойду. Всё равно опять объявит нечистой силой, и изгнать попытается. Только вот... Какой из?

Жмурик только вздохнул и вновь пробормотал что-то себе под нос. Судя по голосу, явно не моей красотой неземной восхищался и точно не за спасение благодарил. Вот после такого и

начинаешь задумываться, а стоит ли помогать коллегам по цеху из соседнего зала и подменять их по доброте душевной?

— Ла-а-адно, пойдём методом исключения, — поведя носом, я громко чихнула и зажевала оставшийся кусок бутерброда. — Японский?

Отрицательное мотание головой и скептический взгляд.

— Ну да, на ниндзя ты тож не похож, а уж сёгун из тебя, как из меня балерина. Чисто теоретически, умирающего лебеда сыграть смогу, — весело фыркнула, показательно разведя руки в сторону, — а вот на практике вряд ли. Лады, едем дальше. Китайский?

Парень страдальчески вздохнул и покачал головой.

— Да ладно?! А так сразу и не скажешь, что нет, — хмыкнув, доела собственный ночной перекус и сощурилась, припоминая какие ещё из восточных языков могут быть достаточно распространены. И популярны, да. Особенно среди красивых, милых и не совсем мёртвых мальчиков богатого происхождения. — Ну хорошо... Да быть того не может... Корейский?

Жмурик утвердительно кивнул головой и облегчённо выдохнул, заговорив так быстро, что через две минуты у меня начала болеть голова, а глаза медленно, но верно сползли к переносице. Я, конечно, человек начитанный, с широким кругозором и умением заболтать собеседника до полубессознательного состояния...

Но даже мой мозг не был способен обработать такой стремительный поток информации. И это не беря в расчёт тот незначительный факт, что в корейском, я как свинья в апельсинах! Оценить-то оценю, но ни хрена лысого не пойму!

— Стоп машина! — подняла руки вверх, останавливая бесконечный поток слов и мимоходом глянув на наручные часы. Оживший мертвец послушно замолчал, недоумённо на меня поглядывая. А я прикидывала, убьют меня или не бьют за звонок в три часа утра, попутно ехидно заметив. — То, что я угадала, на каком языке ты изъясняешься, милейший, ещё не значит, что я в нём хоть что-то понимаю. А теперь изволь заткнуться на пару минут и дать бедной, ошарашенной и испуганной даме прийти в себя... И выяснить, нет ли у одной отмороженной личности нужного разговорника. Вот кто бы мне сказал, что я в новогоднюю ночь вдруг пожелаю получить русско-корейский разговорник — в жизни бы не поверила! Но поди ты...

Жестом указав парню, что бы уселся на стул, благо оный рядом под ногами вертелся, я вытащила телефон и, помедлив немного, набрала нужный номер. Ответили, конечно, далеко не сразу...

Зато когда кое-кто ледяной всё же дополз до брошенного на полу мобильника (а то я не знаю, чем они занимались, ага), мне довелось услышать тихий, хриплый со сна и прохладный голос:

— Три часа ночи, Харон. Если это не вопрос жизни и смерти, можно его отложить как-нибудь? Хотя бы до завтра?

— Отмороженая моя, когда звоню я — это всегда вопрос жизни и смерти, — ехидно фыркнула, игнорируя возмущённое ворчание Верещагина на заднем фоне и демонстрируя кулак Жмурику, решившему куда-то слинять. — Хотя в моём случае, конечно же, ближе второй вариант.

Закрыв ладонью динамик, тихо, но внушительно прошипела:

— Сидеть, бояться и не двигаться с места. Я всё понимаю, естественные надобности оправить не мешает, себя на прочность испытать, мир окружающий познать... Но будь лаской, мертвюга ты мой озадаченный, не делай лишние телодвижения без моего ведома!

Мертвюга недовольно поморщился, но остался на месте. Чем значительно облегчил жизнь мне и гуляющим санитарам. По моргу и так баек ходит больше, чем про местные кладбища, сатанистов и готов вместе взятых, вряд ли стоит добавлять ещё одну в эту тёмную коллекцию!

— Тебе привет передают, — напомнила о себе Эльза, сcejивая зевок.

— Передай ему, что скальпелем я работаю быстрее, чем он мозгами, — в том, что это был именно «привет» я искренне сомневалась. Скорее уж некто злопамятный и нервный пообещал помочь мне с переходом в иной мир в самые кратчайшие сроки. И это приятно грело мою чёрную душу. — А вообще-то, я по делу звоню.

— Угу, — подруга хмыкнула. — И что это за дело могло заставить тебя отвлечься от любимых жмуриков в самый разгар ночной смены?

Задумчиво глянула на одного такого вот «любимого» жмурика. Нет, не спору, красив, хорош и притягателен. Но настолько болтлив, что я уже в тайне начинаю жалеть о том, что он оказался жив. Не поймите меня неправильно, ценнее человеческой жизни нет, и не будет...

Но не тогда, когда привычную тишину морга нарушает незнакомая, непонятная и окрашенная разнообразными эмоциями корейская трескотня. Если поначалу это звучит необычно и даже приятно, то через пять минут интенсивного воздействия на мозг возникают ну очень нехорошие мысли членовредительского характера. Или неприличного...

Так, Харина, а тебя, куда занести-то умудрилось?!

— Да вообще-то самое обычное, — непонятно откуда взявшееся смущение, вынудило отвести взгляд от Жмурика и вспомнить, на кой чёрт я вообще разбудила Эльзу.

А эта зараза отмороженная, словно хищник почуяла слабинку и заинтересованно поинтересовалась, зевнув и тихо хохотнув:

— И какое же?

Я только глаза возвела к потолку, присушиваясь к приглушённой возне и прекрасно зная, что она означает. И хотя подругу я обожала, её парня уважала за настойчивость, а личную жизнь считала чем-то священным и неприкосновенным... Ничто из вышеперечисленного не помешало мне с ехидством протянуть:

— Так, ваша ледяная светлость, а давайте вы разврату предадитесь чуть позже? Ну буквально минут через двадцать, а то и меньше? Я конечно не против секса по телефону, но я всё-таки человек живой... И некрофилией всё-таки не увлекаюсь!

Тирада была невинной, шутка вполне пристойной... Но реакция была невероятной! В трубке ухохатывалась Эльза, где-то там же громко возмущался Верещагин. А мой бедный Жмурик смотрел на меня такими глазами, что я даже чуть-чуть посочувствовала несчастному. Ровно настолько, насколько он пожалел меня, болтая почти без умолку на этом непонятном корейском!

То есть, фактически жалко парня мне не было, совершенно. Увы, мстительность во мне была куда сильнее сочувствия к ближнему своему. Особенно, когда этот ближний так тщательно, хоть и неосознанно, выносил мне мозг!

— Жень, что случилось-то? — Эльза наконец проснулась и перешла сразу к делу.

— Обломала, да? — пакостно захихикала, довольно и широко улыбаясь. Даже расслабилась немного, чувствуя себя намного увереннее и глядя в завтрашний день если не с оптимизмом, то хотя бы без жажды прибить кого-то под ближайшей осиной. — Если что, у меня есть телефон знакомого стоматолога. Сделает хорошую скидку...

— Харон.

Я вздохнула, недовольно сморщив нос. Вот умеет подруга назвать меня по прозвищу так, что желание и дальше действовать на нервы окружающим как-то резко сходило на нет. И вроде бы настрой-то есть и сказать что тоже знаю.

Но язык уже не поворачивается, прижатый выбравшейся из нычки совестью. Так что тихо хмыкнув, я сдалась:

— Ладно, ладно. Эльза, солнце моё льдистое... У тебя случаем нет русско-корейского разговорника?

На пару минут моё обожаемое снежное величество умолкла, после чего удивлённо переспросила:

— Чего-чего?

Не выдержав, тихо захихикала, зажав себе рот ладонью. Как говорится, могу, умею, практикую... И без лишнего труда ставлю в тупик даже очень близкого мне человека. Хорошо ещё, что привычная к этому Эльза в себя приходила куда быстрее, чем простые смертные.

Усмехнувшись собственным мыслям, я терпеливо повторила, стараясь удержать от смешка:

— Разговорник. С корейского на русский или с русского на корейский. Мне без разницы, в общем-то.

— Зачем?

— Ну... — тут я окинула внимательным взглядом замершего как таракан под тапком Жмурика и попыталась придумать более правдоподобную причину, чем оживший труп. Но ляпнула первое, что пришло в голову. — Я хочу посмотреть дораму без перевода с оригинальными субтитрами?

Прозвучавший в голосе Эльзы скептицизм убедил меня в том, что сходу врать и импровизировать, это не моё, ну вот вообще не моё:

— Ты сейчас меня спрашиваешь или всё-таки утверждаешь?

И словно этого было мало, где-то там, в их уютном гнёздышке, ржал как конь один наглый байкер. Я на эти звуки только сощурилась зло, обещая себе обязательно припомнить этой занозе в энном месте у каждой порядочной девушки все его подколы, если он попробует хотя бы заикнуться об этом!

— Судя по всему, утверждаю, — тяжело вздохнув, я всё же повторила свой вопрос, ощущая острую необходимость в данной книге. Потому как осмелевший Жмурик по ходу дела вставлял ремарки и комментарии. И я своей печёнкой чую, что нет в них никакого уважения к несчастному патологоанатому. — Так у тебя есть такая полезная и крайне необходимая мне книжица?

— Есть только одна. Очень рыжая и очень разговорчивая. Но она тоже не обрадуется звонку в три утра. А ваши дебаты — это не то, что может выдержать нервная система. Даже такая тренированная, как у Полонского, — Эльза едва слышно фыркнула, явно в красках и иллюстрациях представляя себе эту эпичную встречу.

— А чего-нибудь попроще нет? — мой страдальческий стон подругу не впечатлил, судя по скептическому хмыканью. Поэтому чертыхнувшись, я стукнула кулаком по столешнице. — Ну твою ж дивизию да на Майдан! Эльз, а если всё-таки подумать?

— Даже если поискать, — вздохнула та в ответ. — Извини, Харон, но я как-то не задавалась целью поехать на чужбину. Да и потом, английский — это универсальный язык, известный в большинстве стран.

— Угу, только американцев в своих владениях я чёт не наблюдаю, да... Ладно, — я вздохнула, признавая поражение. — Будем работать с тем, что есть.

— В смысле смотреть дораму с русским переводом или английскими субтитрами?

— Ну... — я попыталась уйти от ответа, скептически заметив. — Можно сказать и так. Тем более, что это, похоже, единственный вариант, ага... Ну если, конечно, в мои родные пенаты не привезут внезапно скоропостижно скончавшегося переводчика из посольства Южной Кореи! Я-то уже не удивлюсь, но даже для новогодней ночи это будет уже перебор... Дедушка Мороз явно меня не любит. Я просила всего лишь избавиться от лишних оленей в собственной жизни...

— А он? — Эльза засмеялась, но кроме искреннего веселья подруги я прекрасно слышала шум возни, затеянной этой парочкой. Похоже, кто-то отправился от шока и продолжил нехорошие поползновения в сторону её ледяной светлости!

— А он, зараза такая, подогнал левую контрабанду в ночную смену в Новый Год и именно в моё дежурство, — моё недовольное ворчание не снискало ни сочувствия, ни хотя бы жалости из женской солидарности.

А тут ещё и из коридора послышался жуткий, зловещий смех, скрип каталок и завывания на манер Кентервильского привидения. Писк испуганных девчонок, звон разбитой посуды, тихое ойканье...

Вот зуб даю, санитару ближайшего, что эти идиоты устроили заезд на каталках, не вписались в поворот и что-то грохнули от всей широты души своей!

Явственно скрипнув зубами, я переключила трек и кровожадно улыбнулась, прижав телефон плечом к уху и потирая руки в предвкушении веселья:

— Ладно, придётся самой разбираться. Судя по звукам, у вас там намечается внеплановый доступ к царскому телу, так что я прощаюсь... И иду бить морду санитарам.

И не дожидаясь ответа повесила трубку, бросив телефон на стол. Размяла пальцы, повела плечами и зычно гаркнула, рванув в сторону выхода и отмахнувшись от поднявшегося, было, с

места Жмурика:

— Стоять — бояться, упасть — отжаться! Ну что, утки мои нелетучие... Кому, мать вашу, так захотелось стать научным пособием коллег из зала напротив?!

Внеплановый разгон весёлой компании занял минут десять. Пришлось потрудиться, вправляя то, что некоторые называют мозгами, на место и протрезвляя принудительными способами вконец оборзевших коллег. Эффект, конечно, получался временный, но мне бы до семи утра продержаться, а там их чудеса будут уже не моей проблемой и точно не моей головной болью.

Высказав по второму кругу всё, что думаю, я сдула с носа прядь волос и вернулась к заждавшемуся меня мертвецу. Чувствовала я себя значительно спокойнее, увереннее и даже веселее. Нервозность почти прошла, шок от внезапно восставшего мертвеца отступил на второй план. И к компании Жмурика я присоединилась, мурлыча себе под нос имперский марш из легендарной саги.

Пристроившись на излюбленном месте возле стола для вскрытия, я пробарабанила пальцами по металлической поверхности каталки незатейливую дробь. Недовольно поморщилась, цокнула языком и ехидно так осведомилась, выразительно глядя на хмурого парня:

— Ну что, спящая красавица? И что мне прикажешь с тобой делать-то, а?

Правда, ответить бедолага ничего не успел... Звук сирен чётко напомнил мне о том, что новогодняя ночь без аврала — это, то же самое, что еврей без выгоды.

Вещь чисто физически невозможная!

Глава 1

Как говорилось в одном фантастическом анекдоте: «Друг, а ты утром сам просыпаешься или по будильнику встаёшь? Не, брат, меня некромант поднимает!». С чего мне вспомнилась эта шутка, я, честно говоря, не понимаю. Зато остро ощущаю нехватку этого самого некроманта, который поднять-то меня поднял...

Но разбудить отказался. И чувствуя себя свежее поднятым трупом, я распласталась на узком диване, сквозь сон, прислушиваясь к шикарному голосу Валерия Меладзе, надрывающегося в известной песне «Комедиант». Мозг пребывал в анабиозе, медленно и натужно пытаюсь осознать, откуда у меня взялась сия композиция в плейлисте и когда я его включить успела. И только три минуты спустя, когда трек внезапно оборвался и пошёл на второй круг, до меня всё-таки дошло, что данная песня есть только в памяти моего телефона.

В качестве рингтона на номере одной, ну очень уж занятой личности. И ей, этой самой личности, грозит стать почётным клиентом моего обожаемого морга, если не найдётся хоть одной сколько-то объективной причины будить меня после ночного дежурства!

Перевернувшись на живот, я подгрехала под себя одеяло и свесила руку с дивана. С трудом открыв один глаз, мутным взором обозрела окружающее пространство, машинально отметив устроившегося недалеко от дивана красавца. Мозг сонно отметил, что Жмурика, видимо, не разбудило бы и пришествие Всадников Апокалипсиса, с их стажёром Доброе утро. А пока я восхищалась чужой способностью спать в любой ситуации, пальцы нащупали на полу надрывающийся сотовый телефон.

Подтянув его к себе, я нажала на кнопку приёма вызова и невнятно откликнулась, уткнувшись носом в подушку:

— Ну?

— Утра доброго, новогоднего! Бодрого состояния, хорошего здоровья и прекрасного настроения для самого очаровательного патологоанатома в мире! — радостно отрапортовал абонент со звучным прозвищем Шут. По простоте своей наивной даже не подозревая, что своим энтузиазмом медленно, но верно подписывает сам себе смертный приговор. — Как поживает самая милая, добрая и чудесная девушка в мире?

— Мечтает лицезреть твою неугомонную задницу на металлическом столе в прозекторской, в качестве одного из многочисленных, но жутко молчаливых пациентов, — пробубнила себе под нос, не открывая глаза и даже не думая куда-то двигаться. — И мечта вполне себе осуществимая... Если ты не сможешь внятно объяснить, какого ж вислоухого свинорыла тебе приспичило пообщаться со мной первого января, да ещё после ночного дежурства!

Обличительная и гневная тирада особого эффекта не возымела. Лёха только хохотнул довольно и оповестил меня счастливым голосом:

— И я рад тебя слышать, Женёк!

— Правило номер один? — обманчиво ласково выдохнула, машинально переворачиваясь на спину. Совершенно забыв при этом, что диван у меня ни разу не размера кинг-сайз, а уж в сложенном состоянии и вовсе даже для меня маловат.

Так что ничего удивительного, что я благополучно рухнула вниз, выдав короткое, но ёмкое и эмоциональное:

— Мля!

Шут, прекрасно знавший, что толком не проснувшись, я вечно падаю с дивана, на такие мои слова только заржал, поинтересовавшись:

— Опять? Же... Тьфу ты! Харон, ну ё-маё, когда ты диван научишься раскладывать до того, как уснуть?!

— Тогда, когда ты сдашь экзамен по оказанию первой медицинской помощи с первого раза, — буркнула в ответ, с трудом принимая вертикальное положение и потирая пострадавшую поясницу. Хорошо ещё ковры толстые, а то быть бы мне радикулитной белочкой на все выходные.

Очень стрёмной радикулитной белочкой, с незнакомым полуголым мужиком в довесок. Тем самым, который сладко спит, перевернувшись на живот и крепко прижимая к себе казённую подушку. Хорошо хоть слюни не пускает, этого мой внутренний перфекционист в жизни не переживёт.

А ещё просто чудесно то, что моя засыпающая на ходу светлость уложила внезапного гостя посреди комнаты, а не рядом с диваном. Во мне весу, как в том курёнке, но проверять на прочность бедного жмурика мне не хочется. Падение одного конкретного патологоанатома с небольшой высоты, убить то не убьёт, но и приятных впечатлений точно не оставит.

Вот вам крест святой да на всё тело!

— Блин, ты мне всю жизнь, что ли это припоминать будешь? — обречённо вздохнул Лёшка и я, как наяву, увидела, как он страдальчески закатывает глаза, подпирая плечом очередную стенку.

— Шесть раз, Карл. Шесть! — хмыкнув, я едва заметно пожала плечами и широко зевнула, потягиваясь. С трудом собрав сонный мозг в кучу, я всё-таки сумела не только встать, но и выйти из комнаты, прикрыв за собою дверь.

И только усевшись на тумбочку в прихожей, задала один немаловажный, можно сказать животрепещущий вопрос:

— Лёш, ты чего хотел-то?

Но вместо того, что бы как все вежливые люди ответить на поставленный вопрос, этот скоморох доморощенный взял и отключился. А пока я задавалась вопросом, а какую, собственно функцию, через ось икс и игрек тут происходит, дверной звонок добавил к стабильному недосыпу ещё и головную боль. И ведь как звонили-то: настойчиво, требовательно...

Недвусмысленно намекая на повышенный нынче спрос в обществе на стабильно не высыпающихся патологоанатомов. Ещё и постучали, да так, что и тени сомнений не осталось в том, что хозяйка дома находится!

Взъерошив волосы, я засунула телефон в карман пижамных брюк и, подавив гадкое желание отправить всех гостей по малому пешему эротическому туру, щёлкнула замком, открывая двери. И ни капли не удивляясь тому невероятному факту, что на пороге стоит та самая обнаглевшая, вредная, долговязая, взъерошенная личность.

Сверкающая очередным фингалом на своей миловидной роже. До омерзения знакомая и порядком успевшая потрепать нервы. Настолько, что я прям так сразу и не скажу, чего мне хочется больше: дать ему по затылку, в напрасной надежде править мозги на место или всё же вылечить все ссадины и ушибы для начала, а потом уже проводить воспитательные беседы? И это при условии, что оные заранее обречены на провал!

Скрестив руки на груди, окинула гостя скептическим взглядом и поинтересовалась, вздыхая и отступая в сторону:

— Опять?

— Да блин! — высокий, темноволосый парень, одетый в джинсы, чёрную водолазку и короткую, распахнутую на груди куртку, занял собою всё свободное пространство коридора, стоило ему перешагнуть через порог. — Жень, ну не виноват я, они меня сами находят!

Я только фыркнула, насмешливо разглядывая раннего гостя. Тот в ответ развёл руками и потряхнул головой, пытаясь избавиться от налипшего на волосы снега. И, схватив меня в охапку, чмокнул в щёку, обдав зимним холодом и ароматом своего одеколona.

— С новым годом, трупоманка! — радостно поздравил меня Шут, стиснув в крепких объятиях и крутанув на месте, прежде, чем поставить на пол.

А я, добродушно фыркнув, встала на цыпочки и взъерошила изрядно отросшие тёмно-русые

волосы. После чего ткнула его несильно кулаком в живот, кивнув в сторону кухни:

— И тебя с тем же, по тому же месту, Ван Дамм недоделанный. Раздевайся, мой руки и марш на осмотр. За одним расскажешь, где и как ты, сотрудник элитного ночного клуба, сумел найти неприятности в новогоднюю ночь! Эх... — тут я страдальчески вздохнула, пряча широкую улыбку. — И почему ж я, со своей преинтереснейшей работой, так ни разу и не встретила кулаки самоходные?

— Ну что я могу сказать? — покаянно вздохнув, Лёшка стащил куртку и повесил её на вешалку. — Как показала практика, я очень, просто феерически изобретателен в этом! Ну и потом, мать, я ж не спрашиваю, чего ты выглядишь как статист из сериала «Ходячие мертвецы» после одного единственного дежурства!

— Всего лишь компания милых санитаров и час пик из трупов. Он никого ещё не оставлял равнодушным! — тихо засмеявшись, я хлопнула этого скомороха доморощенного по заднице, придавая ускорения и задавая направление одновременно. — Иди, балаболка. А то я прямо начинаю сомневаться в собственной адекватности, раз всё ещё питаю тёплые чувства к такому извергу как ты!

— Я тебя тоже люблю... За какие-то тёмные делишки в прошлом, однозначно! — и, щёлкнув меня по носу, сей олень северный унёсся дальше по коридору, добавив напоследок. — Ибо больше просто не за что!

Я на это только глаза к потолку возвела, засунув руки в карманы штанов и прошаркав в сторону кухни. Мне нужен был чай, много-много крепкого, горячего чаю и минут десять тишины, дабы окончательно проснуться. А одному наглому, прожорливому и излишне агрессивному организму требуется сообразить что-нибудь на пожрать. Надеюсь, в холодильнике есть что-то посущественнее, чем повесившаяся с голоду мышь.

В противном случае, Лёшка будет сидеть и дуться, глядя на меня обиженными глазами, шмыгая отчаянно носом. И не знаю, где он этому научился и почему моё чёрствое сердце не желает игнорировать его выражение лица в такие моменты, но каким-то невиданным образом ему удаётся достучаться до моей замшелой совести.

И я сама не успеваю сообразить, как уже готова сделать всё, что бы он снова улыбнулся. Кто бы объяснил мне, с чего и почему!

Когда Шут рухнул на табуретку возле кухонного стола, там уже стояли две исходящие паром кружки, тарелка горячих бутербродов, с сыром и колбасой, и походная аптечка, всегда хранившаяся в шкафчике над раковиной. Заметив последнюю, Лёшка недовольно скуксился, но пододвинулся поближе ко мне и покорно задрал голову, пробубнив:

— Давай, эскулап, начинай лечить меня и мой бедный мозг. Но учти... Я не злопамятный, но злой и память у меня хорошая!

— Ага, я это оценила ещё с третьей твоей попытки, Карл, — тихо засмеявшись, я открыла коробку и вытащила всё необходимое. После чего начала обрабатывать боевые ранения парня, недовольно проворчав. — А теперь расскажи кА мне, злопамятный мой... Как тебя угораздило?

— Да как обычно, — поморщившись, когда мои пальцы задели самую глубокую ссадину, Алексей притворно вздохнул. — Шеф свинтил, оставил меня за старшего. Я был мил, учтив, вежлив... В общем, превзошёл сам себя в попытке провести всё на высшем уровне.

— И? — я вопросительно вскинула брови, накладывая заживляющую мазь и принимаясь за сбитые костяшки.

— Вот только ржать не надо, а? — недовольно насупился Шут, заметив мою понимающую улыбку. И взъерошил волосы, раздосадовано протянув. — Да всё нормально было! Пока парочка мажоров не решила показать, как это круто быть такими как они. К официанткам попытались приставать... Ну я и вывел их освежиться на улицу.

— Вывел или выкинул, окунув в сугроб? — уточнила, нанося мазь на последнюю ссадину на костяшках и усаживаясь на вторую табуретку, пододвинув к себе свою порцию чая. Обхватив горячую керамику пальцами, блаженно вздохнула, прикрыв глаза и ссутулившись, устроившись на стуле с ногами.

— Не виноват я, оно само вышло, — тяжело вздыхая, Шут стащил первый из бутербродов и принялся активно жевать, жестикулируя и запивая нехитрый перекус травяным сбором. — Ну так вот. Вывел я их, значит, задницами в сугроб усадил, снегом сверху припорошил... И высказался. Красочно, образно, как я умею, да. И добавил, ещё раз так себя вести будут, поменяю к чертям собачьим головы с задницей местами. И похрен что анатомически сложно, принципиальной разницы всё равно не будет!

— Это статья, — флегматично заметила, прикрыв глаза и чувствуя как медленно, но верно организм начинает пробуждаться от сна, больше всего напоминавшего кому. И хотя выспаться, как всегда, не удалось, я по крайней мере перестала себя чувствовать одним из пациентов морга.

— Да хоть весь уголовный кодекс разом, — Шут беззлобно фыркнул, закатив глаза. И стащил второй бутерброд, расправившись с ним в три укуса. А закончив жевать, хитро сощурился и подмигнул. — К тому же, ты ж найдёшь способ избавиться от трупа? Так ведь?

— Обязательно, — хмыкнув, сделала первый глоток, довольно вздохнув, и хихикнула, глядя на этого жующего монстра. — Тело закатаем в ковёр, вывезем в лес и я даже подсвечу тебе фонариком, пока ты будешь копать могилку. Лопаткой. Сапёрной. «Азарт» называется. Всё ещё хочется прибить мажорчиков?

Шут задумчиво почесал затылок и выдал, с кровожадной улыбкой заправского маньяка, подпорченную спешно дожёвываем бутербродом:

— Агась. Только теперь подумываю сначала увезти их в лес, потом заставить выкопать себе могилку и уже после этого сделать себе харакири при помощи так любимой тобою сапёрной лопатки.

Мой тихий смешок вызвал ответную широченную лыбу. При этом на лице у Лёшки появлялись такие забавные ямочки на щеках, что не возможно было не умилиться. Особенно, когда прекрасно знаешь, на что он на самом-то деле способен. Только с виду раздолбай раздолбаем, бывшая уличная шпана выросшая до отъявленного, коварного интригана под чутким руководством некоторых. А на деле та ещё пиранья.

Вот вроде бы милая, незаметная, маленькая рыбка, а как рот откроет, так и не знаешь, куда бы от неё спрятаться. Хотя, на мой скромный взгляд, это вряд ли тебя спасёт.

Задумавшись, я выпала из реальности минут на пять. И вернулась обратно из собственных путаных мыслей, только когда Лёшка пощёлкал пальцами у меня перед носом. И то, лишь для

того, что бы вздохнул, подпирая щеку кулаком и широко зевнуть в ответ.

— Оу, трупоманка моя, да ты ж сейчас уснёшь прямо носом в кружку, — озадаченно протянул Шут, пока я его разглядывала, подперев щеку кулаком.

— Иди нафиг, — лениво отмахнулась от него, опираясь плечом на стену, и потёрла переносицу, прикрыв глаза. — Это ты у нас организм молодой, полный энергии и жажды действий. Тебя и после двух бессонных ночей можно принять за зайца из рекламы батареек. А моя тёмность уже в том возрасте, когда вроде бы ещё любишь тусовки, но уже присматриваешь сковородки по акции. Так что мне в... — тут я приоткрыла один глаз и глянула на таймер на микроволновке. — В десять утра первого января вполне простительно быть чуть живее и сообразительнее зомби.

— Если тебя это утешит, ты была бы очень милым зомби, — захихикала эта пакость, допивая чай и рыская в полупустой баночке с конфетами.

— Если тебя это утешит, — вернула ему его же ехидный тон, добродушно усмехнувшись, — то на твои мозги я бы не претендовала. ввиду их отсутствия.

— Уела, — со вздохом признался Шут и весело фыркнул. что бы тут же подскочить, звучно хлопнув себя по лбу. — Во я дебил! Щас!

— Самокритично, — пробормотала себе под нос, с трудом соскребая себя со стула и заваривая новую порцию чая. Видимо, не стоило в последние несколько дней работать в две смены, подменяя заболевших коллег по цеху. Потому как, судя по ощущениям, организм задавил все зачатки бодрости и объявил тотальную обструкцию любой попытке двигаться, действовать или что-то делать.

Не то, что бы я была сильно против поваляться на диване в собственный выходной. Однако, мало того, что у меня в квартире лёгкий бардак, друзья ждут в гости и в холодильникемышь повесилась. У меня ещё и незнакомый чувак на полу дрыхнет. И вот что делать с последним я себе, если честно, плохо представляю.

Ранним утром после дежурства всё казалось очень простым. Держаться за Жмурика по пути к такси, что бы самой где-нибудь не навернуться и не вырубиться в ближайшем сугробе, добраться до квартиры, устроить гостя и завалиться спать до того, как усну в процессе чистки зубов. И этот план было очень легко привести в исполнение.

Тем более что сам оживший мертвяк даже не сопротивлялся, когда я уцепив его за руку, вытащила болезного из раздевалки, где он в наглую дрых, и потянула в сторону выхода.

И даже сквозь навалившуюся свинцовую усталость не смогла не отметить насколько милым и уютным что ли, был этот недоделанный кореец.

Правда, поутру, как говорится, они проснулись. На место розовых мечтаний пришла суровая реальность, напомнившая, что в моей квартире незнакомый мужик, болтающий на непонятном мне языке. И что с этим делать я в принципе не представляю.

Вновь задумавшись над внезапно образовавшимися проблемами (и проклиная приступ собственного человеколюбия), я совершенно не обратила внимания на подозрительное шевеление со стороны коридора. И вскрикнула от неожиданности, когда внезапно подкравшийся Шут, схватил меня за талию со спины, прижал к себе и протянул небольшую чёрную коробку, перетянутую алой лентой.

— С новым годом, трупоманка моя обожаемая! С новым счастьем, с новым списком... — чмокнув меня в щёку, Шут сунув коробку мне в руки. — Упс, это не из этой оперы. Хотя у тебя явно есть личный, расстрельный список на все случаи жизни! Давай, открывай. Я хочу видеть твоё лицо!

— Ты в этом самом списке будешь на первом месте, если не перестанешь подкрадываться, зараза лохматая! — беззлобно треснула его ладонью по лбу, с опаской принимая подношение. — Я боюсь спрашивать... Это что?

— Хм... Подарок? — и бровь так выразительно выгнул, что я без особого труда определила, у кого он этому трюку научился.

Надо будет как-нибудь намекнуть Эльзе, что у неё появился достойный конкурент, способный не только повторить, но ещё и превзойти собственного внезапного учителя.

— А слона-то я и не заметила, да, — хмыкнула, шлёпнув его по рукам, выбираясь из тёплых, привычных, но очень уж крепких объятий, суливших мне в перспективе трещину в рёбрах.

— Открывай, Харон, — Лёшка дёрнул меня за прядь волос, заглядывая в глаза и улыбаясь. — Тебе понравится!

Глянула на него подозрительно, но всё же вернулась к столу и вновь устроилась с ногами на табуретке, потянув за ленту и развязывая её. К моему вящему удивлению, сам даритель зачем-то отошёл к дверям и оказался уже обутом, сжимая в руке куртку и чуть ли не притопывая от нетерпения.

Одно только понять не мог, то ли ему так хочется, что бы я побыстрее подарок оценила... То ли он планирует слинять до того, как я отреагирую на его выходку. И почему-то второй вариант моему всё ещё не проснувшемуся мозгу кажется куда как предпочтительнее.

— Лё-ё-ёш... Что там? — опёршись локтём на стол и подперев щёку кулаком, я постучала пальцами по гладкой крышке.

— Ну извини, «Экстаз» не завезли, «Привет разобрали, а твой обожаемый «Азарт» был раскуплен оптовиками для стройотрядов из эмигрантов, — Шут развёл руками с таким невинным видом, что совесть бы не позволила не поверить ему.

Только вот моя совесть крепко спала где-то в глубине моей души и не собиралась выбираться из собственного логова. Поэтому я только скептически хмыкнула, открывая крышку и...

— Шут! — мой вопль заставил дрогнуть стёкла в дверцах кухонного гарнитура. Но этого гада и след простыть успел, пока я спрыгнула с табурета и рванула следом за ним, прихватив кухонное полотенце. — А ну стой, гадёныш! Это что такое, а?!

— Твой новый питомец! — проорал Лёшка, успев выскочить из квартиры и захлопнуть дверь, подперев её с той стороны. — Женёк, ну чудо моё пушистое... Чёрное, да. Ну, должна же у тебя быть хоть одна живая душа поблизости, а? А эту хоть реанимировать можно в случае чего, нажав на кнопку перезагрузки!

— Тамагочи, Шут! Ты, недобитый романтик, подарил мне тамагочи! Я тебя сейчас самого реанимирую, зараза! — от души пнула дверь, прекрасно зная, что сдвинуть с места у меня ей не получится. Уж больно весовые категории у нас разные!

И в этот момент я остро пожалела о том, что в своё время отказалась от предложения Саныча обучить меня хотя бы основам рукопашного боя для очень начинающих курсантов. Бравым омовцем я бы, конечно, не стала и дверь с плеча вынести бы не смогла. Но приложила бы кое-кого при случае обязательно. Вот же...

Пакость мелкая, ей богу!

Словно почуяв моё настроение, Лёшка самым жалобным тоном из всех возможных, протянул:

— Ну трупоманка моя любимая, ну я же ж любя! Я ж от всей души...

— О которой стоит позаботиться заранее, потому что я точно поспособствую её попаданию в рай, — недовольно пыхтя приложилась ещё раз ногой об дверь и прислонилась к ней плечом, скрестив руки на груди. — Ад не гарантирую, ты там себя как дома будешь чувствовать!

— Мерси, Харон, ты такая добрая, что просто слов нет... Культурных, — обиженно протянул Алексей и, судя по звуку, застегнул куртку. — Между прочим, ты бы лучше оценила, сколько усилий я приложил, дабы добыть эту игрушку!

— Оторвался от камер, выключил плеер и дошёл до ближайшего игрушечного магазина? — вздохнув, я взъерошила волосы и всё-таки тихо откликнулась, прислонившись лбом к двери. — Спасибо, Лёш...

— Всегда пожалуйста, трупоманка, — хохотнув, Шут осторожно постучал и, дождавшись, пока я открою дверь, обнял меня, обдав холодным воздухом. — И не шмыгай носом, зомби моё обожаемое, а то я рискну предположить, что мозги у тебя вытекать начали от переизбытка человеческих эмоций.

— Засранец, — ткнула его кулаком в живот и отстранилась, привстав на цыпочки и натянув ему капюшон на лоб. — Вали уже, скоморох доморощенный. И постарайся больше так не попадаться, а то в следующий раз я буду осматривать уже твой труп.

— Оу, обнажёнка, да? — щёлкнув меня по носу, Лёшка ехидно фыркнул. — Всегда знал, что в твоих фантазиях есть место для меня!

— Шу-у-ут...

— Понял, осознал, не каюсь... — дёрнув меня за прядь волос, парень обаятельно улыбнулся и скрылся на лестничной клетке, проорав уже оттуда. — Но удаляюсь! Я позвоню позже!

— Вали, — возведя глаза к полку, я поёжилась и закрыла дверь, качая головой. Вот только довольную улыбку скрыться так и не получилось. — Чудо, блин... Жертва хаотичной деградации хромосом, мать его... Вот же ж, Шут!

Постояв ещё немного в коридоре, я потянулась, разминая плечи, и повернулась, намереваясь проверить, как там мой внезапный поселенец поживает. И не смогла сдержать удивлённого вздоха, когда упёрлась носом в обнажённую, широкую мужскую грудь.

А подняв взгляд и встретившись с серо-зелёными глазами на очаровательно сонном лице, вздохнула и выдала:

— Жмурик, я тебе колокольчик подарю! Чтобы ты не передвигался, как чёртов ниндзя и не довёл меня до инфаркта раньше времени! — почесав нос, подумала и добавила, ехидно

сощурившись. — Ну или до убийства! Тебе как больше нравится?

Мужчина как-то неопределённо хмыкнул и пробормотал себе под нос что-то на всё том же корейском. Я нахмурилась и схватила его за подбородок, вынудив наклониться ниже. Пощёлкала пальцами слева и справа от головы, посмотрела внимательно ему в глаза и недовольно цокнула языком:

— Эк тебя приложило, красавец. Я, конечно, помню со времён своего студенчества, что удар по голове может привести к самым непредсказуемым последствиям, но вроде бы должно всё пройти в течение суток. Или ты у нас уникал, а, Жмур?

Мертвец неопределённо пожал плечами, укутавшись в одеяло, и вопросительно на меня посмотрел. И сверлил минут пять пристальным взглядом, пока я пыталась понять, чего ему от меня надо-то...

Дошло до меня как на утки, чуть ли не на пятые сутки. Прыснув, я хлопнула его по плечу и ткнула в сторону двери в санузел, благословив:

— Вперёд, покоряй прелести отечественной сантехники. А я пока соображу, что приготовить тебе на завтрак и попробую придумать решение проблемы с общением. И да, свежие мозги не обещаю, не завезли. Дефицитный это товар нынче, поверь бедному патологоанатому!

Кухня встретила меня тишиной, пустотой, открытым подарком и насущным вопросом «А что, собственно, делать?». После нашествия Шута, за каких-то два года вымахавшего в здорового, вечно жрущего хомяка, найти что-то съедобное было проблематично. Однако, почесав затылок и оценив масштабы катастрофы, я к моменту возвращения гостя умудрилась не только приготовить поесть, но даже наметить план действий.

Не шибко реалистичный, на мой скромный взгляд, зато дающий хоть какую-то надежду на решение проблемы. Поэтому плюхнувшегося на табурет Жмурика я встретила довольной улыбкой маньяка-садиста, сковородкой жаренной картошки и найденным в загашнике кофе. Будем надеяться, что этот парень не любитель экзотики и ему не нужно искать свежие лягушачьи лапки и фаршированного голубя по всему городу.

Потому что в противном случае я выпну его делать это самостоятельно. И это будут исключительно его проблемы, как он объяснит первому же наряду полиции на корейском языке (на идеальном корейском, как мне кажется) кто он и чего хочет.

— Приятного аппетита, — пододвинув к нему вилку и банку с майонезом, каким-то чудным образом сумевшую выжить в моём холодильнике, я заинтересованно покосилась на подрагивающего парня. — Нет, не отравлено. Но если так не уверен, могу попробовать сама. Только учти, тебе придётся ждать три часа, что бы проверить, а за это время картошка благополучно закончится и останется только майонез. А им одним хрен наешься, тем более, что у меня хлеба тоже нет.

На меня глянули скептическим взглядом, сцапав вилку и сунув в рот приличную порцию картошки. Прожевав, Жмур тихо фыркнул и ткнул пальцем в сторону коридора, после чего его передёрнуло как от внезапного сквозняка.

— А-а-а! — понятливо протянула, кивая головой и сочувственно вздыхая. — Ну что поделать, товарищ зомби, это тебе не частное подворье и даже не элитный жилой комплекс. Тут горячее водоснабжение отключается с периодичностью, угадать которую можно только путём трепанации черепа заместителя главы администрации по ЖКХ. И то, не факт, что получится.

Парень нахмурился и пробормотал себе под нос очередную тарабарщину. Я, правда, к собственному удивлению, уже привычно пропустила её мимо ушей, в кои-то веки потягивая так ненавистный мне кофеин. То ли мозги окончательно набекрень ушли, то ли ещё какая аномалия случиться изволила...

Но проснуться смогла только сделав глоток горького, чёрного кофе. Он же позволил мне сообразить, что делать, как же мне быть. И как так вообще получилось, что у меня в квартире объявился незнакомец, фактически бывший труп и при этом инстинкт самосохранения даже не почесался, продолжая крепко дрыхнуть где-то в глубине души. Нет, я осознаю, что сам бы он вряд ли смог что-то сделать, учитывая ситуацию в которой оказался мой бедный Жмурик.

Вот только решительно не могу понять, с каких пор я стала настолько глупой и наивной, дабы повернуть такой финт ушами? Мне ли не знать, к чему это может привезти и не я ли имела сомнительное удовольствие лицезреть жертв подобных проявлений милосердия?

— Интересный ты экземпляр, Жмур, — задумчиво протянула, сощурившись и разглядывая активно поглощавшего нехитрый завтрак. — Потому что с какой-то чёртовой икебаны я не просто тебя не боюсь... Я, мать моя богиня смерти, тебе даже доверяю! Не подскажешь, с чего бы такие глобальные регрессии в моём мозгу?

Товарищ недо зомби предсказуемо подавился, закашлявшись и глядя на меня такими недоумёнными глазами, как будто я его попросила рассказать о собственной сексуальной жизни в картинках и иллюстрациях. Не знаю, всегда ли у него так легко по лицу прочесть можно было или у меня просто дар такой, внезапно открывшийся, но я не смогла удержаться и не прокомментировать такое выражение лица:

— И не смотри на меня так, словно я тебя за каким-то непотребством застала. Я, может, девушка одинокая, но девиантным поведением, увы, не страдаю. Так что за свою честь можешь не переживать, мне на неё покушаться не хочется абсолютно. Правда, — тут я прошлась оценивающим взглядом по обнажённому торсу парня и сокрушённо вздохнула, — щеголять своей мужской красотой на лестничной площадке не рекомендую. Боюсь, твой мозг не вынесет всех тех предположений, которые выдаст местный филиал ФСБ, заметив на этом этаже такого очешуенного красавца.

Жмурик предсказуемо подавился повторно и... Смутился. Я аж прибалдела от такого пикантного зрелища, получая непередаваемое удовольствие от вида лёгкого румянца на этом симпатичном лице. Правда, совесть, нагрянувшая внезапно в гости, в паре с укоризненным взглядом мертвеца, заставили меня печально вздохнуть и подняться, допивая залпом остывший кофе.

— Ладно-ладно, молчу и даже где-то раскаиваюсь. Ну может быть совсем чуть-чуть и где-то очень глубоко в душе, — машинально взъерошив волосы удивлённо замершего на месте Жмурика, я прихватила подарок Шута и пошлёпала в комнату. — Приятного аппетита. Найдёшь что съедобное — ешь. Если что, откачать смогу... Наверное.

Замерла на пороге, задумчиво почесав затылок, и добавила, с нотками мрачного оптимизма, присущего каждому патологоанатому:

— Ну а если нет... То вскрытие покажет, что пациент точно умер. От вскрытия!

За спиной что-то грохнулось, но оглядываться и возвращаться на кухню я не стала, Только понадеялась, усаживаясь на любимый пуфик и открывая ноутбук, что это была всё-таки не

сковородка и не сам Жмурик. Я не против трупов, но только не на собственной, горячо любимой кухне.

Да и прятать мне его некуда, а на работу я попаду только послезавтра и то, к вечеру.

Тихо фыркнув, запустила технику и, дождавшись подключения к сети, вывела на монитор окошко браузера со стартовой страницей поисковика. И озадаченно постучала пальцами по столешнице, пытаясь сообразить, что именно стоит спросить у «Яндекса» дабы этот противный сервис не послал меня далеко и надолго. Как говорил мой преподаватель по информатике «Запомните дети, интернет — это большая помойка и что бы найти там хоть что-то дельное, надо очень чётко формулировать свои вопросы». Поэтому я и сижу, глядя на мигающий курсор, отчаянно ворочая скрипящими шестерёнками в своей голове.

Как назло, дельных мыслей там не оказалось. Ну, кроме желания купить ближайший билет до Кореи и отправить новоявленного жильца в эту гостеприимную страну. Правда, так не определилась: Северная или Южная. Вторая приятнее и красивее, первая экзотичнее и гарантирует экстремальное времяпрепровождение.

— Так, Евгения Сергеевна, проявим капельку человеколюбия и обычной смекалки, хотя бы на этот раз, — хмыкнув, всё же размяла пальцы, набрав первый из запросов. И получив сотни тысяч ответов, принялась изучать предложенные варианты, абсолютно позабыв обо всём на свете.

Даже о том, что у меня в квартире незнакомый, чужой мне человек. В конце концов, если бы он действительно хотел меня убить, я и сопротивления бы не смогла оказать.

Через полчаса, отодвинув от себя ноутбук, я потёрла лицо ладонями и прокляла «Яндекс», «Гугл» и всё, что с ними связано. А за одним помянула добрым и ласковым словом любителей восточных языков в частности и восточной культуры вообще. И чего этого чёртово Жмурика переклинило именно на корейский? Не мог по-английски изъясняться? Я в нём хоть с пятого на десятое разбираюсь и пару фраз осилить в состоянии. А тут...

— Ну что, товарищ Харина? Будем думать логически. Найти русско-корейский разговорник не проблема. Проблема найти его в бесплатном доступе и в приличном состоянии... Ах да, ещё и правильно переведённый, а не склеенный из всего, что под руку попало, — вновь постучала пальцами по столу, придирчиво разглядывая монитор ноутбука. Тот услужливо подмигивал виджетами и рекламными блоками страницы поисковика. — И как быть? Заказать переводчика? Вытрясти адрес посольства и выпнуть Жмурика туда? Сдать ментам? — отрицательно покачала головой и сама же себе ответила. — Я, конечно, жестокая, но не настолько что бы сдавать травмированного парня нашим празднично настроенным сотрудникам правоохранительных органов. Сунут в обезьянник и хрен он им что доказать сумеет, с его-то корейским произношением...

Качнувшись, запустила плейлист и улеглась на спину, благо пуфик-муфик, любимый и обожаемый предмет мебели, позволял такие кульбиты совершать. И закинув ногу на ногу, принялась рассуждать дальше. Болтать вслух я научилась в первый год работы в морге, это был единственный способ привыкнуть к вечной могильной тишине.

А учитывая, что жила я одна, отучаться у меня не было ни повода, ни причин. Ну а потенциального воришку я, в случае чего, заболтаю до смерти, рассказывая бесконечный поток баек, притч и были с небылью, подслушанных и увиденных на моей любимой работе. Что-то мне подсказывает, нервы преступника сдадут на той самой загадочной истории, про труп в

трупы и подселения в гроб. Там судмедэкспертов то периодически потряхивает, как вспомнят, что уж про обычного человека говорить?

— На чём я там остановилась? На обезьяннике? — я машинально покачивала ногой в такт звучавшей мелодии. Оптимистичный Глеб Самойлов рассказывал о вечной жизни на сайт ФСБ, где-то мерно тикали часы, Жмурик околачивался на кузне. Идиллия прям! — В обезьянник нельзя. Скучно, болезненно и грозит очень большими травмами, самой разной направленности. Библиотеки отпадают, факультеты иностранных языков тоже. Не припомню я такой экзотики в наших вузах, да и праздники же. Где ж я там востоковеда найду первого января? И как не крути, остаётся ещё один, ну самый-самый крайний вариант...

Тяжко вздохнув, заложила руки за голову, разглядывая трещины на потолке и делая мысленную пометку покрасить это непотребство в ближайшее время. А то тут скоро можно будет карту кровеносной системы человека составить.

— Итак, выбор очевиден. Звонок другу друга или помощь технических средств, имеющихся в наличии, — сморщила нос от открывающихся перспектив. Нет, Эльзёныша своего я люблю, она у меня прелесть, хоть и отморозенная. Но вот вынести общества Рыжего Чудища, то бишь незабвенной Анны Солнцевой я долго не могу.

Точнее не так. Мы с ней просто не можем ужиться на одной территории больше, чем десяти минут кряду. Да и потом... Кто я ей, что бы просить о таком одолжении? Что бы вообще просить об одолжении?

Да, Рыжая поможет. Эльзе она не сможет отказать, пусть даже просьба прозвучит, мягко говоря, странно. Ещё бы! Приехать к бывшему трупу и поинтересоваться у него, с какого чёртова кактуса он на сплошном корейском шпарит! Где тут что нормальное-то? Вот только пусть меня обвинят в идиотизме, страхе и трусости... Или что там ещё может быть? Однако, обращаться к Солнцевой я не хочу от слова совсем. А значит, остаётся только одно.

Внезапно шикарный обзор на потолок закрыла чья-то тень, в которой, к своему вящему удивлению, я сумела опознать Жмурика, смотревшего на меня с высоты собственного роста и улыбающегося во все тридцать два зуба. Да так, что я сначала восхитилась всей этой великолепной красотой, открывающейся снизу, затем посетовала про себя на чрезмерную симпатичность данной личности, а после и вовсе слегка смутилась.

Ну ровно настолько, насколько вообще реально смутиться человеку моей профессии. Поэтому смерив красавца скептическим взглядом, я не выдержала и брякнула:

— Какая красота и всё для благородной для меня... Товарищ рыцарь, а вы, стесняюсь спросить, куда меч прятать изволите, м? — меня одарили возмущённым сопением и обиженным взглядом, на что я только фыркнула. — Ладно, Жмурик, план действий таков. Сейчас твоё сильное величество поднимает меня с пола и мы проверяем настолько ли хорош онлайн-переводчик, как о нём Стивен Сигл в рекламе рассказывает!

Я бы, может, успела ещё что-нибудь добавить, но с тихим вздохом, этот недобитый мертвец наклонился. И обдав меня теплом и неуловимым, чисто мужским ароматом, с лёгкостью поставил на ноги. Да ещё так бережно и осторожно, что я на пару секунд подвисла, пытаюсь понять с чего бы такое отношение...

И не показалось ли мне, что чьи-то шаловливые ручки слишком долго задержались на моей ни разу не скромной талии?

— Пора заводить личную жизнь, — мрачно подвела итог, приглаживая растрёпанные волосы. Хмыкнула, глядя на озадаченного Жмурика и пояснила. — Я говорю, пора хоть какого-то парня себе найти и прекратить предаваться аскезе. А то такими темпами точно придётся сдаваться заведующему неврологическим отделением в ближайшей поликлинике. И то, не факт, что именно туда дадут сбежать, а не сразу в палату с мягкими стенками.

Проигнорировав насмешливое выражение лица недо зомби, я вновь уселась за стол и в пару кликов мышки всё-таки нашла требуемое. гугл-переводчик с функцией голосового набора. Помучавшись с настройками, я закрыла лишние вкладки от греха (а лучше сказать от чьих-то любопытных глаз) подальше и поманила парня пальцем. После чего ткнула в экран, провозгласив:

— Ну, теперь-то мы узнаем, ху из ху в этом городе, амиго. Давай, рассказывай о себе, Жмурик. Да всю правду говори, иначе рискуешь совершить второй рейд в места не столь отдалённые... В смысле, в морг. И да, юмор у меня специфический, нечего сразу воздухом давиться!

Ещё один укоризненный взгляд не возымел ровным счётом никакого действия. Я не отрицаю, что где-то совесть всё-таки у меня есть, но в данный конкретный момент она на горизонте не отсвечивала. Так что поиграв в гляделки, Жмурик с тяжким вздохом пододвинул к себе ноутбук. И заговорил. На корейском, естественно.

Целую минуту я радовалась и восхищалась собственной гениальностью, наплевав на то, что онлайн-переводчик, вообще-то, принадлежит бедняге Гуглу. Ещё пять терпеливо ожидала, когда ж парню надоест балакать на чёртовом корейском. Потом всё-таки отвлеклась на один из насущных вопросов, требовавших скорого решения. А именно на поиски съестного.

Как это ни странно, но даже нам, патологоанатомам, требуется что-то посущественнее, чем сарказм, ехидство и ирония, приправленные чёрным юмором. Поэтому отыскав в тумбочке визитку круглосуточной службы доставки, я воспользовалась этим благом цивилизации. Была, правда, мысль, что они тоже люди и праздники у них считаются законным выходным, но на моё счастье жажда наживы у торговцев была сильнее чувства меры. Поэтому заказ у меня не только приняли, но даже обещали доставить в самые кратчайшие сроки. За небольшую доплату, разумеется.

Впрочем, я и не возражала. Мне было проще расстаться с кровно заработанными денежками, чем одеваться и искать работающий магазин в праздничный день.

Совершив сей маленький подвиг, я придирчиво осмотрела своё отражение в зеркале. Бледное привидение, с острым подбородком и вроде как милой улыбкой. Вполне обычные карие глаза, подчёркиваемые шикарными тёмными кругами от состояния вечного недосыпа. Растрёпанные чёрные волосы, обрамляющие худое лицо и длинный прямой нос, как вишенка на торте. Добавьте сюда кривую ухмылку заправского садиста, растянутую футболку с изображением Фредди Крюгера и его когтистой лапы...

В таком виде разве что бабулек под окнами шокировать, а не парней соблазнять.

— Красота страшная сила, — глубокомысленно изрекла и подмигнула собственному отражению. После чего вернулась в комнату, озадаченно поглядывая на слишком уж довольного собою Жмурика. Тот пялился на монитор и, что удивительно, молчал. И такое положение вещей наводило на вполне определённые мысли.

Например, на те, что он выговорился и теперь я смогу понять, что это за чудо, откуда оно

взялось и куда его деть.

Глянув на количество текста в окошке переводчика, я непроизвольно присвистнула, подозрительно покосившись на парня:

— Чува-а-ак... Мне бы узнать кто ты и куда тебя деть, а не всю твою автобиографию, начиная с того жуткого в своей трагичности момента, когда тебя огрел погремушкой нерадивый сосед по яслям и заканчивая размером ноги твоего... — я наклонилась ниже, заглядывая через плечо Жмурика и вчитываясь в строчки перевода. И по мере того, как я читала, мои брови становились всё выше и выше, а глаза неприлично округлились от удивления. — Размер ноги твоего дворецкого... Мля, да ты издеваешься что ли?!

Стукнув кулаком по столу так, что подпрыгнуло всё, включая сидящего рядом парня, я отошла от замершего на месте зомбика и прислонившись лбом к стене комнаты пару раз несильно приложила головой об неё. Ситуацию, конечно, такой приступ самобичевания не изменил, но стало чуточку легче. И даже убивать перехотелось, слегка.

По крайней мере не тянуло надеть кому-нибудь на голову несчастный ноутбук, выдавший в ответ на внятную, корейскую речь такую ахинею, что даже у меня мозги чуть в морской узел не завязались! И это при том, что у меня в отличие от того же ноутбука, есть опыт общения с людьми даже отдалённо не имеющими представления о том, что такое адекватность!

— Думай, голова, думай... Чепчик куплю! Чёрный, с черепушками и розовым кружевом по краю! — зло выдохнула, ссутулившись и для верности приложившись лбом ещё пару раз. К сожалению, светлые мысли мой мозг посещать отказывались.

Зато мысль вытерпеть Рыжую хотя бы пять минут уже не казалась настолько невозможной и неосуществимой. Правда, вот в чём вопрос. Если от речи этого красавца заклинило бездушную, в общем-то, технику, то что может случиться с обычным, нормальным и здоровым человеком?

Тихо ругнувшись себе под нос, обернулась и, скрестив руки на груди, угрюмо уставилась на явно встревоженного Жмурика:

— Ты специально, да?

Тот в ответ только головой покачал и вздохнул так печально, что даже моё чёртово сердечко дрогнуло. Ещё и руками развёл, мило и заискивающе улыбаясь, словно говоря, понятия не имею, что пошло не так.

Пантомима вышла удачной, я к своему собственному неудовольствию стыдливо смутилась и укорила себя за бестактность и бесчеловечность. Что было ещё более странным, чем многострадальный перевод за авторством «Гугла».

— Мда... Ну, если ты не специально, — ещё один укоризненный взгляд серо-зелёных глаз был мужественно мной проигнорирован, — то у меня остаётся всего один вопрос. И он скорее даже риторический. Ну и какого ж вьетнамского суслика тут происходит-то, а?!

Ответом мне послужил звонок в дверь и пиликнувший оповещением телефон. Но что-то терзают меня смутные сомнения, что это поможет в решении возникшей проблемы.

Я скорее поверю в свою сногшибательную (в прямом смысле слова) красоту, бездну обаяния и сексуальности, чем в то, что кто-то там наверху внял моим мольбам и соизволил снизить до бедного патологоанатома, дабы помочь ему.

И как тогда быть?

В дверь позвонили повторно, настойчиво и назойливо. Потерев переносицу, я недовольно поморщилась и посетовала, направляясь в коридор:

— Не принимай близко к сердцу, Жмур, но вот я сейчас почему-то очень сожалею о том, что в Новый год Дедушка Мороз порадовал меня таким оригинальным подарком. Лучше б это был Северный Олень... С ним я хоть знаю, что можно сделать.

Глава 2

Ночь. Улица. Фонарь. Аптека...

Тьфу ты! В смысле, утро, второе января, кухня, труп на кухне и я, во всей своей неповторимой мрачности и саркастичности. А, и писк тамагочи, да. Эта чёртова машинка, что б Шуту икалось в ближайшие несколько дней, пищала уже минут так пять. И я прекрасно знаю, что надо этой адской игрушке. Оно. Хочет. Жрать!

И в этом желании оно, увы, не одиноко. Потому как есть хотят все здесь присутствующие. Вот только по тому самому, непререкаемому и стабильно срабатывающему закону подлости, только тамагочи еду и получит. А всё почему?

А всё потому, что кто-то очень умный, очень неразговорчивый и очень по голове стукнутый решил изобразить небезызвестного миру Гордона Рамзи. И кактус бы ему в помощь, если бы это непотребство происходило где-нибудь за пределами моей бедной, одинокой, но бережно лелеемой кухни!

— Ну и как это понимать? — подперев щеку кулаком, я лениво и даже почти спокойно помешивала сахар в чае. Жмурик смущённо опустил голову, сложив руки на коленях. — Не, я обеими руками «за», что бы на моей кухне когда-нибудь готовил мне завтрак обалденный мужик, в одном фартуке. Но веришь, нет, Жмур, я вообще-то предпочитаю просыпаться самостоятельно, а не под корейские матерные вопли. И нет, я не знаю корейский! Но интонации были ну очень уж выразительные!

Парень тяжело, протяжно вздохнул, бросая на меня виноватые взгляды. И ненавязчиво так пододвинул поближе тарелку с наспех настроганными бутербродами. Их размеру и форме позавидовал бы Веник, съедающий даже то, что в принципе на съедобно: большие ломтики хлеба, колбасы и сыра. Всё это украшено кусочком помидора и листиком петрушки.

И я в упор не помню, откуда она у меня взялась-то могла. Петрушку я не очень люблю. Предпочитаю кинзу сушить, но если он добавил в бутерброды кинзу... А впрочем, почему бы и нет?

Стащив один из кособоких бутербродов, я откусила, прожевала, запила чаем и вздохнула:

— Ладно, будем считать, что сожжённую кастрюлю, разлитое по полу масло и рухнувшего на пол тебя, вместе с несчастным кактусом... Который мне, кстати, подарила близкая и любимая подруга! В общем, будем считать, это я тебе простила... Но ей богу, Жмур, на кухне, без моего ведома, не появляться! Это понятно, корейская ты чума рукодельная?

Труп вздохнул снова и согласно кивнул головой, взяв себе самый скромный, по его мнению, бутерброд и принялся жевать. Периодически кидая заинтересованные взгляды на надоедливо пицавший тамагочи. Я тоже посмотрела на эту игрушку, скептически разглядывая экранчик и продолжая жевать гигантскую композицию из еды.

— Определённо, подарок с подвывертом, — почесав бровь, взяла в руки адскую машинку и начала тыкать в кнопки, вспоминая тот далёкий, один-единственный раз, когда мне посчастливилось лицезреть такую штучку.

Память усиленно подводила, не желая подсказывать, что этому чудовищу надо, что с ним делать и слёзно умоляла выкинуть к чёрту такой заковыристый подарок. Вот только, может я и сволочь, да ещё и злопамятная, но обижать Лёшку не хотелось от слова совсем. Нашими отношениями, тёплыми, бережно лелеемыми и оберегаемыми, я дорожила куда больше, чем собственным терпением.

Поэтому продолжала сражаться с упрямой игрушкой, от усердия даже высунув кончик языка и прикусив его. Но тамагочи оказался с характером, на все мои действия отвечал отказом и в конце концов выдал что... Болен.

От же ж... Выкидыш сознания пьяного профессора философии! Как так-то?!

Тихо застонав, я бросила игрушку на стол и уткнулась лбом в скрещенные руки, про себя вспоминая пособие по аутопсии. Помогало так себе, поэтому дабы отвлечься от очередной неудачи постигшей меня с вредной техникой, я прикрыла глаза, пытаюсь подумать о чём-нибудь приятном...

И вздрогнула от неожиданности, когда тёплые пальцы зарылись в наспех собранные в хвост волосы, разворошив и без того нескладную причёску. Они чутко прошлись в лёгкой ласке, помассировали затылок и погладили висок. Я удивлённо подняла голову, вперившись ошалелым взглядом в довольно улыбающегося Жмура.

А этот потенциальный камикадзе вдруг выдал, мягким, приятным голосом, на чистом русском хрипло:

— Спасибо.

— Эм... — слова застряли где-то в горле, а брови ушли на рандеву с волосами, выражая всю степень моего бескрайнего изумления.

Если не сказать охренения, причём такого, что ни в сказке сказать, ни пером написать... Разве что, матом сформулировать получится и то, не факт!

— Хорошего нового года, — Жмурик поднялся с места, продолжая ласково мне улыбаться, и вышел из кухни, прихватив с собой продолжавшего жалобно пищать тамагочи. Оставив меня в состоянии...

Да всё того же безмерного удивления, когда я, круглыми глазами, глядела вслед уходящему с кухни, из моей квартиры полуголому парню, в фартуке и чёртовых розовых тапочках-зайчиках. С моим, мать вашу, тамагочи!

— Кхм... — прокашлялась, качнувшись на табурете, и пробормотала. — Охренеть, какой пассаж... Вашу ж...

Грохот, звон разбитого стекла и острая боль в затылке выдернули меня из состояния дремоты и предложение, прозвучавшее в голове в полусне, я закончила уже вслух, хлопая глазами:

— М-м-мать! Вашу ж бога душу мать, привычно откликнулось эхо! — с трудом проморгавшись, я глубоко вздохнула, медленно выдохнула и горько посетовала, машинально поглаживая вцепившуюся в мою талию руку парня. — Жмур, я понять не могу, твоя ЧМТ что, воздушно-капельным путём передаётся или мне просто так дико везти начало и чёртова карма существует, мстя за все мои прошлые прегрешения? Если да, надо звякнуть Венику. У того точно есть полный список всех моих плохих поступков за ближайшие пару лет! Хоть выясню... С чего такие страсти начались-то!

Недо труп нахмурился, осторожно ощупывая пальцами мой ноющий затылок. После чего что-то пробормотал себе под нос и помог мне подняться на ноги с пола, аккуратно поддерживая под локоть и продолжая на чистом корейском объяснять мне, какая я неуклюжая. Во всяком случае, судя по интонациям, он явно не хвалебные оды в мою честь пел.

И да, я знаю, что надо ещё умудриться грохнуться с табуретки на пол, заснув посреди завтрака! Но что тут поделать? Могу, блин, умею и практикую, как говорит одна невыносимая рыжая личность!

Усадив меня на облюбованное собою место, Жмур ещё раз вдумчиво ощупал мою голову и, чему-то хмыкнув, принялся наводить порядок. В смысле, убирать осколки от кружки и вазочки, разбившихся в результате моего незапланированного полёта. При этом парень не переставал кидать на меня подозрительных взглядов.

Я только глаза к потолку возвела и недовольно протянула:

— Не надо, не надо на меня коситься так, товарищ бывший труп! Между прочим, моя голова будет покрепче твоей черепушки, проверенно плиткой на полу родного морга! А вот выпасться не мешает, да... — тут я скорбно вздохнула, с тоскою вспоминая о тёплой постели, горячих и страстных объятиях одеяла и по крайней мере четырёхчасовом сне. — Но кто-то с травмой головы и идеальным корейским не дал мне этого сделать. И да. Я сволочь. Я злопамятная сволочь. Всё ещё волнуешься за мою бедную голову или сетуешь, что меня не переклинило так же как тебя? Последнее, кстати, зря... Моя латынь ужаснее твоего корейского.

Моя тирада разбилась об непробиваемое спокойствие Жмурика и его же радостную, довольную улыбку. Он ею щеголял направо и налево, пока собирал осколки, вытирал пол и делал новую порцию чая. Поставив передо мною чашку, мой бедный труп пододвинул поближе сахарницу и вопросительно ткнул пальцем в продолжавший надрываться тамагочи.

— Что? — недоумённо нахмурилась, зло глядя на злосчастную игрушку. — Знаешь, что сделать, что бы она заткнулась? — Жмур кивнул и чему-то фыркнул, снисходительно на меня посматривая. — Ла-а-адно, раз ты такой умный, ты о нём и заботься. И смотри, Жмурик, если данное зверье соизволит очокуриться... Аутопсию я буду проводить тебе, а не ему.

Очередная угроза прошла мимо ушей этого темноволосого чуда, даже не подумав хоть где-нибудь задержаться. Наоборот! Всю такую грозную и непреклонную меня, председателя жюри «Премии Дарвина», тиранку, деспотичную представительницу матриархата местного морга... В общем, ужас, летящий на крыльях ночи и повергающий весь город (точнее его мёртвую часть) в трепет и шок, одарили насмешливой и понимающей улыбкой, после чего переключили всё своё сиятельное внимание на кусок пластика, выдающий противный писк с завидной регулярностью.

Я на это только глазами похлопала, переживая приступ острого разочарования и когнитивного диссонанса одновременно. А потом плюнула, уставившись в окно и потягивая горячий чай. За одним припоминая, какие ж занятные перспективы вчера обрисовало мне моё же горячо и трепетно любимое начальство.

Звонок Ивару Захаровичу был поступком глупым. С точки зрения услышанных в мой адрес комплиментов и пожеланий, конечно же. А вот в качестве источника информации бесценный товарищ Блюменкранц был просто незаменимым, и не важно, в какой области обуревали сомнения его юных подопечных. Вот и я, покорно согласившись со всеми своими умственными и не очень характеристиками, всё-таки озадачила пожилого мужчину вопросом, мучившим меня в последние несколько дней точно.

На что любимый шеф повздыхал, сетуя на глупость, лень и девичью память некоторых бывших интернов. После чего всё-таки смиростивился и выдал мне пространную лекцию на полчаса, в общих чертах обрисовав все возможные последствия любой, даже самой лёгкой черепно-мозговой травмы. Из которой лично я выяснила для себя только две вещи.

Первая, преподаватели явно завышали мне оценки, порою ставя их за красивые глазки, мягкий характер, милое щебетание и прочую красоту. Во что, честно говоря, не верилось от слова совсем, особенно вчитываясь в характеристики с места учёбы. Как любит пошутить мой милый Эльзёныш, судя по ним, мне светила тюрьма строгого режима, а не медицинская академия. Вторая, это то, что нарушение функции речи после удара по голове, может быть как следствием небольшой гематомы, давящей на определённую часть мозга, как и простой психологией. И в первом и во втором случае лично я ничего сделать не могу...

Только обеспечить комфорт, присмотр и уход по мере своих скромных сил и возможностей. И да, убедиться, что подавать на меня в суд никто не собирается. Ивар Захариевич не смотря на все мои заверения и клятвенные обещания, что бью по голове я исключительно в целях самообороны и воспитания, так и не поверил в то, что травма не моих рук дело. Лишь отческим тоном пожурил за излишнюю эмоциональность и взрывной характер, попрощавшись со мною на этом и благополучно отключившись.

Я же ещё минут пять пялилась на телефон, не зная, обидеться на слова начальства или же всё же простить его, в виду почтенного возраста и прогрессирующего местами склероза. Не виновата ж я, что санитары всегда оказываются не в том месте, не в то время и совсем не в той компании!

Ну или просто мне «везёт» наткнуться на них, в те самые чудесные минуты, когда эта банда юных маргиналов готовит очередную пакость. А уж простить им подобное непотребство в нежно любимой прозекторской я могу исключительно посредством тяжких, телесных повреждений...

И нет, это не моя вина, что Жорик получил перелом руки, Сёму контузило, а ещё парочку друзей обеспечило неприятными ощущениями всего организма в целом и в частности. Я-то причём, если один не умеет правильно убегать, второй не научился уклоняться, а остальные пьют и жрут всё, что попадает в поле их видимости?!

Обиженно посопев пару минут, вновь переживая приступ острой мировой несправедливости, я допила залпом чай, принимая для себя тяжкое решение. И покосившись на увлечённого тыкающего в кнопки Жмурика, проворчала:

— Значит так, мой внезапно оживший пациент. Вскрытие показало... — Жмур вздрогнул и

поднял на меня испуганный взгляд побитого оленёнка. Я аж подавилась воздухом на пару минут, после чего всё-таки продолжила говорить. — Ну прости, товарищ недо зомби, не умею я фильтровать собственную речь по одной простой причине — жалоб на неё от живых не поступало. Посему терпи Жмур, авось ожить умудришься! Ну так вот, вскрытие показало, что тебе, милый друг, предстоит долгая, счастливая жизнь здорового и полного сил человека... Но когда она наступит — я не имею ни малейшего представления, потому как моё непосредственное начальство сообщило следующую информацию: твой мозг не пострадал, но балакать на родном языке не позволяет. Бойтся он, понимаешь, Жмур? Бойтся, что тебе опять прилетит, стоит сболтнуть что-то на привычном русском.

Поставив кружку на стол, я почесала затылок и постучала пальцами по столу, добавив нерешительно:

— Ну или, как вариант, пока все последствия травмы не пройдут. Но сколько это займёт времени я, опять-таки, ни в зуб ногой. Всё, что я знаю, так это то, что терпеть тебе моё общество ещё несколько дней точно. А там, будем думать. Может меня осенит, может твои мозги на место встанут... А может переводчик сдастся и таки выдаст внятную речь, а не ту ахиною, которую он нёс... Но будем верить в лучше, готовясь к худшему...

На меня уставились недоумённым взглядом, одним движением бровей требуя пояснений по последнему заявлению. Я даже подивилась такой уникальной возможности, не говоря ни слова, поведать собеседнику всё, о чём думаешь и что знать хочешь. И хмыкнув, пояснила:

— В твоём случае, худшее, товарищ Жмур, это возвращение в морг. Но уже в качестве конкретного пациента, конкретного стола и к конкретному патологоанатому. И поверь, мой недо труп... Ты не захочешь знать, что за этим последует.

Молчание, повисшее на кухне, можно было пощупать руками. Я угрюмо разглядывала собственные ногти, размышляя о том, что при всей своей нелюбви к живым людям, я не имела ни малейшего желания вновь увидеть Жмура на секционном столе. Я вообще не люблю говорить об этом, но в глубине души, каждый раз, когда снимаю простынь с очередного клиента, подсознательно молюсь о том, что бы это не был кто-то из моих знакомых.

Привыкнуть к Смерти нельзя. С чужой можно просто научиться сосуществовать, но с той, что может прийти по души близких, даже мимолётно прошедших через твою жизнь, я, увы, так и не научилась мириться. И почему-то остро не хотела, что бы едва знакомый, в общем-то, мужик, пусть и очень красивый, вновь прошёл через мои руки. Только уже в качестве привычного, мёртвого тела.

Вот уж не знаю, то ли выражение лица у меня было говорящее, то ли ещё что... Но внезапно парень отложил игрушку в сторону, встал. И обнял меня. Прижал к животу, поглаживая по голове, а я только глазами успевала удивлённо хлопать, открывая и закрывая рот. Совершенно не зная, как реагировать на его действия и что вообще сказать.

И надо ли что-то говорить?

— Так, лапы прочь от государственной собственности, — пихнула его кулаком в бок, отстраняясь и нехотя высвобождаясь от чужих объятий. Провела пальцами по волосам, фыркнула, сдувая непослушную прядь с носа, и глянула на часы. — Оу, эпическая богомышь... А время-то поджидает, товарищ Жмур и ещё как поджидает. Как любезно оповестило меня моё же горячо любимое руководство, ждёт меня подвиг немислимый, в анналы истории войти грозящийся... — весело хохотнув от вида недоумения на лице парня, я всё же снизошла до

пояснений. — Ночная смена меня ждёт, труп ты мой разговорчивый. А значит, в ближайшие несколько часов задача минимум — подготовить тебя к существованию на чужой территории в гордом одиночестве. Задача максимум — купить ещё и продуктов, а то мой холодильник богат всем чем угодно... Кроме продуктов. А голодная смерть это не круто для такого brutального типа, как ты.

Парень заинтересованно вскинул брови, хитро сощурившись и скрестив руки на груди. От такого пристального и даже оценивающего взгляда (прости меня, заведующий психоневрологическим отделением, не светит тебя увидеть меня в пациентах в ближайшее время, ох не светит, а жаль!) где-то внизу живота зашевелились глупые бабочки. Тут же павшие смертью храбрых от рук моих откормленных тараканов, шикарной породы и штучного экземпляру. Потому как, каким бы красивым не был сей бывший труп...

Но на его добродетель я покушаться не собиралась, не собираюсь и... Ладно, возможно, когда он наконец-то заговорит на родном русском, пусть даже не совсем литературном, я подумаю об этом ещё раз.

Вот только пока претендовать на данное симпатичное тело мне медицинская этика чуть-чуть не позволяет. А собственная совесть (откуда только взялась-то умудрилась?) и вовсе грозит всеми карами небесными на непутёвую голову бедного патологоанатома. Так что, сняв себя с табулетки, я утешающее похлопала Жмурика по плечу, доверительно сообщив:

— Да красивый ты, красивый. Не спорю! Поэтому, дабы ты по-прежнему радовал глаз окружающих своей красотой, придётся мне добраться до магазина. Ты, в отличие от меня, на фастфуде и прочем непотребстве вряд ли проживёшь.

И добавила, уже скрывшись в комнате себе под нос:

— Ну или проживёшь, но очень недолго. Гастрит это страшная штука, а язва желудка вообще кошмар. Если, конечно, говорить про заболевания, а не про характеристику одной милой девушки с очень отвратительным характером. Эх... Сам себя не похвалишь, ни одна зараза тёплого слова не скажет! Что за жизнь? Всё сама, всё сама...

И вздохнув прискорбно, я принялась собираться, попутно вспоминая, где ближайший магазин и собирался ли он работать в праздники.

Спустя два часа, один забег по магазинам, три ссоры с продавцами и пять взбудораженных мною лично и невольными помощниками очередей, я для себя уяснила одну вещь! Вот правду говорят же, хочешь жить — умей вертеться!

А хочешь жить хорошо — умей не только вертеться, но правильно и рационально распределять время, деньги и собственные возможности! И следуй своему плану, да. С чем, лично у меня, периодически возникают прямо-таки глобальные проблемы. И я осознала это как никогда чётко, стоило мне выйти-таки за пределы супермаркета, где удалось купить всё необходимое.

Что делает умный человек? Либо едет закупаться на машине, либо закупается в ближайшем магазине, дабы не тащится через полгорода с огромными мешками в руках. Что делает патологоанатом в моём лице? Морщится от вида полупустых полог местного продуктового, чешет затылок и пешком топает до крупного магазина самообслуживания в нескольких кварталах от собственного дома.

Итог был вполне предсказуем. Я успела сделать только три неловких шага, запнулась об

торчавшую из сугроба арматуру и поскользнулась. Подошва любимых зимних ботинок предательски проехала по скрытому снегом льду и я, всей Женей, от всей своей чёрной и мрачной души, грохнулась на землю, чувствительно приложившись копчиком и спиной. А что бы жизнь мёдом в принципе не показалась, ещё и ручки у пакетов оборвались, наглядно демонстрируя весь уровень моего везения на сегодняшний день.

Кажется, теперь я понимаю, что чувствовал бедный Кевин, когда по пути домой у него все покупки на землю высыпались. Это чувство мировой несправедливости, свалившейся на одного бедного человека, точно не делает тебя добрее, по отношению к окружающим. Тут не только дворника в непотребствах обвинишь сдуру, тут целый мировой заговор привидеться может!

— Вам помочь? — приятный мужской голос, с лёгкими нотками заинтересованности отвлек меня от придумывания достойной кары для местных коммунальщиков.

Приоткрыв зажмуренные от боли глаза, я озадаченно мигнула, глядя на довольно милого парнишку, поглядывающего на меня с весёлой улыбкой на лице.

Приятное, округлое лицо, нос с горбинкой, голубые глаза и светлые волосы дополнялись чёрной короткой курткой, светлым джемпером и синими джинсами. Общая оценка — семь по десятибалльной шкале милости и четыре за ехидную улыбку, портившую всё впечатление.

Ну и светлые волосы. У меня лет так с десяти аллергия на блондинов. И да, я понимаю, что грести всех под одну гребёнку нехорошо, но что-то мне подсказывает, что тесное общение с мальчиком Веней привело к тому, что такой типаж мужчин меня почти не привлекал. Хотя...

— На мне три кредита, ипотека, двое детей на которые бывший муж не платит алименты и шикарный долг по кварплате, — приняв протянутую руку помощи, я с тяжким вздохом поднялась, стряхивая с руки и собственного тыла налипший снег. И поправив сбившуюся набок шапку, добавила, хмыкнув. — Если вы не подпольный миллионер, то вынуждена буду отказаться. Увы, на меньшее я не согласная!

К моему вящему удивлению, незнакомец не впечатлился. А в ответ на мою тираду только весело рассмеялся, подхватив на руки мои покупки и весело заметив:

— Это был самый оригинальный способ отшить и обнадёжить одновременно. По крайней мере, мне так в первый раз отвечают, но должен признать, это было... Очаровательно. Я — Василий, а вас как звать, прекрасное видение?

— Сударь, как врач вынуждена заметить, в вас по ходу всё ещё изволит бродить суровый похмельный синдром, — машинально почесала бровь, не удержавшись от весёлой улыбки. — Потому что назвать меня прекрасным видением... Я, конечно, милая, да... Но исключительно после потребления энного количества водки. А лучше — спирту. Так у меня и характер мягче и последствия общения не так сильно на психику давят.

— Как ваш коллега, вынужден оспорить данное заявление, — Василий тихо посмеиваясь, склонил голову набок, лукаво прищурившись в ответ на моё неприкрытое удивление. — Увы, на дежурстве в травматологии пить нельзя, особенно в новогодние праздники. Уж больно нетривиальные случаи на производстве попадают, пить банально некогда, не успеваем!

— Могу представить, — хмыкнула, согласно кивая головой. — Потому что те, кто не доехал до вас, добрались до нас. Женя, патологоанатом. И спасибо за помощь.

— Знал бы, что в нашем городском морге такие симпатичные девушки, давно бы на экскурсию

напросился, — широко улыбнувшись, парень перехватил поудобнее мои пакеты и кивнул головой. — Ну что ж, Евгения. Как благородный человек и человек разумный я не могу бросить вас в трудной жизненной ситуации... А как мужчины я просто права не имею оставить красивую девушку в беде и обязан таки не только продолжить наше знакомство, но и помочь вам добраться до дома. Вы же не против?

— Я-то нет... — озадаченно протянула, следуя за неожиданным рыцарем, решившим вдруг проявить несвойственное нашему веку благородство. — А вот кое-кто неучтённый очень даже... Вряд ли ему поможет заговорить внезапно наладившая личная жизнь у собственного спасителя...

— Вы что-то сказали? — Вася (имя прочно ассоциировалось с представителями тараканьих) обернулся, затормозив возле припаркованной у обочины девятки. Типичной такой отечественной машины, производства автомобильного завода ВАЗ и выглядевшей не настолько плохо, как могла бы.

Правда жуткий салатовый цвет вызывал нервный тик и нехорошие мысли о монтировке, припрятанной где-то в кладовке. Не люблю я такую яркую расцветку, всей душой не люблю. И не смотря на симпатичность травматолога, почему-то закрались в душу нехорошие подозрения о провальности возможного романа ещё до его начала.

Хотя я могу ошибаться, да. И это просто непривычность к такому мужскому вниманию заставляет меня искать во всём подвох. Даже в том, на какой машине ездит мой внезапный, непрошенный спаситель.

— Говорю, спасибо за помощь, — натянув на лицо самую приятную улыбок из тех, что были в моём арсенале, я уселась на переднее сиденье, благодарно кивнув галантному парню, открывшему мне дверь.

— Милая Евгения, простым спасибо, боюсь, вы не отделаетесь, — Василий, усевшись за руль, завёл мотор и выжидательно на меня уставился. — Боюсь, самое малое, что вы можете мне предложить, это согласиться на свидание. Так куда, говорите, вас отвезти?

— Врач сказал в морг, значит в морг, — машинально откликнулась, но, увидев лёгкое недоумение и смех в глазах собеседника, чертыхнулась и поправилась. — Уральская дом пять, если не затруднит, конечно. И насчёт свидания... А не торопитесь ли вы, сударь, расстаться с собственной нервной системой?

— Ради такой оригинальной девушки я готов пожертвовать не только своей, но и одолжить парочку клубков нервов у своих коллег из отделения нейрохирургии, — Вася ловко лавировал в редком потоке машин, попутно умудряясь одаривать меня шикарными улыбками и включив на всю катушку собственное обаяние.

Я даже поверила невольно в собственную привлекательность, весьма сомнительную к слову. Но почему-то весь такой очаровательный и привлекательный Вася на салатовой девятке в душе особого отклика не вызвал и мои тараканы, давно и прочно поселившиеся в голове, были преисполнены сомнений. И на свидание идти с травматологом не хотелось отчего-то от слова совсем.

Разве только в качестве попытки выяснить, что делать с травмой головы Жмурика. Думаю, совет профессионала явно лишним не будет. Ивар Захариевич, конечно, голова, но исключительно в плане патанатомии и судебной медицины.

Поймав себя на таких пространных рассуждениях, я беззвучно икнула и вытаращилась сама на себя в зеркало заднего вида. Похоже, что в моей квартире находится целых два потенциальных пациента травматологии! Хотя бы потому, что мне тут предлагают сходить в кои-то веки на свидание, а я, вместо того, что бы думать, что одеть и где провести приятный вечер с молодым человеком, сижу, мать твою волшебницу, и об ожившем трупке думаю!

Харон, ну ёмаё! Ты куда свои хваленые мозги задевать успела, а?!

Терпеливый тара... В смысле, травматолог Вася, проявивший чудеса такта и терпения, аккуратно припарковался в моём родном дворе, тихо прокашлялся, отвлекая меня от горестных размышлений. И понимающе улыбаясь, осведомился:

— Ну так что? Я могу рассчитывать на свидание с таким обаятельным и привлекательным патологоанатомом?

— Ну... — всё ещё сомневаясь, я всё же кивнула головой, подумав, что хуже от этого точно не будет. — Можете. Правда, вряд ли в ближайшие два дня, у меня ночное дежурство намечается. Поэтому Василий, давайте-ка обменяемся телефонами и созвонимся. Согласны?

Вася был согласен. Тарака... Тьфу ты! Травматолог Василий был не просто согласен, он был обеими руками за, улыбаясь так счастливо, что я невольно усомнилась в его вменяемости, но не стала об этом сильно задумываться. Просто вбила новый контакт в телефон, подхватила пакеты и, попрощавшись с добрым парнем, поспешила скрыться в подъезде.

Личная жизнь, личной жизнью, но впереди меня ждал краткий инструктаж спящего красавца в корейском варианте долгая ночная смена, в компании обожаемых вечных штрафников всея морга. То ещё испытание для нервной системы и бедной психики. Будь она у меня менее пластичной, быть бы мне за решёткой, в темнице сырой. Будь они менее проворными, быть бы им в реанимации на ближайшие полгода минимум.

Ну могу же я хотя бы помечтать об этом?!

Открыв дверь, я сгрузила пакеты на тумбочку и, стягивая пуховик, деланно выдала, припоминая любимый фильм о вечном герое Готэма:

— Милый, я дома! Ах да, я ж не замужем...

Хмыкнув, разулась и, прихватив покупки, пошлёпала в сторону кухни, бросив замершему в дверях комнаты удивлённому и озадаченному Жмурику:

— За мной, недо зомби. Мозгов снова нет, зато есть краткий инструктаж по выживанию в отдельно взятой квартире. И в твоих же интересах прослушать его полностью. Потому что в противном случае...

Послушно шедший следом парень, моего воинственного замаха попавшим под руку половником не оценил. Он вообще смотрел на меня добродушно-снисходительно и едва заметно тепло улыбался порой, склонив голову набок и терпеливо ожидая обещанных ценных указаний. Пришлось опустить часть с запугиванием, посетовав на чужую чёрствость и нежелание потешить моё больное самолюбие. И всё же снизойти до пояснений, показывая, где и что хранится на кухне, куда Жмуру точно лезть не рекомендуется, а куда может соваться с чистой совестью и спокойствием на душе.

А ещё детально продемонстрировала, как работает газовая плита, где у меня завалился электрический чайник, куда можно воткнуть вилку от микроволновки и в каком ящике стола прячутся продукты быстрого приготовления. Стратегический запас на все случаи жизни, как говорится. Ну и выложила аптечку на самое видное место.

Запас медикаментов в ней, конечно, не радовал глаз медика своим разнообразием и представлял собой стандартный набор: успокоится, не обоссаться, прости меня господи за язык мой скверный, и попытаться убить мигрень простым аспирином. Но даже такой минимум лучше, чем совсем ничего. Плюс тут есть бинт, зелёнка и перекись с линиментом сентамецина. Моя душа была почти спокойна за жизнь и здоровье новоявленного квартиранта и ни капли не переживала о предстоящей ночёвке Жмура в гордом одиночестве в моей квартире.

Не уверена на сто процентов, но по крайней мере относительно готова морально к возможным последствиям. Главное, что б пожара не случилось. А то больно у меня соседи снизу ентиресные проживают, с пристрастиями к золотой лепнине и серебряному унитазу. И если я их затоплю, боюсь, придётся заняться подпольной торговлей органами или ещё какими-нибудь извращениями, дабы всё оплатить!

На работу мне нужно было к семи. Поэтому в полшестого я с руганью, красочными оборотами в адрес всех, кто успел мне насолить, носилась по комнате, стараясь ничего не забыть и одеться потеплее одновременно. Жмур только взглядом за мной следил, периодически отпуская комментарии. И я даже невольно радовалась тому факту, что корейский не знаю и понятия не имею, что там думает по поводу моих прыжков и скачков недавний труп. Но всё равно сделала мысленную пометку обязательно, потом припомнить и ехидное выражение глаз, и иронично вскинутые брови и пропитанные добродушным сарказмом слова.

И только стоя в коридоре и натягивая шапку, я запоздала вспомнила о самом главном. Похлопав себя по карманам и не найдя телефона, заглянула в комнату:

— Товарищ труп, ты моё бедное средство связи не видел? И кстати, у меня тут нарисовался профессиональный костолом... В смысле травматолог. Хочешь, приглашу его тебя посмотреть?

На меня посмотрели цепко, собранно, настороженно. Жмур рассеянно взъерошил волосы на затылке, нахмурившись и как-то даже... Заледенев, что ли. Я озадаченно мотнула головой и ущипнула себя за щёку, дабы удостовериться, что мне не показалось. Вот только этот пронизывающий взгляд прожжённого дельца, привыкшего воротить огромными деньгами (посчастливилось как-то познакомиться с такими личностями и да, это было в морге) испарился до того, как я успела озадачиться наконец-то вопросом, кто ж такой мой таинственный недо труп.

Вместо него, взгляда в смысле, на лице Жмура вновь было открытое, дружелюбное выражение и мягкая, ласковая улыбка, которая, по неведомой мне причине, казалась личной и предназначенной только для меня одной. Наверное, именно из-за неё я не стала задавать лишних вопросов и просто взяла протянутый мне телефон, настойчиво мигавший оповещениями.

— Знаешь, Жмур, — задумчиво протянула, проверив сообщения и список пропущенных. Среди них затесалось несколько сообщений от Эльзы, Веньки и даже Димыча. А ещё были завуалированные комплименты от Василия, приправленные порцией смайликов. — По ходу ты у меня, сам того не зная, стал талисманом на удачу... Иной причины, дабы пояснить, с чего бы у меня решила наладиться личная жизнь я просто не вижу. И насчёт травматолога всё-таки подумай, недо труп. В конце концов, я тот врач, который примет тебя в любом виде и в любом

состоянии, исключая живое, конечно же. И травмы это всё-таки не мой профиль.

Оторвав взгляд от дисплея, дабы посмотреть на своего подопечного, я невольно вздрогнула, вдруг обнаружив его рядом с собой. Жмур стоял в нескольких сантиметрах от меня, засунув руки в карманы пижамных брюк и разглядывал меня так, словно увидел что-то действительно интересное. Но в ответ на мои невольно вскинутые брови, только снова чему-то улыбнулся и...

Чмокнул меня в лоб. После чего помахал рукой и кивнул в сторону двери. Я только головой покачала в ответ, в который раз не найдя что сказать на действия своего личного зомби. И лишь у самого выхода, чертыхнувшись, обернувшись и бросив через плечо:

— Тамагочи на тебе. Учти, от сердца и печени отрываю. Не дай бог помрёт животинка... Ну ты понял, что будет, да?

Ехидное фырканье было всё, что послужило мне ответом. Я бы может потребовала чего-то более существенного, для подтверждения, но глянув на часы тихо ругнулась, выбегая из квартиры. До начала смены оставалось всего лишь пятнадцать минут. И дабы не слушать вдумчивый бубнёж нашей звезды всея морга мне следовало поторопиться, дабы быть в морге до того, как заметят моё вопиющее отсутствие.

Задача, я вам скажу, не для хвоста, определённо!

Глава 3

Не зря говорят, как встретишь Новый Год, так его и проведёшь.

Что ж, ему выпала сомнительная честь встретить праздник в морге, в качестве потенциального клиента. И теперь, по всей видимости, он обеспечен весьма не скромной компанией патологоанатома на ближайшие несколько недель точно.

И почему-то не имел ничего против.

Хмыкнув, новоявленное чудо природы и недо зомби, как ласково обозвала парня хозяйка квартиры, потянулся, разминая затёкшие мышцы. И выдал, насмешливо на чистейшем русском языке, хоть и культурном:

— Возвращайся на родину, да. Весело проведёшь время, ага. Отдохнёшь! Ну даже поспорить не с чем: и вернулся, и повеселился и отдохнул! Блин, ну это надо было умудриться такие приключения получить! Кому рассказать — не поверят...

Тихо рассмеявшись, парень взъерошил волосы вновь и занялся насущными делами. И нет, он не собирался пока что покидать приделы вверенной ему квартиры. Тем более, это всё равно было не возможно, учитывая, что хозяйка дома ключей ему не оставила, а пользоваться незаурядными способностями своих друзей и знакомых у него не было никакого желания. Зато что недавний труп мог сделать, так это сообщить этим самым друзьям и знакомым, что с ним всё в порядке.

А то такими темпами, ещё пара дней молчания и будет в городе небольшой Апокалипсис. Не зомби, конечно же, но что-то очень близкое к этому. Во всяком случае, кавалерия, наёмники, стрельбы, угрозы, похищения... И элементы голливудских боевиков во всей своей красе и красочности.

Он, конечно, не против небольшого развлечения, но почему-то не имел никакого желания портить спокойную жизнь одному очень острому на язык патологоанатому. Милая девочка Женя была очаровательна в своей болтливости и оригинальном взгляде на жизнь.

А ещё легко и непринуждённо могла выесть лично ему и всем, кто подвернётся под горячую руку, мозг, совершенно не прилагая к этому каких-то особых усилий. И вручить-таки долгожданную премию Дарвина. Чтобы сие таинственное словосочетание не значило.

Хмыкнув себе под нос, молодой человек занялся первостепенными задачами. То есть совершил кощунственный поступок, воспользовавшись беспечностью девушки и свободным от пароля и хоть какой-то, пусть даже самой слабенькой защитой компьютером. Выйти в сеть, проверить свою почту и аккаунты в соцсетях, отправить несколько сообщений по самым важным адресам и оповестив нужных людей о том, что потерявшийся друг, товарищ и работодатель изволит пребывать в отпуске. После чего тщательно убрать следы собственной деятельности, попутно размышляя, что приготовить себе на ужин и на завтрак незабвенному патологоанатому.

Мысль была внезапная. Непрошенная и совершенно ему не свойственная. Особенно, если брать во внимания тот факт, что думалась она с нежностью и оттенком тёплой заботы, по отношению к невыносимой и вредной женщине. Но разглядывая неожиданно тёплый летний пейзаж, установленный вместо фона на рабочем столе ноутбука, Жмурик (и как ей в голову-то такое прозвище прийти умудрилось, да ещё с такими ласковыми интонациями серийного маньяка?) только весело хохотнул, качая головой.

Как оказалось, он ничего не имел против такого положения вещей. И с каким-то охотничьим азартом и предвкушением ждал, чем же обернётся их совместное существование на одной жилплощади. Ну а что? В конце концов, у каждого есть право на отдых. И нет ничего страшного в том, что кое-кто предпочитает провести внезапно нарисовавшиеся выходные в очаровательной и непредсказуемой компании.

Кстати, о компании. И что ж это за травматолог? И когда она его найти-то умудрилась, отлучившись на добрые полчаса с лишним из дома? Нет, парень, конечно, предполагал, что девушка Женя талантлива не только в угнетении коллег и подчинённых, а так же причинении вреда словами и труднопроизносимыми речевыми оборотами. Но что бы так?!

А впрочем... Есть у него в друзьях одна не менее креативная личность. С такой же тягой к неприятностям и внезапным знакомствам. И, похоже, именно ей он обязан такой сменой планов на новогодние каникулы. Главное, не забыть потом сделать подарок этому чуду и поблагодарить за то, что всё-таки уговорила прилететь в Россию.

Противный писк тамагочи вызвал недовольную гримасу на лице и жуткое желание выполнить жест «рука-лицо». Знать не хочется, кто ж так оригинально любит Женьку, если делает такие подарки. Нет, логику дарителя Жмур понимал просто прекрасно. И даже признавал оригинальность выбора и неординарность подхода. Ведь выжить в цепких лапах патологоанатома, пропадающего сутками на работе во благо стабильного существования городского morga, могли разве, что аквариумные рыбки и кактусы.

И то, не факт. Евгения была, конечно, ответственная, но ненормальный рабочий график и сбитый ритм жизни приводили к закономерному результату. Она себя-то не всегда нормально обеспечивала той же едой, а уж про потенциальных питомцев вообще промолчать стоило.

Тамагочи продолжал пищать. И чем дольше медлил парень, тем печальнее звучал этот писк, явно пытавшийся расшатать несчастную нервную систему квартиранта. Правда, тот только

недовольно языком цокнул, нехотя поднимаясь с облюбованного пуфика и выискивая брошенную на диван игрушку. Нашёл, проверил, обеспечил всем необходимым и вернулся к ноутбуку, задумчиво постукивая пальцами по столу.

— Нет, всё-таки надо выяснить... И кто меня приютил и с кем же этот самый «кто» знаком. А ещё совсем неплохо будет разжиться телефоном, карточкой и восстановить документы. Ну, кто согласится стать крёстной феей для такого доброго и ласкового меня... — прислушавшись к ехидным и слишком уж знакомым ноткам в собственном голосе, он тихо простонал, потеряв переносицу. — Господи... Если не ЧМТ, то специфичное чувство юмора точно передаётся воздушно-капельным путём. Ладно, это лирика. А пока...

Погрузившись в дела, Жмур чуть не пропустил момент, когда время перевалило за полночь. Пять часов напряжённого, пусть и письменного спора и заполнения всех полагающихся форм, вкупе с раздачей заданий и бонусов в виде профилактических люлей, пролетели совершенно незаметно. Зато к этому моменту ему удалось не только выяснить кое-что о собственной спасительнице, но и покончить со всеми необходимыми бумагами, затребованными одним из товарищей. Так что довольно вздохнув, парень закрыл ноутбук и отправился на кухню, собираясь приготовить себе поздний ужин и Жене ранний завтрак. Попутно обдумывая всё, что успел выяснить.

Итак, Евгения Сергеевна Харина, двадцати семи лет от роду (хотя день рождения у неё ещё только будет, почти через две недели) успешно окончила школу, медицинскую академию и прошла два года интернатуры в городском морге. Сирота, оставшаяся без родителей в девять лет и попавшая с добрыми и ласковыми объятиями детского дома, где и оставалась до восемнадцати лет включительно. Близкой родни нет. Круг общения специфичнее просто некуда, учитывая, что все её знакомства фактически ограничиваются сотрудниками морга, включающих в себя и простых патологоанатомов и судмедэкспертов.

Вытащив из холодильника подложку с мелко нарубленным мясом, овощи и рис, Жмур задумчиво повертел в руках нож, примериваясь. Повторения утреннего инцидента очень не хотелось, но не виноват же он что газовую плиту в последний раз видел в далёком, глубоком детстве. И то, издалека! И искренне верил, что подобные монстры давно уже не водятся в квартирах, но, поди ж ты!

Нашлась любительница экзотики и приверженец классики на его бедную, больную голову. Нашлась, попыток за ней поухаживать не оценила, оборжала, поехидничала и свалила на работу. А ему теперь вспоминать, как же готовить на обычной, привычной многим людям газовой плите.

Мысленно пожелав себе удачи, парень глубоко вздохнул и занялся готовкой, продолжая обдумывать полученную информацию. Конечно, в ней есть немало допущений, потому как собирать пришлось быстро, глубоко копать опасались и ограничились самыми доступными источниками информации. Однако...

Руки машинально выполняли знакомые движения, а мозг обрабатывал добытые сведения. То, что у Жени фактически нет друзей, его ни капли не удивило. Всё же тяжёлый характер, необычная для женщины профессия и юмор, понятный не всем и не для каждого приемлемый. Это делало её особенной, но явно не прибавляло любви в обществе.

Поставив рис и принявшись обжаривать мясо, Жмур тихо фыркнул. Харон (это ж надо было себе такое прозвище взять, да ещё настолько подходящее-то!), видимо, мнение общества оставило на совести самого общества. И пошла от противного, далеко и надолго послав не

только весь социум, но и его отдельных индивидов. Она предпочла любовь ко всему необычному, футболки с разными надписями и дружбу с дочкой прокурора города.

Которая, к слову, длилась на протяжении целых семнадцати лет. Неплохо, если не забывать о том, насколько невыносимой могла быть Женя. И, честно говоря, ему даже было немного интересно, какая же она, эта Изабелла Араньева, если у неё хватает сил, нервов и терпения, чтобы общаться с любящим поболтать патологоанатомом.

Бросив в глубокую сковородку к мясу овощи и найденные приправы, перемешал и добавил чуть остывший рис. Не смотря на скудность добытой информации, картинка получалась... Любопытная. Накрыв сковороду крышкой и уменьшив огонь, Жмур уселся на табуретку, задумчиво взъерошив волосы на затылке.

Прийти в себя на секционном столе в прозекторской в городском морге — то ещё испытание для нервов. Прийти в себя абсолютно голым на металлическом столе в компании девушки, которая вместо того, что бы смутиться, мрачно сообщает о готовности убить несчастную бригаду «труповозки»... Это, мягко говоря, болезненный удар по самолюбию.

Правда, в первые несколько минут лично его больше интересовал вопрос, что случилось, и где ж он оказался, после удара по голове. Последнее, что запомнилось — компания нетрезвых личностей исключительно маргинальной наружности. А вот дальше был провал! Полный и беспросветный! Вдобавок ещё и язык отказался воспроизводить русскую речь, почему-то перейдя исключительно на корейский. Чем поверг в состояние лёгкого ступора бедного патологоанатома...

Впрочем, не сильно-то переживавшего по этому поводу. Язык у неё точно без костей. И тормоза, любовь к ближнему и совесть она тоже где-то потерять умудрилась. Чудо, блин, взъерошенное!

Тихо вздохнув и весело фыркнув, Жмурик выключил газ и попробовал получившееся блюдо. Положив себе приличную порцию, он вновь вернулся на облюбованную табуретку и задумчиво почесал нос. Не-а, Женя ему не понравилась с первого взгляда. И даже со второго. Её нельзя было назвать красивой, и внешность у неё действительно была достаточно нестандартна. Конечно же, по меркам всего остального общества. Но...

Тут парень весело хмыкнул и принялся за свой поздний ужин, слабо улыбаясь. Действительно, патологоанатом была только лишь симпатичной. Но в ней было что-то такое, что заставляло останавливать взгляд снова и снова, рассматривать, разглядывать, изучать, слушать бесконечные монологи и молчать в ответ. Правда, что с этим делать, Жмур, честно говоря, не имел ни малейшего представления.

Да и нужно ли ему это представление? Почему-то было стойкое ощущение, что не стоит пытаться понять. Оно, это самое понимание, придёт само, со временем.

Убрав за собой посуду и наведя порядок на кухне, парень вздохнул и поплёлся устраиваться на ночлег. Завтра предстоит встретиться с ночного дежурства хозяйку квартиры и решить проблему с деньгами, средствами связи и документами. Но для начала нужно разобраться, куда ж неугомонная Харон засунула его временное спальное место и не стоит ли воспользоваться отсутствием девушки и занять её диван?

— Ну, надеюсь, меня не убьют за это... — пробормотал он себе под нос, устраиваясь на наконец-то разобранный нормально диване и закрывая глаза. Засыпать в чужой квартире,

обычно, было довольно тяжело. Только ключевое тут слово — обычно.

В квартире сурового отечественного патологоанатома заснуть удалось без труда, стоило только голове коснуться подушки. И снились ему, отчего-то, прыгающие вокруг него тамагочи, с розовыми пони в обнимку и ведьмами на мётлах, распивающими мухоморный самагон.

Пробуждение было внезапным. Чуткий сон нарушил тихий стук закрытой двери и едва слышно звякнувшие ключи, брошенные на зеркало в коридоре. Но это были все звуки, исключая усталые, шаркающие шаги по полу. И сколько бы он не прислушивался, в квартире продолжала царить тишина, переставшая быть уютной и окрасившаяся в какие-то гнетущие тона. Недоумённо нахмурившись, Жмур потянулся и встал, отбросив одеяло в сторону. После чего осторожно вышел из комнаты, выскывая глазами вернувшуюся домой хозяйку.

Нашлась она всё в том же коридоре, сидя на полу, прислонившись спиной к входной двери. Непривычно молчаливая, с осунувшимся от усталости бледным лицом, запавшими глазами и синяками под ними. Пуховик валялся рядом с ней, обувь стояла чуть в стороне. А Женя смотрела куда-то в сторону и...

Молчала. От чего становилось жутко, и парень невольно поёжился от ощущения холода, прошившего позвоночник.

Наконец, девушка медленно поднялась. Сгорбившись и опустив голову, она прошла мимо Жмурика, даже не обратив на него никакого внимания. Прошла прямо в ванну, не раздеваясь и уже оттуда послышался шум воды и тихий, какой-то совершенно обречённый вздох. Жутко захотелось задать вопрос, встряхнуть девушку и громко, чётко поинтересоваться, что ж такого должно было произойти, что бы довести до подобного ехидного и колкого человека...

Только он промолчал. И прошёл не слышно на кухню, хмурясь и пытаясь понять, откуда в душе взялись совершенно не нужные и неуместные чувства. Такие, к примеру, как беспокойство, желание обнять и утешить, желание оберегать и защищать. Они казались дикими и нелепыми, учитывая, сколько ж он с Женькой знаком, вот только ничего с этим поделаться не получалось. Поэтому Жмур только вздыхал, поставив чайник на плиту и выскывая в хозяйских запасах чай и что-нибудь успокоительное. Бальзам, например. Седативные средства или ещё что-то подобное.

Нашлась сушёная мята. И за неимением лучшего, он бросил её в заварник, добавив три ложки обычного, чёрного чая.

Поставил кружки на стол и, дождавшись пока закипит чайник, залил всё горячей водой. После чего парень уселся за стол, набравшись терпения и приготовившись ждать. В глубине души шевельнулись неприятные предчувствия, приправленные лёгким волнением и мандражом. А всё почему?

А всё потому, что он видел, как работала Харон. Не очень много и не шибко вдаваясь в подробности... Всё-таки не смотря ни на что, не настолько у него крепкая нервная система. Но то, что удалось подсмотреть, вызывало лёгкий восхищённый трепет. Спокойно, хладнокровно, сдержанно. Да, болтая бесконечно, да едко и ехидно комментируя и подкалывая коллег. Но спокойно и без лишней рефлексии, ничему не удивляясь и ничего не пугаясь.

Вспомнив, как это выглядело, Жмур невольно сглотнул, пытаясь отделаться от красноречивых картинок перед глазами и подступающей к горлу тошноты. Долго высидеть непосредственно в зале он не смог и слинял в любезно предоставленную раздевалку, где сам не заметил, как уснул. Только вот увиденного вполне хватило, что бы сейчас сидеть и недоумевать: что же

такого могло произойти, дабы выбить из колеи Харон?

Чай пришлось подогреть ещё раз, когда наконец-то по коридору послышались глухие шаги. Жмур вскинулся, поднимая голову и замер, совершенно неприлично открыв рот. И с огромным трудом подавив желание высказаться на таком родном и матерном русском. Ладно хоть на ум пришли несколько соответствующих эпитетов из корейского, именно их он и ляпнул вполголоса, разглядывая тень отца Гамлета.

В смысле, призрак патологоанатома, застывшего в дверях и глядевшего по сторонам невидящим взглядом. Выглядел этот самый патологоанатом, коли положить руку на сердце, жутковато. Футболка прилипла к телу, джинсы потемнели и висели мешком, тёмные волосы облепили лицо, став похожими на сосульки. Но самое страшное даже не это, а то, что с девушки ручьями стекала вода, вынуждая переступать босыми ступнями по голому полу. На котором уже образовалась приличная лужа, вот только Женя как будто бы не замечала этого, медленно пройдя к свободному стулу и даже не усевшись, рухнув на него сверху.

Головы она не поднимала, опёршись локтями на стол и обхватив голову руками, зажав в пальцах мокрые пряди волос. Жмур тихо вздохнул, засунув беспокойство куда подальше и наливая чашку горячего чая и пододвигая её поближе к девушке. Та даже не вздрогнула, не шевельнулась, только подрагивающие пальцы то и дело сжимали волосы. И лишь спустя минут пять, она, наконец-то, посмотрела на парня, не мигая и глядя на него уставшим, больным взглядом.

Тонкие губы кривились в болезненной усмешке, а в карих глазах застыло какое-то затравленное выражение, пополам с обречённой безысходностью. Женя с минуту бездумно смотрела на Жмура, прежде, чем тихо и оттого не менее жутко протянуть:

— Дорогой, я дома! Ах, я забыла... Я не замужем...

Тихо вздохнув, парень промолчал, не зная даже как реагировать на прозвучавшую фразу. С одной стороны, он понимал, что это явная попытка пошутить. С другой, в каждой шутке есть доля шутки. И сейчас в голосе брюнетки звучала такая горькая ирония, разбавленная ядовитым сарказмом, что невольно хотелось подойти ближе, обнять и спрятать от всего, что могло с ней случиться. Сопротивляться этому самому желанию было очень, очень трудно.

Но пока что он справлялся, продолжая терпеливо ждать продолжения. Которое последовало через долгие, томительные пять минут, пока Женя сидела, сгорбившись, вжимая голову в плечи и грея руки о кружку.

— Знаешь, Жмур... — тихий, хриловатый голос казался совершенно пустым и лишённым эмоций. Только бесконечная усталость. — Я всякого насмотреться успела. Анатомичка в академии, подработка в морге, интернатура, а потом и полная ставка со всеми вытекающими. Я тебе уже говорила про родных и близких, да? Так вот, Жмур... К чему я ещё не привыкла... И не привыкну никогда... Так это к детям.

И снова замолчала, снова на пять минут, медленно отпивая холодный чай и разглядывая собственные пальцы.

— Маленькие ангелы... — снова подала голос Женя, прикрывая глаза и криво улыбаясь. — Маленькие, светлые, невинные... И глаза, такие пустые-пустые... Что страшно. Очень, очень, невыносимо страшно... И ты стоишь, сжимая пальцы на краю стола, глядишь на них и не понимаешь. За что? Зачем? Почему они?! Маленькие, бедные ангелы... Которые почему-то

погибли, а пьяный ублюдок без единой царапины, без каких-то травм и прочего. Вот скажи мне Жмур... — она открыла глаза, глядя на него большими усталыми глазами. — Почему всё... Так? Так несправедливо? Я видела, не раз и не два. Через мои руки прошло не одно тело... Но дети... Почему? Почему...

Ещё минута молчания и тихий, почти истеричный смешок:

— Почему, а?!

Парень на чистых рефлексах, без задней мысли, рванулся вперёд, в попытке утешить девушку, но та неожиданно резко успокоилась. Вновь опустила голову, склонившись так низко, что волосы закрыли лицо. Плечи дрогнули, однако слёз или рыданий не последовало. Только кружка внезапно полетела в стену, и парень едва успел пригнуться от метко пущенного снаряда. По тому, насколько привычным, отработанным было движение, Жмур с некой толикой ужаса осознал, что такое происходит далеко не в первый раз. И задался вопросом: если она настолько остро переживает чужую смерть, особенно смерть детей, как же она с этим со всем этим справляется умудряется? В одиночку? Никому не рассказывая и никого к себе не подпуская?

— Каждый раз... — тихо пробормотала Женька, закрыв лицо ладонями и раскачиваясь из стороны в сторону. — Каждый, грёбанный раз... Как в первый! Как будто не было практики в морге... Как будто не было вообще ничего и я не знаю, с какой стороны к трупам подходить! Как будто... Не-на-ви-жу...

Не понятно, что именно стало последней каплей. Тоска в голосе девушки, то, что она сжалась в комок, произвольно закрываясь от всего и вся или то, насколько или глухая, безучастная, беспомощная безысходность, которой пропиталось все её движения, все её жесты и слова? Он просто тряхнул головой, прогоняя неуместные сомнения, и решительно подошёл к застывшей Женьке.

Что бы перехватив её за талию, резко прижать к себе, снимая с табуретки и усаживаясь на неё. Пристраивая замершую от неожиданности девушку к себе на колени и обнимая крепче, сильнее, утыкаясь носом в мокрые волосы и не обращая внимания, что влага пропитала позаимствованную футболку и штаны.

— Я не собираюсь рыдать... — наконец, обретя способность говорить, выдала Женя, тем не менее, не замечая, как сама прижимается к парню, утыкаясь лбом в чужое плечо.

Жмур тихо вздохнул и потёрся щекой о её макушку. И пробормотал по-корейски слова утешения, хотя очень хотелось, просто невыносимо, высказаться на русском. Вот только он прекрасно понимал, что в тот же момент окажется где угодно, но только не на небольшой, уютной кухне, по сути, совершенно одинокого патологоанатома.

— Честно, — хрипло хмыкнула девушка, устало вздыхая. — Разучилась. Давно. И смерти не боюсь, с детства. Мёртвые, они же не могут причинить боль... Только вот, к детям Жмур невозможно привыкнуть. К детям на секционном столе... — ещё один хриплый смешок и совсем уж почти неслышно. — Дети — это маленькие ангелы, Жмур. И когда они умирают... И так несправедливо... Даже мои нервы сдают.

Он только вздохнул, мягко укачивая постепенно расслабляющуюся девушку в своих объятиях. И старался не думать о том, какой же должна быть жизнь у человека и что должно случиться, что бы он так легко и уверенно говорил о том, что мёртвые не сделают больно? Сколько секретов в прошлом у острого на язык любителя трупов, так давно и привычно прячущегося за

своим сарказмом и ехидством?

Они знакомы всего три дня. Это мало, что не говори. Но за эти три дня парень, к своему вящему удивлению, вынужден был признать, что первое его мнение о хозяйке квартиры было неверным. Да и второе тоже. Третье еще, куда ни шло, ведь теперь он по крайней мере понимал, что за всеми этими фразами прячется усталый человек, выбравший себе далеко не самую лёгкую и простую работу.

Человек, у которого, как оказалось, есть дурная привычка прятать всё в себе, прятать всё от близких и никому не рассказывать о том, как она приходит домой с дежурства и что бы прийти в себя, что бы не перестать хоть что-то чувствовать — лезет под холодный, ледяной душ прямо в одежде. Прямо ирония судьбы, мать её за ногу!

— Ей было двенадцать лет... — вдруг тихо прошептала Женька. И Жмур к своему удивлению почувствовал, как подрагивающие руки обхватили его за талию, обнимая и пробираясь холодными пальцами под промокшую насквозь футболку. — Брату пять. Захарыч занимался им сам, а после предложил выпить. Сказал, повод есть. А я отказалась... Не могу пить. Не умею, не могу и не хочу...

Он невесомо коснулся губами её волос, тихо вздыхая и сжимая объятия. Стараясь не вздрагивать, когда тонкие пальцы прикасались к его коже, поглаживая и слегка царапая короткими ногтями. И думая о том, что вот выпить-то как раз Женьке не помешало бы.

А та, словно сумев прочесть его мысли, хмыкнула:

— Знаю, что глупо. И что надо бы. Но это чистый медицинский спирт, Жмур. И поверь мне, ты не хочешь знать, что в нём может содержаться. К тому же... Он снимет стресс, да... Только по опыту знаю, не поможет. Я с него вырублюсь, а из снов сбегать уже некуда будет, Жмур. Просто некуда...

Тихо вздохнув, Жмур не слушая слабых протестов, встал, с лёгкостью удерживая девушку на руках. И прошёл в комнату, где поставил Женьку посреди комнаты, что бы взять обнаруженное в ванной огромное полотенце. Вернувшись, он принялся тщательно вытирать не двигавшуюся и не сопротивляющуюся девушку, промокнув короткие волосы и аккуратно потирая замёрзшие руки и босые ступни. Убедившись, что с неё больше не капает, парень унёс полотенце обратно, аккуратно развесив его на полотенцесушителе.

Что бы успеть отловить девушку до того, как она рухнет на расстеленный диван прямо в мокрой одежде. Неодобрительно цокнув языком, он принялся стягивать с неё джинсы, не обращая внимания на возмущённое сопение и тихие, но вдохновенные ругательства на тему чьей-то наглости, вседозволенности и всего прочего. Остановился в тот момент, когда его огрели по голове и недовольно пояснили:

— Я сама, мерси! И отвернись, вуайерист чёртов!

Выпрямившись, он извиняющееся улыбнулся и поднял руки вверх, сдаваясь. Женька отобрала у него халат и, недовольно сопя, выразительно смерила взглядом парня. Тот понятно хмыкнул, закрыв глаза руками и даже не совершенно не подглядывая. Тем более, что какого-то сексуального подтекста в его действиях нет и не было от слова совсем. Просто забота, просто желание согреть и успокоить, вывести из состояния ступора и самоедства.

Просто стремление помочь, не больше и не меньше. И в этом он не видел ничего предосудительного. В конце концов, Женька вытащила его из морга, не спрашивая и не

раздумывая, да ещё и к себе притащила. Самое малое, что он может сейчас для неё сделать, так это просто быть рядом, помогая отойти от тяжёлого рабочего дня и пережить его в кои-то веки не в одиночку.

— Можешь смотреть, — недовольно проговорила Женя, спустя минуты три.

Жмур послушно убрал руки от лица и только фыркнул, глядя на недовольно хмурившегося, взъерошенного патологоанатома, зябко кутающегося в великоватый халат. Одежда кучей валялась у её ног. Недовольно поморщившись на такое непотребство, парень только глаза к потолку возвёл, схватив грязные вещи и утащив их в ванную.

Там закинул в машинку и, воспользовавшись моментом, переделся во второй халат, висевший тут же. После чего вернулся в комнату и, не слушая вялых возражения девушки, закутал её в плед и силком уложил на диван, пристроившись рядом. Обнял за талию, прижав к себе, и тихо шикнул беззвучно, на пытавшуюся выбраться из одеяла Женьку.

— Это подпадает под статью о сексуальных домогательствах, — на полном серьёзе пробормотала девушка, пытаясь хотя бы локтем достать назойливого зомби. — У меня есть связи в полиции, товарищ Жмур! Я буду это... Жаловаться!

Парень только хмыкнул, глядя на кончик алеющего ушка, выглядывающий из волос и уstraиваясь поудобнее. Подцепив второй плед, он натянул его до плеч и пристроил подбородок на макушке девушки. Та же продолжала вполголоса возмущаться мировой несправедливостью вообще, и бесконечной наглостью, верой в собственное бессмертие одного конкретного Жмура в частности.

Женька крутилась, вертелась, пихалась и ворчала ещё добрых минут пять, прежде, чем с тихим вздохом успокоится. Чертыхнувшись себе под нос, она развернулась и уткнулась носом в его грудь, выпутав руки из одеяла и обняв парня за талию. После чего тихо прошептала, устало и смущённо:

— Я тебя не просила... Но спасибо.

«Не за что» — слова лишь чудом не сорвались с языка, но парень всё же сумел сдержать их и лишь мысленно повторить на все лады. А потом закрыл глаза, смыкая объятия сильнее и погружаясь в лёгкую полудрёму, мурлыча себе под нос незатейливый мотивчик. Судя по постепенно выровнявшемуся дыханию, девушка не стала упрямится или усталость взяла своё. Впрочем, это-то не важно, а важно то, что Женя спустя несколько минут уже спала, прижимаясь к внезапно образовавшейся большой грелке и пряча лицо у неё, у грелки в смысле, на груди.

Сама же грелка ничего против, собственно, и не имела, благополучно уснув следом за ней. Сна много не бывает, особенно, когда рядом вдруг оказывается человек, с которым, как это ни странно, тебе уютно и очень тепло...

Назойливая трель звонка ввинчивалась в уши и радостно имела мой мозг, вынуждая выплывать из сладких объятий сна в суровую реальность. Недовольно сморщила нос, пытаясь поглубже зарыться в подушку, почему-то оказавшуюся слегка жестковатой. А ещё горячей, живой и откровенно меня лапающей...

Ну и где ж я уснуть-то умудрилась, что бы такое счастье в подарок получить?!

Память возвращалась медленно, срочно изменяя мне если не с пенсией, то с логикой точно. Но с грехом пополам, через пять минут настойчивый неизвестный мне суицидник, своими яростными намерениями вдавить кнопку звонка в дверь окончательно добился нужного эффекта. Я не только проснулась, но и вспомнила, где я, с кем я и на какой стратегически важной части моего тела находится тяжёлая ладонь некоего почти трупа.

А настойчивый неизвестный, жаждущий попасть ко мне в гости всё продолжал воздействовать на мои бедные нервы. Побуждая не самые добрые чувства в тёмной душе патологоанатома. В которой, как это не удивительно, зрели помыслы дурные, бунтовали гормоны жуткие, женские... И строились планы грандиозные, включавшие в себя ритуальное жертвоприношение, пополам с пляской на костях того гада, что так настойчиво рвётся в мой дом!

— Я сейчас встану... — хрипло протянула, даже не думая открывать глаза. Только поудобнее устроила голову на чужом плече, нагло закинув одну ногу и руку на беззвучно фыркнувшего Жмура. — Я вот сейчас точно встану... И этот хренов дятел ляжет. На его выбор: в деревянный макинтош, в объятия моих «любимых» сатанистов или же на стол в морге. Я даже Шугурову доверю скальпель подержать в кои-то веки! А это, на мой скромный взгляд, просто верх садизма...

Жмур снова фыркнул. Правда, шевелиться не спешил, продолжая поглаживать меня по спине и спускаясь всё ниже, ниже, ниже... Я аж пригрелась и прибалдела от чьей-то наглости и собственного нежелания эту наглость прекратить. Ровно до того момента, пока чужая рука не прошлась по моей попе и не ущикнула меня за многострадальную пятую точку!

— Айш! — вскинулась, приподнявшись на локтях и обиженно глядя на тихо посмеивающегося парня. — У тебя совесть есть, ты, жалкое подобие зомби?! Я тут понимаешь ли только поверила в чью-то бескорыстную помощь, в любовь к ближнему своему и тягу к альтруизму... А ты! Так жестоко, так внезапно да всей Женей об грубую реальность! Нет, у тебя совесть есть, а?!

В ответ на меня так выразительно глянули, так выразительно брови вскинули, что я подавилась очередной гневной тирадой и только глаза к потолку возвела. После чего слезла с облюбованного за время совместного сна места и, зябко кутаясь в халат, поплелась к двери. Попутно пытаюсь представить, что б такого ляпнуть, что бы у настырного гостя не только язык отнялся, но и желания следовать заветом отечественного Винни Пуха отпало. Вот только подобрать что-нибудь оригинальное, безотказное и весомое так и не смогла...

Посему открыв дверь, скрестив руки на груди, решила действовать по обстоятельствам, выдав мрачно:

— И создал Бог человека: кривого, косоного, хромого и вредного... И назвал его Сосед и проклял им народ земной... Ну что тебе надобно, Славик? У тебя есть целых три минуты на то, что бы каким-то магическим образом объяснить мне бедной скудоумной, что ж тебе спокойно не живётся-то, а?

— Женюра, не люби мне мозг, а то нашим милым божьим одуванчикам кушать нечего будет! — весело загоготала двухметровая детина, с бородой, дредами, татуировками и широкой лыбой во все тридцать два зуба.

Вячеслав Николаевич Суетин вид имел довольный, почти счастливый, даже сытый в кои-то веки, щеголяя спортивными штанами и белой майкой. И всем был хорош сей представитель

мужского полу...

Красив, по-своему. Обаятелен, чертовски прям. С любопытным чувством юмора и безмерной любовью к детям. На психолога детского учится, кстати, попутно подрабатывая в автомастерской. Одна беда, имя моё, антихрист, коверкает безбожно! И знает, зараза, что я не дотянусь до его макушки, чем пользуется с переменным успехом!

— Славик, японский тебе транзистор вместо розетки, — привалившись плечом к косяку, я недовольно повела носом. — Какого грёбанного автослесаря ты тут забыть-то умудрился? Мы ж на пятое договаривались!

— Извини, Женюр, я б даже не рыпался, — хмыкнул в ответ Славян, засунув руки в карманы и флегматично пожав плечами. — Но сегодня наше обожаемое КГБ соизволило потыкать в меня пальцами перед своими внуками и выдать зашибенную фразу о том, что я наркоман, альфонс и прочие непотребства. И это после того, как я пятнадцать минут детворе мозги вправлял на тему уважения к старшим. Прикинь, какой финт ушками-то, мастер ты мой труполоубый?

— Марья Степановна? — возвела глаза к потолку и зевнула, прикрыв рот ладонью.

— Ну а кто ж ещё? Она, родимая. И добавила, душа её бескорыстная, что таких, как я еретиками звали в древность средневековую, — Славки неприлично хрюкнул и почесал затылок, ероша тёмные волосы и строя умильные глазки. При его комплекции и фактуре, выглядело ох как впечатляюще...

Бабкам бы перед подъездом такое выражение лица строил! Сразу бы все вопросы и обвинения отпали за ненадобностью, а сам парень получил бы клеймо антихриста пожизненно, с правом передачи по наследству. И пожилые дамы сыты, и Славик в кои-то веки может перестать удивляться чужой фантазии!

— Что, лично присутствовала во времена Святой Инквизиции? — с сомнением протянула, всё же отлепившись от стены и прошлёпав обратно в комнату. Отмахнувшись от озадаченно хмурающегося Жмура, отцепила колонки от ноутбука и потащила их обратно в коридор.

Где и вручила с чистой совестью и спокойно душой, напутствуя любимого соседушку:

— Держи оружие пыток, брат мой и пользуйся им правильно! А то окромя «еретика» ещё и клеймо «сатаниста» заработаешь!

— Блин, Женюр, вот что ты их так любишь-то? — недовольно поморщился Славик, забирая своё ценное имущество и перехватывая его поудобнее. Глянул на меня весело, чмокнул в лоб и махнул на прощание. — Лан, пошёл устраивать внеплановый концерт без заявок. Если что, сменить трек — два удара по батарее, предыдущий трек — один, повтор всего плейлиста — три раза.

— А что слушать будем? — заинтересованно склонила голову набок, пытаюсь припомнить, чем в последний раз изволил услаждать чужой слух предприимчивый будущий детский психолог.

Кажется, это была группа «Сектор Газа», где лично мне нравилась всего одна песня, «Истребители вампиров». И то, только потому, что именно она стояла в качестве сигнала у Шута на мой номер.

— «Король и Шут», «TODD», акт первый и акт второй соответственно — усмехнулся Славик, довольно шурясь. — Давно хотел посмотреть, какво это, послушать «Смерть на балу» в

акустике с добавлением усиленных басов.

— Хрусталь мамкин уברי подальше, — фыркнула и махнула на него рукой, возвращаясь в квартиру. С лестничной площадки донёлся демонический смех соседа, явно предвкушавшего неплохое развлечение. И я вполне понимала его, хотя и не оправдывала.

Впрочем, Славик садистом не был и не собирался переходить границы. Ну во всяком случае, я на это надеюсь. Другой вопрос, а куда бы теперь уйти, дабы пропустить большую часть выше озвученного концерта без заявок радиослушателей? Не то, что бы я не любила творчество данной панк-группы...

Каюсь, питала слабость и даже знала наизусть и могла наиграть на гитаре в три аккорда особо понравившуюся мелодию. Но последнее, чего бы мне хотелось, это слушать арию Тодда, Судьи и Ловетт на полную катушку, с позвякивающей посудой в аккомпанементе. Так что закрывая дверь, я ломала голову, пытаюсь понять, куда можно свинтить в праздники, да вместе с полуголым постояльцем на хвосте?

Неожиданная мысль, огревшая не хуже утерянной в банке с формалином заначки, на первый взгляд показалась просто гениальной. На второй ещё и убивающей двух зайцев сразу, поэтому высунув голову наружу, я окликнула возившегося с электрощитком соседа:

— Славян, дело есть на три рубля с полтиной!

Сосед, явно не ожидавший такой подлянки, уронил себе на ногу отвёртку и приложился затылком о дверцу щитка. Но высказываться по данному поводу не стал, глянул только недовольно, потирая затылок.

— Женюр, солнце моё незаходящее... Я понимаю, что ты трупы любишь, но мне моя жизнь дорога как память о самом дорогом и светлом, о детях! — я хрюкнула, глядя на искреннее возмущение, на лице этого во всех смыслах креативного детины. — А не о том, о чём твоя извращённая фантазия думать изволила...

— Ну... — окинула его оценивающим взглядом, скрестив руки на груди. — Вообще, я подумывала одолжить у тебя парочку вещей для своего гостя, но теперь мне уже куда интереснее знать, что ж ты подумать за меня успел?

Славик покраснел, побледнел, открыл, было, рот, но передумал что-то говорить. Только чертыхнулся себе под нос и скрылся в недрах своей квартиры. Вернулся соседка ровно через пять минут. И сунув мне в руки стопку собственного барахла, развернул меня за плечи и толкнул в спину в сторону моего дома.

Ещё и напутствовал:

— Сильно не зверствовать, футболки не рвать, штаны с пуговицами оставить. А теперь кыш отсюда, трупоман. Не мешай творить добро и нести свет в массы!

— Главное, что б массы потом участковому плешь не проели, — проворчала себе под нос, вновь скрывшись за дверью и наконец-то захлопнув оню.

После чего объявила, довольно улыбаясь и глядя на недоумённо хмурившегося Жмура счастливой улыбкой маньяка-садиста:

— Ну что, товарищ зомби? Пришёл твой звёздный час! Пора выйти из тени, мой маленький глупый нуб и устройте-таки обещанный ещё в двенадцатом году апокалипсис! Умывайся, одевайся и идём брать штурмом ближайший магазин. Только это... — рассмотрев, что мне сунул добрый Славян, только захихикала, насмешливо поглядывая на озадаченного парня. — Аккуратнее. Добрый самаритянин оказался не очень щедрым, забыв про труселя... Так что их мы и будем покупать в первую очередь!

Видели бы вы лицо моего квартиранта...

Глава 4

Я, конечно, много повидать успела за свои неполные двадцать семь лет. Обнажёнку, расчленёнку, избиение, смущение, стыд, вину, раскаянье... Да о чём говорить, когда вот эти самые нежные и трепетные руки чуть живого человека на тот путь путём аутопсии не отправили? Вот только к виду смущения, обиды, негодования и лёгкого недоумения на одном лице, да одновременно мне видеть не приходилось.

Как и вводить в ступор продавцов отдела мужского нижнего белья, которым была поставлена нетривиальная задача подобрать что-то, цитирую «оригинальное, милое и приятное на ощупь». Глаза у девушек по пять рублей были, а я стою себе у кассы, улыбаюсь довольно и прядь волос на палец накручиваю, исподтишка демонстрируя Жмуру кулак.

Тот делает вид, что очень внимательно рассматривает витрину соседнего отдела, с женским бельём и мило улыбается консультантам, активно строившим глазки симпатичному парню. Я даже немного завидую... Его временной молчаливости. И покерфейсу, благодаря которому лишних вопросов никто задавать не осмеливается.

— Эм... А вы уверены, что хотите именно... Эти модели? — молодая девочка, лет так двадцати на вид, сморщила носик и смущённо улыбнулась, укладывая в небольшой пакет выбранные мною варианты симпатичных труселей.

— Вы сомневаетесь в моём вкусе? — заинтересованно на неё глянула, с удовольствием припоминая сам процесс выбора и просмотра предлагаемого нижнего белья.

Учитывая, что размер был слегка нескромный, а расцветка, принт и форма вынуждали сомневаться в моём здравомыслии, я даже сочувствовала бедняжке. Но исключительно местами и явно не сегодня.

— Нет, что вы! — девушка зарделась ещё сильнее, складывая мои самые любимые из выбранного, с символикой Бэтмена. Жаль не было Чудо-Женщины или хотя бы черепашек-ниндзя... Но и так сойдёт. — Просто, мы... Это... Товар не возвращаем и не обмениваем, вот!

— Да что вы? — несказанно удивилась, качая головой и цокнув языком. — Ну ничего страшного! У меня такой круг знакомых, что сие добро точно не пропадёт. Так сколько я вам там должна, за это рукотворное чудо защитное для самого ценного в каждом мужчине?

Цену мне озвучили такую, что я невольно усомнилась. В том, что сие забавное непотребство вообще делали чьи-то руки в пределах планеты Земля. Судя по их стоимости, как минимум степенные матроны с Альфа-Центавры свои трёхпалые ручки приложить сумели! Однако, собственное возмущение я затолкала куда подальше, глянув на одинокий тополь посреди Плющихи, блуждающий среди вешалок и сноровисто прячась по примерочным кабинкам от

чересчур активных девушек, жаждущих с ним познакомиться.

И протянула карту продавцу, глуша собственную жабу искренним человеколюбием, которое, как ни странно, именно на этом мужчине срабатывало с завидным постоянством! Тогда как в обычной жизни я им отродясь не страдала...

Удивительное рядом, что ни говори!

Жмур тем временем устал наворачивать круги по залу и не придумал ничего лучше, чем спрятаться за меня. Обнял за талию, носом в шапку мою носом ткнулся и ругнулся по-корейски с оттенком нескрываемой паники и страданий. Я только сочувственно хмыкнула, похлопав его по рукам и чуть не подпрыгнула от неожиданности, когда со стороны входа раздался приятный женский голос, с до боли знакомыми прохладными нотками.

— Я даже боюсь спрашивать, моё некоронованное счастье всея морга... — невысокая светловолосая девушка, невозмутимо и предельно вежливо улыбалась, иронично вскинув бровь и глядя на меня с лёгкой насмешкой. — Что ж ты забыла в этом магазине.... И кто этот очаровательный, но очень молчаливый субъект?

— Эльзёныш, чудо моё льдистое! — выбравшись из слишком сильных объятий парня, я в два шага оказалась рядом с подругой и сжала её в объятиях. Так что та охнула тихо от неожиданности, но спустя пару минут ответила, легонько чмокнув меня в щёку.

Отступив на шаг назад, оглядела легко улыбающуюся Фроз довольным взглядом, и отмахнулась, выдав:

— Хрен с ним, с тем, как я тут оказалась... Тебя-то каким не шибко попутным ветром сюда занесло? Неужто бурная личная жизнь принесла свои плоды, и некий брюнет таки остался без нижнего белья? Я прям боюсь спрашивать, что ж у вас там за страсти такие кипят!

— Если бы оно было так... — притворно расстроено вздохнула та, всё равно поглядывая в сторону Жмура. Покосившись на него я только глаза к потолку возвела, обнаружив его загнанным в угол тремя девушками-консультантами. А Эльза ещё и масла в огонь подлила, задумчиво протянув. — Слушай, я могу ошибаться... Но по-моему твоего кавалера пора спасать. Уж больно у него выражение лица испуганное, как бы не случилось чего непоправимого.

— Щас, — чертыхнувшись, сунула пакет с покупками в руки подруги и развернулась, уперев руки в бока. — Так, дамочки. Я понимаю, свежее мясо, красивое, обаятельное, привлекательное, смущённое и, да благослови его бог, молчаливое! Но ничего что он, вообще-то со мною пришёл? А я, в отличие от него, молчать не умею в принципе. Поберегите себе нервы, отстаньте от красавца и займитесь уже непосредственными обязанностями! А то будет вам эта... Как её... Эльза?

— Статья уголовного кодекса Российской Федерации за непристойное поведение, сексуальное домогательство и лёгкий вред здоровью. Чисто психологический, конечно, но всё же... — ровным тоном откликнулась Фроз, привычно и даже как-то скучающе. Вот уж не знаю, что именно так впечатлило девушек, но они предпочли дружно слинять.

А спасённый милостью Её ледяного величества Жмур, с такой радостью бросился ко мне, что я была в лёгком шоке. Особенно, когда одарив подругу солнечной улыбкой, этот почти корейский труп сцапал меня в объятия и отпустить, по всей видимости, не собирался. От слова

совсем!

— Дышать... Дышать не могу! — прохрипела, выпучив глаза и стараясь игнорировать лёгкий смешок Эльзёныша.

Та, тихо фыркнув на моё негодование, открыла пакет, с любопытством разглядывая мои приобретения. И поинтересовалась, заинтересованно выгнув бровь:

— Харон, мастер скальпеля и сарказма... А скажи-ка, неужели нашёлся тот, кто способен выдержать твой колючий характер, непревзойдённую болтливость и невыносимый рабочий график? И твоя личная жизнь наладилась так, как и мне не снилось... Судя по количеству труселей в твоём пакете.

— Один-один, — тяжело вздохнула, поднимая руки и признавая поражение. И пихнула Жмура локтем в бок, вынуждая ослабить хватку. И как ни странно, у меня это даже получилось!

Правда, в ответ, этот невыносимый зомби легонько коснулся губами моего уха, видневшегося из-под шапки, и коварно хихикнул, в ответ на моё возмущённое пыхтение.

И ловко перехватил повторно занесённую для удара руку, шепнув что-то с ласковыми, нежными интонациями...

Хорошо, что я ни чёрта лысого в корейском не понимаю. Как и томно вздыхающие консультанты, дружно скопившиеся у кассы и только что слюной не захлебнувшиеся за всё это время. К моему вящему сожалению!

— Веник продул, — тихо хмыкнула Эльза, щелчком пальцев привлекая к себе внимание одной из продавщиц и склонившись, что-то зашептала ей на ухо. Девчина покраснела, хихикнула и унеслась в неизвестном направлении. Только что тапочки не роняла и я даже не знаю, обидится на такой уровень подбострастия или не стоит?

Всё-таки пора бы уже привыкнуть, что Эльза в магазинах производит неизгладимое впечатление. Я, конечно, тоже, но после меня крестятся, молятся и пьют корвалол, обливаясь горячими слезами. То ли они такие впечатлительные, то ли я такая впечатляющая... Кто ж их разберёт-то?

Моя несравненная ледяная королева, проведив взглядом скрывшегося в дебрях магазина консультанта, постучала пальцами по витрине и довольно протянула, смерив нашу парочку оценивающим взглядом:

— Определённо, Вениамин нынче в пролёте. И я с превеликим удовольствием сообщу ему о том, что нашёлся-таки невозмутимый и терпеливый мужчина, способный не только тебя выдержать, но ещё и получить от этого непередаваемое удовольствие. А судя по некоторым его жестам и улыбочкам... Вы два сапога пара. Оба любите играть на чужих нервах!

— Я требую фото-отчёт, — хрюкнула, представив, какое будет выражение лица у среднего из отпрысков семьи Араньевых, стоит ему услышать такую новость. Если память меня не подводит, то подпольный тотализатор щеголял впечатляющими ставками на то, что я себе парня ещё лет десять не найду точно!

А то, что этот конкретный парень к моей личной жизни не имеет ну никакого отношения, совершенно... Так об этом распространяться никто не собирается!

— Если будешь хорошим патологоанатомом, я тебе даже два сделаю... С его лицом и с ним в моём новогоднем подарке, — улыбка на лице подруги приобрела хищный и предвкушающий оскал, наведя меня на нехорошие подозрения, что Веник опять что-то сделал.

И это что-то было с его точки зрения смешным и прикольным, да. Но окружающие чувства юмора не оценили, оскорбились и восстали против короля приколов и шуток. После чего делегировали несравненную Эльзу в качестве лучшего эксперта и организатора священной мести! И если вспомнить всё, что я знаю про свою обожаемую Ледышку...

Ой что-то не завидую я Венику, совсем не завидую. Умудриться испортить Фроз новогоднее настроение, эт уметь надо!

— Я прям стесняюсь спрашивать... Что ж такого отмочил этот кадр? — я заинтересованно подалась вперёд, краем глаза зацепив возвращение смущённого консультанта, подрагивающими руками протягивающего Эльзе упаковку.

Точнее две упаковки. И та, не скрывая коварной улыбке, продемонстрировала мне, что же было изображено на них, показав пальцем сначала на одну и проговорив:

— Это для Веника, — потом подруга ткнула пальцем во вторую. — А это эксклюзив для Танюхи. Она тоже решила разнообразить их с Димычем жизнь.

— Ик! — всхлипнув, я закрыла ладонями лицо и...

Банально, неприлично заржала, хрюкая и подвывая местами. Уткнулась в плечо недоумённо моргающего глазами Жмура и продолжала давиться смехом, пополам со слезами. И вроде бы пытаешься успокоиться... Но как представлю выражение лиц братцев, так на второй, а то и третий круг смеха пробивает! А всё почему?

А всё потому, что не злите Снежную Королеву, ой не злите... Иначе, как несчастные Араньевы-старшие обзаведётесь шикарными, дизайнерскими труселями, оригинальной расцветки и невероятного дизайну. Красные, с пряничными человечками и с самым крупным на самом ценном для одного... И серые, со слоновьей мордой на том же самом месте, с огромными ушами и цельным хоботом, для другого!

Фроз же, словно издеваясь, ещё и контрольный в голову сделала, посетовав:

— Вот тебе смешно, да... Но представь себе выражение лица моего бедного парня, которому мало того, что пришлось провести день в компании моей семьи, так ещё и с радостной улыбкой принимать такого слоника от ржущего Веника, требующего не посрамить честь мужскую!

— Камикадзе, — я тонко всхлипнула, утыкаясь лбом в ничего не понимающего Жмура, и честно попыталась перестать ржать.

Только получилось у меня это далеко не с первой и даже не с пятой попытки. Лишь когда в боку начало покалывать, а дышать стало нечем, я судорожно втянула воздух сквозь сжатые зубы и отлипла от парня.

Правда, ровно до того момента, пока Эльза не добавила, явно намереваясь устроить мне прилюдную казнь через смерть от смеха:

— Эт ладно. Товарищ Вениамин Александрович ещё и уточнил обиженно, поняв, что его креатив не оценили... Что он вообще сначала хотел подарить аналогичные стринги, — кивок

головы в сторону коробки с подарком для Димыча. — Со слоником, ага. Хоботом спереди и хвостиком сзади! Меня так и подмывало спросить...

— Когда он успел их заценить и нет ли у него таких в коллекции?! — хрюкнула, в очередной раз, с трудом подавив новый приступ хохота.

Жмур притиснул меня к своей груди, тихо, проникновенно и очень страдальчески вздыхая. Мне его вроде даже жалко стало, стоит тут, бедолага, слова вымолвить не может. Только вот жалость моя как пришла непрошенная, так и ушла незваная.

Тем более, что на горизонте нарисовались куда как более интересные занятия. Фанфары имперского марша из знаменитой (и любимой Эльзой) саги прозвучали до неприличия громко на весь магазин. да так внезапно, что подпрыгнули все, включая саму владелицу оригинального рингтона.

Та недовольно поморщилась, вытаскивая разрывающийся телефон из кармана пальто с таким видом, словно это гадюка, готовая укусить хозяйскую руку в любой момент. Но увидев, кому ж так приспичило с ней пообщаться, Эльза понимающе усмехнулась и ответила, знаками попросив меня помолчать:

— Я вас внимательно слушаю, Апполинария Батьковна. И не отказалась бы узнать, что ж вам так срочно надо от бедного, несчастного администратора в его законный так сказать выходной?

Дёрнув плечом, в бесполезной попытке отделаться от Жмура, которого внезапно и совершенно неожиданно пробила на какие-то нежности, прислушалась, пытаюсь разобрать хоть слова. Однако попытка с треском провалилась. Зато интонации звучали — любо-дорого послушать и посмотреть. Голос собеседника менялся с грозного на серьёзный, а после и вовсе стал весёлым, с намёком на смех. Хотя самым удивительным было не это, нет.

Чем дольше вещал неизвестным мне гражданин, тем сильнее вытягивалось лицо Эльзы, становясь из заинтересованного неимоверно удивлённым. А к концу разговора подруга и вовсе выглядела так словно не знает, плакать ей, головою об твёрдые поверхности биться или всё-таки ржать.

Её ледяная светлость только глаза рукой закрыла и поинтересовалась, с явными нотками обречённости в голосе:

— Ты уверена? Вот прям совсем-совсем уверена? Честно, Неаполь, вот ты действительно хочешь сделать ему такой оригинальный подарок? Точно? Не передумаешь? — в трубке что-то ехидно рывкнули и Эльза тяжело вздохнула, признавая своё поражение супротив чужого упрямства. — Ладно, сейчас уточню у продавца.

Прижав телефон к груди, подруга пальцем поманила замершую в ожидании девушку-консультанта. И склонившись к ней как можно ближе, что-то зашептала ей на ухо. Та в очередной раз пошла красными пятнами, смутилась и отрицательно замотала головой. А заметив выразительный взгляд Эльзы, полный неприкрытого скепсиса. хихикнула стыдливо и ткнула пальцем в витрину.

Подруга, проследив за её рукой взглядом, икнула от неожиданности, тихо всхлипнула и закрыла ладонью лицо, явно из последних сил сдерживаясь, чтобы не начать ржать. Репутация обязывала держать себя в руках при любых обстоятельствах, ёшкин кот! Хотя судя по тому, с

каким трудом раз за разом успокаивалась Фроз, ещё пара минут и она пошлёт эту самую репутацию по такому пешему эротическому маршруту, который Верещагину и не снился даже в самом начале их знакомства!

Но та в очередной раз меня удивила. Она сделала пару глубоких вдохов, явно припоминая какую-нибудь часть из своих любимых кодексов, и вернула своё венценосное внимание собеседнику:

— Слушай, я дико извиняюсь... Но вот конкретно, именно таких больше нет. Зато есть куда как более занятные экземпляры... Какие? А вот ни за что не угадаешь! И нет, не скажу. И да, поверь, это будет куда как занятнее, чем простой и скромный слоник... Покупать? Ладно, беру. Даже в подарочную упаковку попрошу завернуть. Только одна маленькая, ну вот просто махонькая просьба... Какая? А вот! Неаполь, будь лаской, отчёт потом предоставь! В красках, лицах и неприличных, но подробных комментариях! Согласная на всё и даже больше? На фото и видео отчёт? Неаполь, не травмируй мою нежную, детскую психику... Не будешь? Из любви? Я тебя тоже обожаю, прям не знаю даже какими словами степень любви-то к тебе измерить... Ладно, договорились. Беру, упаковываю, привожу. Угу, корвалолу ему налей только предварительно...

Убрав телефон в карман, Фроз судорожно вздохнула и опёрлась ладонями на витрину. Зажмурившись, она стояла, опустив голову и кусая губы. И только спустя минуты две до меня, как до утки на вторые сутки, допёрло, что отморозенная моя пытается банально и так по-человечески не заржать. Получалось у неё...

Не очень, да. Но сила воли плюс характер всё-таки сделали своё дело, и подруга выпрямилась, переводя дух и глядя на замершую как мышь перед удавом продавщицу смеющимся взглядом. Я аж на цыпочки встала, пытаюсь разглядеть, что ж так поразило в общем-то непробиваемое воображение моего любимого отморозка. А та, искоса глянув на мои бестолковые попытки, только хмыкнула каким-то своим мыслям, снисходительно проговорив:

— Несите. И жирафика, и единорога. И бога ради, от смущения только не сгорите нигде. Вы ещё даже не представляете кому такое счастье прилетит в подарок, а уже краснее самого варёного рака! — невозмутимость и спокойствие на пару секунд пошли трещиной и Эльза не выдержав хихикнула, прикрыв глаза рукой. После чего закусила нижнюю губу, пробормотав себе под нос. — Боже, Веня по ходу и понятия не имел, какой же Ящик Пандоры открыть своим креативным мышлением соизволил... Он-то со всей душой и остальными меркантильными мыслями, а народ... А народ его порыв не шибко-то оценил, да...

Последнее прозвучало совсем уж беззвучно и то, я скорее угадала, чем услышала, о чём она вещает. И запыхтев недовольно, ущипнула Жмура за руку, буркнув тихо:

— Пусти!

Тот на удивление послушно разжал руки и я вывалилась из его объятий, едва не растянувшись прямо на полу. К счастью, такой позор в планы Судьбы не входил. Я чудом сохранила равновесие и даже сумела добраться до Эльзы, дабы разглядеть, что ж там за труसेля-то такие оригинальные попались...

Раз сама Фроз на них неадекватно реагирует. А ведь помнится её не пронял даже стриптиз в одном из клубов, куда я затащила её смеха ради. Мальчик ещё долго заикался от её лица, взгляда и изморозью не покрывлся явно чудом, не иначе. Хорошо ещё удрать успел до того, как она рот открыть для комментариев успела!

К моему великому сожалению, разглядеть то, что лежало на витрине мне не удалось. Стоило добраться до неё, как заявила та самая продавщица. С таким очумелым видом, словно за ней банда несексуальных маньяков носиться, прячась за ближайшими углами. Я даже привстала на цыпочки, пытаюсь рассмотреть этих гадов, доведивших бедную девочку до нервного тика и трясущихся рук, но предсказуемо никого не увидело.

Окромя, разве что, её коллег, продолжавших стрелять влюблёнными глазками в сторону моего Жмурика. И мне бы вновь возмутиться, ляпнуть что-нибудь колкое...

Вот только вместе с примчавшимся продавцом я так же увидела и те самые модели, что Эльза решила прикупить для полного, так сказать, комплекта!

— Мама моя Одесса... — выдавила из себя, понимая, что сегодня определённо кто-то умрёт. И есть очень немаленький шанс, что это буду я, потому что столько ржать просто физически невозможно!

Я думала слоник — это предел моего воображение. Оказалось, что мне показалось! Потому что милый жёлтенький жирафик и такой же милый, вот только совершенно беленький пегас, с крыльями и, извиняюсь, рогом, хотя он ни разу не единорог, сломали не только моё бедное воображение... Но и внесли мой бедный мозг, в паре со здравым смыслом! Да так, что я всерьёз задумалась о том, какой диагноз поставят в моём свидетельстве о смерти!

«Она умерла от приступа гомерического хохота», чувствую именно эта фраза будет там звучать, просто печёнкой своею чую! И если именно это будет там звучать, Захарыч обязательно повесит оное в рамочке в собственном кабинете! Как память о бесславной кончине, да ещё и не на рабочем месте при исполнении! Правда, думала я об этом каким-то краем собственного мозга.

Попутно продолжая загибаться от хохота, глядя на этот пикантный образчик мужского нижнего белья!

Попутно продолжая загибаться от хохота, глядя на этот пикантный образчик мужского нижнего белья! А уж когда Эльза, всё же присоединившаяся к моему веселью, громким шёпотом добавила «Это специальный презент для одного могучего, рыжего кактусовода», я и вовсе зашлась в очередном приступе исключительно гомерического даже не хохота, а самого натурального гогота!

Моё бедное, изрядно пострадавшее за сегодня воображение буксовало, скрежетало и откровенно отказывалось представлять рыжего, могучего байкера, фонившего брутальностью на пару километров вокруг, в таком вот оригинальном наряде! И это не смотря на то, что до этого подобных проблем у него не возникало совершенно, а сама моя бурная фантазия тяготела исключительно к готике, триллеру и фильмам ужаса!

Привалившись к витрине, я старательно пыталась успокоиться, вытирая выступающие слёзы от смеха. Но Эльза, зараза такая, стояла рядом, смеялась и совершенно мне не помогала. Наоборот, она же, добрая душа, ещё и добила очередным пёрлом:

— Вот ты ржешь, стоишь, а я боюсь! Не дай бог ещё и Ришик позвонит... Я ж не переживу такого радикального когнитивного диссонанса! Всё знаешь почему? Потому что этот кадр, который вроде как мне парнем приходится, хотя я в этом сомневаться начинаю... и с каждым разом всё сильнее! Так вот, он ведь не просто пожаловался на коварство Веника! Он же ж ещё и продемонстрировал фотографии подарка! А эти дурни великовозрастные, поржать-то поржали, но потом не придумали ничего лучше, чем своим девушкам рассказать! И ни одному,

ни оному, представляешь? Ни одному из них не пришло в голову, даже тени мысли не закралось, что у женской половины банды чувство юмора преобладает над чувством любви к ближнему своему! И что правило «подстебни ближнего своего» действует независимо от степени привязанности?!

Застонав, я слегка приложилась затылком об каркас витрины, сползая на пол и сумев выдавить из себя только что-то нечленораздельное:

— Ы-ы-ы...

Всхлипнув, приложилась ещё раз, аккуратно и легко, не находя в себе сил на что-то более чёткое и определённое. Я просто тупо продолжала ржать, явственно ощущая, что банальный хохот грозит уже перейти в истерику и таки стать причиной моей преждевременной кончины! И всё бы ничего, но не посреди же магазина нижнего белья?!

В конце концов, когда дышать было уже нечем, а рёбра ныли так, словно по ним прошлись чьи-то берцы, я уже всерьёз задумалась о том, что так дальше продолжаться просто не может. Вот только прежде, чем я успела что-то сделать, произошло то, чего я совершенно не могла предположить!

Случилось оно. Нет, даже не так! ОНО! Событие, встряхнувшее мою нервную систему так, как не снилась всем бригадам труповозки разом, как бы они не старались и сколько бы сил не прикладывали! Ещё бы, никому ведь и в голову не пришло поступить так неординарно, как сделал это товарищ Жмурик!

Он, зараза такая, устал стоять сторонним наблюдателем, скептически разглядывая наше коллективное помешательство и тактично не обращая внимания на продавщиц, так и не оставивших мыслить закадрить красавчика. И не придумал ничего лучше, чем совершить почти что удачную попытку суицида.

И нет, я не шучу. Потому что назвать как-то иначе то, что подойдя ко мне, он схватил меня за руку и дёрнул на себя, поднимая на ноги, я просто не могу. А уж последовавший за этим поцелуй, выбивший мозги из головы, воздух из лёгких и почву из-под ног, так и вовсе можно было считать подписанным смертным приговором любому представителю мужского пола!

Одна беда, я злилась да, я негодовала, я, блин, даже пыталась отбиваться... Ну я надеюсь, это было хоть с натяжкой, но похоже на сопротивление! Но ничего не могла поделать с ярким теплом, разливающимся внутри и непозволительным удовольствием и самодовольством, вспыхнувшим в душе!

Впрочем, это не значит, что я мечтательно улыбалась как дура (разве что чуть-чуть), когда зомбик отпустил меня и отступил на пару шагов, сверкая невинной и очень довольной улыбкой. Я для приличия даже помолчала немного, переваривая случившееся, и радуя Эльзу ошалевшим видом. А потом начала медленно заворачивать рукава, так многообещающе улыбаясь, что компания фанаток Жмурика дружно вздрогнула и бросилась врассыпную, испугавшись. Только этому трупу потенциальному хоть бы хны!

Натренировался что ли где-то? Или иммунитет успел выработать?!

— Молилось ли ты на ночь, Жмураэлло? — мягко протянула, наступая на пятывшегося парня. Тот невинно хлопал глазами, усиленно притворяясь ничего не понимающим типом, не уловившим аналогии со знаменитой трагедией!

А Эльза, поганка ледяная, вместо того, что бы посочувствовать мне и помочь, только масло в огонь подливает, протянув невозмутимым и довольным тоном:

— Знаешь, Харон... При всей твоей любви к жмурикам и моей стойкой аллергии на чужую наглость в компании с идиотизмом... Вот не могу я, не могу не признать, что данный индивид не только имеет неплохие мозги, но ещё и пользуется ими с успехом!

— Ага, — я согласно закивала головой, загоняя Жмура в ближайший угол, но тот как вился как уж на сковородке, с лёгкостью избегая возможных ловушек. — Только здравый смысл и инстинкт самосохранения где-то потерять успел, только и всего! Отмороженная моя, ты, на что так тонко намекать изволишь, ась?

— На то, что, не смотря на всю криминальность его поступка, он совершил целый подвиг! — засмеялась подруга, прислонившись к витрине и с любопытством наблюдая за нашей парочкой. — И прежде, чем решить в каком порядке разложить несчастного на витрине, в окружении его тайных почитательниц, подумай о том, что сей ценный кадр не только сумел произвести на меня неизгладимое впечатление... Но и спасти тебя от страшной смерти от смеха!

Я от такой кардинальной смены темы чуть не врезалась в стойку с товаром, каким-то невероятным способом сумев не только затормозить вовремя, но ещё и не уронить собственную челюсть от удивления. Всего-то постояла каменным изваянием посреди зала, хлопая глазами от удивления и глядя ошалелым взглядом на счастливо улыбающуюся Фроз. А когда пришла в себя, только вздохнула, расстроено выдав:

— Ну вот умеешь ты... Озадачить! Чего тебе стоило промолчать, ну хоть немного? Я б ему потом орден Сутулова, с закруткой на спине, вручила! Посмертно!

Эльза в ответ только фыркнула, забирая пакет с покупками и убирая выбившуюся прядь волос за ухо. А я стояла и гадала, задаст она провокационные вопросы или не задаст. В том, что подруга всё подметила, всё поняла и сделала определённые выводы я совершенно не сомневалась. Вопрос только в том, захочет она это обсудить или оставит всё так как есть, не вмешиваясь?

Жмур, как будто чувствуя мою напряжённость, подошёл ближе и, уже почти привычно обнял меня за талию, утыкаясь подбородком в макушку. Я даже возмущаться не стала, только плечом недовольно дёрнула, ожидая, какое же решение примет Эльзёныш.

А та, выждав ещё пару минут, открыто улыбнулась и...

Что может быть хуже похода по магазинам? Да ещё и в компании женщины?

Только этот же самый поход, но в компании патологоанатома, который не только ехиден и вреден от природы... Но ещё и вознамерился исправить одно досадное упущение со стороны собственного соседа. Именно по этой самой причине и во исполнение чужой идеи фикс, они сейчас и стояли посреди магазина с нижним бельём.

И судя по счастливой улыбке Евгении, уходить отсюда в ближайшее время она не собиралась, загоревшись мыслью и собираясь осчастливить своего квартиранта самыми интересными моделями из всего имеющегося ассортимента. Мнение предполагаемого владельца в расчёт не бралось от слова совсем.

Жмур к тому моменту даже удивляться перестал. Он, когда осознал, что Женя не шутит, не пытается его напугать и явно радуется этому небольшому приключению, не знал что и делать. То ли поплакать, то ли посмеяться...

То ли вспомнить собственные познания в обценной лексике родного языка и чёрт с ним, с этой конспирацией. Пофиг, пляшем! В конце концов, всегда можно придумать оправдания для таких вот «вспышек» прозрения и даже вредный, въедливый патологоанатом придраться не сможет!

Глубоко вздохнув, парень с трудом, но всё же держал себя в руках, разглядывая выставленный на витрине товар. Так было гораздо безопаснее для окружающих. Потому как через пять минут пристального и жаркого внимания со стороны продавцов-консультантов, у несчастного Жмурика начал подёргиваться глаз. А когда к простому, хоть и навязчивому наблюдению, добавились попытки этими же самыми взглядами его раздеть, он и вовсе поймал себя на мысли о том, что на полном серьёзе рассматривает вариант спрятаться за спиной у всюю развлекающейся Харон. В надежде на то, что чувство любви к ближнему своему у неё пересилит жажду выносить мозг всем и каждому, кто попался ей на пути.

И она всё-таки позволит увести себя из этого дорогого, но откровенно пугающего его магазина. Не ценниками, нет. Уж чем-чем, а количеством нулей в чеке его вряд ли можно было бы напугать. А вот таким вниманием со стороны персонала ещё как! Особенно, когда раз за разом приходится, мило улыбаясь, отрицательно качать головой на предложение помочь с выбором...

Ругнувшись про себя, он одарил ещё одной милой улыбкой очередную продавщицу, он всё же решил оставить идею с прятками на самый уж крайний случай. И услышав, каким заинтересованным тоном девушка выпрашивает об особенностях тех или иных моделей, принялся, в отместку, разглядывать витрину соседнего отдела. Тоже нижнее бельё, вот только исключительно женское. И его стоимость была не то, что бы сильно заоблачной...

Но явно не той, какую мог себе позволить скромный сотрудник морга. Если, конечно же, он не занимается «чёрной» бухгалтерией, не связан с криминалом и не торгует трупами на органы, конечно же.

Тихо фыркнув, бывший труп едва заметно покачал головой. Он бы в этом поверил, ага... Если бы не знал и собственными глазами не видел, как это чудо проживает и чем живёт на самом деле. На работе пропадает сутками, к своему делу относится с полной отдачей и потратить деньги явно может на всё, что угодно. Кроме себя. А ещё Харон страдает непомерной гордостью, с трудом и нехотя принимая чужую помощь.

Не важно, от кого она: от мимолётных знакомых или же близких людей. Женя ненавидит демонстрировать свою слабость, даже если от этого зависит не только её благосостояние или душевное спокойствие, но и жизнь. И что с ней делать-то, с такой принципиальной?

Беззвучно хмыкнув, он засунул руки в карманы чужих джинсов, не спадавших с него только благодаря ремню на поясе. Было немного любопытно, что ж там за сосед такой, если при немалых габаритах самого Жмурика, джинсы всё равно, либо очень неприлично сидели на бёдрах, либо начинали сползать ниже. Однако, спрашивать было как-то не с руки. Поэтому приходилось стоять, молча терпеть и искоса поглядывать на Женьку, дорвавшуюся до бесплатного.

Та отрывалась на полную катушку. Она гоняла смущённых и сверкающих стыдливым румянцем Жмурик или Спящий красавец по-корейски (СИ)

продавцов и в хвост, и в гриву. Палку не перегибала, нет, и не хамила особо. Зато как ребёнок радовалась жизни, довольно шурилась и в кои-то веки за последние дня три он с удивлением видел девушку настолько... Живой. И настоящей, не прячущейся за своими специфичными шуточками, чёрным юмором и сарказмом.

Прелюбопытнейшее зрелище, что не говори. И такое милое, что парень невольно засмотрелся на широко улыбающуюся Женьку. А когда осознал это, предпочёл глазеть на что-то менее отвлекающее и куда как более приземлённое.

Правда, мысли его, как назло, свернули совсем уж в неприличную сторону. Разглядывая выставленные на всеобщее обозрение комплекты, порою представляющие собой небольшие куски шёлка, вряд ли способные что-то прикрыть, он невольно задумался о том, как бы это выглядело на одной определённой девушке. Мысль была симпатичной, даже привлекательной... Ровно до того момента, пока вновь покосившись на Женьку, Жмур не признался самому себе в том, что за такие «подарки» его предадут пыткам испанской инквизиции. И самое мягкое, что посоветуют, так это куда ж ему засунуть эту красоту и вежливо предложат адрес знакомого проктолога, дабы красоту сию оттуда вытащить.

Закрыв лицо ладонью, он только вздохнул и предпочёл переключить своё внимание на что-то другое. И с чистой совестью вернулся к Женьке, уже протянувшей карту для оплаты собственных покупок. Нахмурившись, Жмур подкрался к ней сзади и занял стратегическую позицию за спиной, обнимая за талию и уже привычно утыкаясь подбородком в макушку. Призывные взгляды девушек игнорировал, бубнёж под нос в исполнении Харон пропустил мимо ушей. Зато пристально следил за суммой, выбиваемой продавцом на кассе, сам не замечая, как пальцы сжались в кулаки и нехотя расслабились, уютно устроившись на чужом животе.

Сумма вышла впечатляющая. И от этого хотелось кое-кому отвесить подзатыльник или хотя бы отшлёпать, что бы сначала думала, а потом тратилась. Вряд ли её зарплата, даже если она довольствовалась малым, позволяла делать такие траты за один раз! И это без учёта квартплаты, повседневных нужд, той же еды которую теперь придётся покупать чаще и в больших объёмах.

Недовольно скривился, наклонив голову и пряча выражение своего лица. Возмутиться бы, да высказать всё, что он думает по этому поводу. Но нельзя. Остаётся только молча негодовать, попутно размышляя, что никто не мешает ему вернуть всю сумму и даже больше. Когда рядом не будет Харон, и она не сможет выяснить, чьих рук это дело. Хотя до этого сначала надо дожить и, что страшнее всего, как-то пережить продолжение шопинга. Которое с каждым мгновением становилось всё фееричнее и фееричнее. Особенно. Когда в магазине появилась знакомая Жене девушка, с красивым именем Эльза и такой холодностью, что Жмур невольно передёрнул плечами, поёжившись.

О, она была красивой, светловолосой и вежливой. Только вежливость её была пропитана ехидством и иронией насквозь. А уж то, как легко она нашла общий язык с Харон, и та заинтересованно включилась в диалог, наводило на мысль о долгом и продолжительном знакомстве девушек. Настолько, что поддерживать общение, обмениваясь колкими любезностями, и планомерно разрушать психику окружающих для них не составляло никакого труда.

То, что было дальше, Жмур вряд ли сможет когда-нибудь забыть. И искренне сочувствовал неизвестному Вене и ещё более неизвестному, но заранее несчастному субъекту, которому собирались дарить жирафиков и пегасов. Потому как судя по гоготу, самому натуральному

гоготу девушек, личность сия была выдающейся во всех смыслах и с юмором у него проблем нет... Но такой подарок явно приведёт его в состояние ступора, как минимум!

Смеялись они долго. И сильнее всего веселилась именно Женька. Да так, что он невольно забеспокоился, а не станет ли ей плохо. А после и вовсе, нахмурился, почему-то подумав о том, что к обсуждаемым, потенциальным владельцам таких экзотичных экземпляров Харон питает что-то большее, чем чисто научный интерес. Иначе не стала бы так смеяться на вроде бы невинные фразы своей подруги.

Каким образом в его голову пришла идея оборвать веселье таким экстравагантным образом, парень и сам не понял. Но целовал несопротивляющуюся девушку сильно, властно, экспрессивно... В общем так, что у самого выбило все мысли разом из головы, даже о том, что сам того не желая, он только что познакомился с самым родным для Харон человеком. С кем-то другим она вряд ли стала бы обсуждать нижнее бельё или так пикироваться, открыто и без смущения.

Потом он, конечно, в разумности своих действий усомнился, бегая от Женьки по торговому залу. Но не пожалел. Ни разу. Особенно, когда та же Эльза признала, что они с Харон друг друга подходят. Этот сомнительный и неуместный комплимент приятно согрел душу, не смотря на то, что девушка по-прежнему его не привлекала.

В сексуальном плане, конечно же. В остальном — она была действительно чем-то удивительным. Причём настолько, что сдавать своё вполне себе здоровое состояние в ближайшее время он не собирался. От слова совсем!

Глава 5

— А я сошла с ума... — сложив из очередного бланка строгой (ну просто зверски строгой) отчётности самолётик, запустила им в сторону нагло кемаривших санитаров. И добавила, печально вздохнув, когда летательное средство до места назначения так и не добралось. — Какая досада...

Мои страдания вновь остались без ответа и, откинувшись на спинку до ужаса скрипучего стула, я крутанулась на месте, оттолкнулась от стола и проехала до секционного. Отловила рукой стойку из-под капельницы, по какой-то неведомый мне овощ стоявшую в нашем зале, зацепилась ею за ещё один стол. И, подкорректировав направление движения, всё-таки вернулась к своему рабочему месту. Попутноогрев санитаров той самой стойкой.

Не, ну а что? Нефиг спать, когда начальство изволит бодрствовать и скукой маяться. А то я ж как та мартышка из мультика, начну думать мысль... И удава, что б вовремя меня тормознуть тут нет!

— Сергеевна, мля! Сиди на попе ровно, интерн эволюционировавший... — проблеяло что-то из кучи тел голосом небезызвестного Шугурова. Я даже умилилась от такой смелости, пока не сообразила, что парни не то, что понять...

Они проснуться-то не удосужились! Боже, с кем работать приходится?!

— Тьфу на вас, — разочарованно вздохнув, опёрлась локтем на стол и подпёрла щеку кулаком.

Масса с трудом опознаваемых тел в белых халатах и синей робе вяло шевельнулась и своим

всхрапом умудрилась заглушить мой любимый Rammstein в наушниках. Поморщившись, скатала в комок ещё одну бумажку и прицельно метнула её в лоб развалившемуся на кушетке Сёме. Попала, получила ещё один всхрап и недовольно скривилась, выдав:

— Тьфу на вас ещё раз! Блин, ну никакого уважения к чужому энтузиазму...

— Сергеевна, мля! — хоровое исполнение сонными голосами гулким эхом разлетелось по пустому залу.

— О, ещё и матом ругаются, нехорошие криминализированные личности! — притворно обиженно протянула, размышляя над тем стоит ли попытаться разбавить скуку красивой местью или же подождать и поработать накопительной системой скидок.

Что б вот копилось, копилось, копилось... А потом раз и такая офигительная раздача бонусов прошла, что мама дорогая, любо-замечательно посмотреть!

Я так замечталась, прикрыв глаза и подпевая любимому солисту обожаемой группы (и чёрт с ним, что откровенно фальшивлю), что не сразу услышала перестук каблучков в коридоре. И только когда кто-то громко кашлянул, постучав по косяку кулаком, соизволила снизойти до простых смертных и даже открыть один глаз.

Открыла. Узрела гостя. Закрыла, помассировала виски и ущипнула себя за руку. Открыла уже оба глаза, пристально уставившись на шикарный глюк в наших суровых пенатах и только когда сиё прекрасное видение повторно кашлянуло, шаркнув ножкой в сапогах стойких две мои зарплаты, убедилась что нет, Харон. Тебе не привиделось. И в дверях зала прозекторской действительно стоит высокая блондинка, самого гламурного вида.

Я прям стесняюсь спрашивать... А какого Джорджа Армани она забыла в этих серых, убогих стенах городского морга?!

— Простите, — у чудного видения был не менее чудный голосок. Но настолько визгливый, что масса тел, нагло дрыхнувшая на кушетке недовольно зашевелилась и только всё тем же чудом, не иначе, не разразилась потоком очень некультурной брани. — А здесь эту... Как её... Утопию проводят?

То, каким тоном дамочка озвучила свой невинный вопрос, должно было сразу меня насторожить. Но скука, пополам с ленью и жаждой осчастливить дорогую гостью хотя бы словарём орфографическим (что уж говорить про словарь сугубо медицинских терминов) в неравном бою отправили мою сознательность в нокаут. И вытянув один наушник из уха, я растянула губы в вежливом оскале:

— Ну метод утопления, конечно эффектен по виду, но совершенно непригоден по ходу дела и точно не поможет узнать, от чего ж скопытился подозреваемый. Но коли вам надо в морг... То да, вы попали по адресу. Чем могу быть очень даже любезна?

Весь пафос и сарказм моего приветствия капитулировал, когда масса неопознанных тел, в который уже раз (ёжика им в труссы, поголовно!), соизволила подать-таки признаки жизни. И как всегда — не вовремя!

— Сергеевна, мля, ты, когда заглохнешь?! — праведно возмутилось оно, по голосу с трудом опознанное, как наш супер-экстра-класс патологоанатом недоучка товарищ Шугуров. Я даже знаю, что напишу на его надгробии, коли он не свернёт таки с выбранного им пути.

Нет, Судьба любит идиотов, но явно не до такой степени, что бы сохранить этому отресёлку жизнь, пока он тут в морге из себя самый главный труп. Пусть и потенциальный.

— Слышь, тело, — недовольно протянула, выразительно отстучав ногтями что-то наподобие похоронного марша. — Ты, либо продолжай делать вид, что тебя тут нет, либо приступай к исполнению непосредственных обязанностей. Я не Будда, я терпением не отличаюсь и всепрощением отродясь не страдала.

Масса трепыхнулась и затихла, спинным мозгом почуяв возможные неприятности. Уж что-что, а на это у них интуиция срабатывала с завидной регулярностью. Правда, далеко не всегда давая шанс избежать проблем. А зачастую так и вовсе, срабатывала гораздо позже, чем надо бы!

Тем временем наша загадочная гостья, в норковой шубке, элегантных сапожках, блондинистой наружности и с таким ценником на лице, что впору впасть в депрессию и поплакать, подошла к одному из столов и выгрузила из того, что вроде бы называют сумочкой какой-то свёрток. Маленький, сантиметров так двадцать по виду, бережно завернутый в шёлковую материю бежевого цвета. За ним из главного женского аксессуара вытащили пачку бумажных платков и, взяв один из них, наигранно высморкались.

После чего меня огорошили ну просто-таки нереальными перспективами в моей скромной карьере:

— Мой Гошик умер при таких странных обстоятельствах! — трагичный всхлип и очередная порция бумажных платочков. — Он так красиво пел, так пел! А потом раз и всё, ни звука! И тело его так странно разметалось по полу! И я не имею ни малейшего представления о том, кто мог так жестоко поступить с бедняжкой!..

Я моргнула, честно пытаюсь вникнуть и выцепить хоть что-то из этого бессвязного потока слов. Вышло, как в той народной мудрости: «даёшь стране угля, до хрена, но мелкого!». В смысле, по отдельным словам вроде бы всё понятно. У дамочки кто-то умер, при странных обстоятельствах, обладая золотым голосом и отличными условиями для жизни. А вот в общую картину привычного мира вся её демагогия не желала укладываться. Ну никак!

— Так... — озадаченно почесала затылок, пытаюсь понять пути чужой логики и не сломать при этом собственный мозг. Его было особенно жалко, учитывая, каким каждодневным испытаниям он подвергается. — А Гоша это... Собственно, кто?

— Гоша мой обожаемый любимец! Он почти что член семьи! — громкие всхлип и трагичным голосом мой здравый смысл был убит наповал контрольным в голову. — Это моя канарейка! Она стояла кучу денег! Она была из элитной породы леопардовых канареек! Боже, как же мне теперь жить-то без него?!

И слезливый концерт, сопровождаемый заламыванием рук, перешёл на новый уровень. Пока бедный и несчастный патологоанатом пытался пережить очередной приступ когнитивного диссонанса. И вроде бы пора уже перестать удивляться, в морге как-никак работаю! А тут и не такие казусы случаются...

Но канарейка, что померла при загадочных обстоятельствах, эт впервые, да. Нет, ну может, соседям моим и перепадали такие занимательные, во всех смыслах случаи. Всё-таки судмедэксперты! Им же сам Гиппократ завещал с неадекватными случаями работать, а дядюшка Фрейд и дядюшка Юнг горячо это одобрили.

Однако, как подсказывает мне моё вредное самомнение, даже их ждёт небывалый сюрприз и просто таки бездна удивления. Нет, ну а что? Мне одной, что ли от такого явления канарейки народу страдать сидеть?

То, что было дальше сложно описать нормальными словами. Во всяком случае, цензурные здесь не подходили совершенно, а нецензурных как-то стало резко не хватать, когда кое-как успокоившаяся дамочка озвучила цель своего визита. А именно, дословно и цитируя: «Провести утпсию бедного Гошика и вычислить, кто повинен в преждевременной смерти звезды Ю-туба!». И словно мало было мне шока за последние минут пятнадцать, так эта блондинка ещё и видео решила продемонстрировать!

Каюсь, грешна. После пятой короткометражки с Гошиком в главной роли я была согласна на всё. Провести аутопсию, утпсию... Да хоть трепанацию черепа на живую, лишь бы блондинка Ксю (как она соизволила представиться) наконец-то перестала выедать мне мозг ложечкой для мороженого!

Нет, я всё понимаю. Умер любимый птыц, сложил крылья крестиком раньше времени, лапки отбросил по непонятной всем и вся причине... Но это ж каким извращённым путём шествовала логика сей мадам, что она не придумала ничего лучше, чем заявиться в городской морг? Я понимаю, что сюда трупы свозят, тут не поспоришь.

Но ведь трупы людей, а не животных! Хотя я не спорю, что некоторые индивиды стали ошибкой эволюционной цепочки, пройдя путь от обезьяны до хомо сапиенса... Но всё-таки, люди ведь, а не дикое зверьё! Да ещё такое... Знаменитое, сатаниста мне в стажёры, мать вашу!

— Стопе, стопе, стопули! — терпение тихо скрылось в неизвестном направлении, а скука не казалась такой уж страшной вещью. Вскинув руки и оборвав бесконечный поток вялотекущих рассказов об одном и том же, я перевела дух, наслаждаясь несколькими минутами звенящей тишины...

И, собравшись с духом, выдала контрпредложение, заметив слинявшего за угол коллегу из соседнего зала:

— Девушка, я так понимаю, дело тут чрезвычайной важности, — в голову нагрянула та самая, долгожданная мною мысль. Гениальная в своей простоте, изящная в своём исполнении и гарантирующая досуг соседям на ближайшие полтора часа точно.

Судмедэкспертам ведь тоже бывает скучно... И добрые патологоанатомы всегда не прочь осчастливить радостью ближнего своего!

— Да! — и Ксю вновь так громко высморкалась, что я невольно отодвинулась в сторону, всерьёз размышляя на тему заразности идиотизма и его передачи воздушно-капельным путём.

— Тогда нам просто необходимо проследовать в соседний кабинет, — подскочив с места, я подхватила даму, сунула ей в руки тот самый свёрток (фу, мерзость какая!), стараясь незаметно вытереть руки о джинсы. Не, я не брезгливая. Трупы для меня вообще каждодневная и совершенно обыденная рутина.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Только вот дохлые птицы, при всей моей любви к домашним питомцам, не вызывали никаких

тёплых чувств. И к детальному осмотру не располагали точно.

Поморщившись ещё раз, подхватила замешкавшуюся Ксю под локоток, державшую свою почившую канарейку, как величайшую драгоценность, и потащила на буксире дальше по коридору. Мимо служебных помещений, лабораторий, кабинета начальства и заместителя начальства, туалета и даже, о ужас, дополнительного холодильника.

Затормозила только на одном из поворотов, чудом не встретившись с каталкой. На ней кто-то умудрился загрузить чёрный пакет весьма характерного запаха и вида. А санитары, решившие, что тело, собственно, не только отжило, но и отбегалось благополучно, свинтили в курилку, мусолить последние морговские сплетни. Я даже позавидовала наличию времени и словарного запаса, дабы часа по два без остановки и допинга чесать языком на такие темы как служебный роман, кто с кем и когда спал, а главное, какой медицинский сериал круче.

Последнее явно могло послужить поводом к новому когнитивному диссонансу, но тьфу-тьфу-тьфу, всё обошлось. В конце концов, я этих святых в белых и не очень халатах не первый раз за подобным непотребством застаю, привыкла чай. А вот мою спутницу всё же поразило увиденное, до глубины души и выпрямив единственную извилину окончательно и бесповоротно. Она так трепетно прижала к груди свой трупик, побледнев и нервно икая, что я по привычке вытащила из кармана халата бутылёк с нашатырём и вату. Мало ли, вдруг откачивать придётся?

— Эт-то... Что?! — истерично взвизгнула Ксю, озадачив вопросом, почему я таскаю в халате нашатырь, а не хлороформ. Сколько бы проблем-то решилось!

— Последствие неудачного следственного эксперимента, — оттерев несчастную от стены, потащила её дальше, мысленно кляня на все лады и склоняя по всем падежам дежурную команду судмедэкспертов. Вот чувствует моё сердце, мы накануне грандиозного шухера!

В смысле, проигрался кто-то из этой компании моральных садистов и визуальных изуверов, так что морг ожидают если не потрясения, то психологические травмы точно. Мы-то привычные, а вот посетителям нашим придётся туго... Надо напомнить Захарычу пополнить запасы валерьянки, на всякий так, сказать, случай.

— И по Гошику так же будут? — вдруг заинтересовалась Ксю, загоревшись подозрительным энтузиазмом.

Я даже притормозила слегка, на пару секунд задумавшись о том: а не найдёт ли эта дама себе какого-нибудь единомышленника в нашем безумном зоопарке? Но оценив умственную деятельность жертвы своего произвола, решила, что не настолько наши коллеги оголодать умудрились, что б на такую красу позариться! Во всяком случае, я очень на это надеюсь!

— Не знаю, я не специалист, — тактично ушла от ответа я, добравшись до святая святых магов, фокусников и иллюзионистов, с уклоном в любимой Эльзой УК РФ. — А со специалистом я тебе сейчас лично познакомлю...

Как там говорят? Цирк уехал, клоуны остались? Ну в общем, что-то подобное я и исполняла, долбанув ногой по двери, попрыгав от боли в пальцах, поматерившись сквозь зубы и всё-таки проорав:

— Винни, который Опух и Кабан шо Пятак! Дверь открывайте, Сова, блин, милитаризованная припёрлась с жертвой жесточайшего когнитивного диссонанса как пожизненным диагнозом!

Ксю наблюдала за происходящим круглыми от удивления глазами. А уж когда двери мне всё-таки открыли, и на свет явилась та самая парочка закадычных друзей и стихийное бедствие всего отдела судмедэкспертизы, так и вовсе рот открыла. От несказанного восхищения...

Или испуга. Смерив скептическим взглядом открывшийся вид, покосилась на даму и кивнула собственным мыслям. Однозначно испуг. Потому как пережить спокойно вид высоченного Артемия Шукшина и худощавого, но низенького Данилы Багрова в костюме химзащиты, мог далеко не каждый. А они мало того что напоминали водолазов на суше, так ещё и в противогазе были. И держали в руках колбы, с коктейльными зонтиками, торчавшими из горлышка и серо-синей жижей на доньшке.

Я только глаза к потолку возвела, скрестив руки на груди.

«Слоники» что-то прогундосили, но увидев мою ехидно выгнутую бровь и выражение «морда-кирпич-если-будешь-плохо-себя-вести», соизволили стянуть противогазы. И уже нормально полюбопытствовать, а что тут забыл товарищ Харина. Товарищ Харина в моём скромном лице потыкала пальцем в блондинку Ксю и выдала краткую версию трагической гибели канарейки Гоши.

Парни на всякий случай приняохались к своим колбам и смерили меня пристальным, подозрительным взглядом. Я покрутила пальцем у виска и показала им кулак. Пантомима была расшифрована верно, с поправкой на выразительные гримасы с обеих сторон. Друзья-неразлучники понятливо кашляли, хмыкнули дружно и утащили жертву в своё логово. Только замок лязгнул, едва не впечатав мой нос закрывающейся дверью.

— Ну, собственно... Никто и не настаивал, да, — задумчиво протянула, потирая едва не пострадавшую часть тела. И только каким-то чудом не сиганула под потолок, когда рядом раздалось насмешливое покашливание.

И голос из темноты, подозрительно похожий на несравненного Ивара Захариевича Блюменкранца, так загадочно и так ехидно протянул:

— Развлекаетесь, Женечка?

— Инфаркт миокарда, инсульт миосульда! — схватилась за сердца, развернувшись и уставившись круглыми глазами на любимое, в кавычках и местами, начальство. — Ивар Захариевич, что ж вы так подкрадываетесь, аки ниндзя?! А ежели моя хрупкая психика не вынесет такого давления? Куда ж мы столько трупов-то денем, Ивар Захариевич?!

— Шо значит мы? — Блюменкранц грозно нахмурился, притворяясь пятым лебедем в тринадцатом ряду. Если б не улыбался так довольно и благостно, я бы обязательно поверила!

А так стою, созерцаю довольного шефа и думаю, что хуже обиженной женщины, может быть только женщина еврейской национальности, оскорблённая в лучших чувствах и стремлениях. И если товарищ Блюменкранц не прекратит так счастливо и загадочно улыбаться, то придётся примерить на себя образ великого кляузника и закладчика. Дабы уведомить разлюбезную Софочку о поведении её мужа, в письменном виде и в трёх экземплярах!

— Ивар Захариевич, уберите с лица такую довольную улыбку, а то люди могут сделать верные выводы, — показав забавляющемуся начальнику морга кулак, я только вздохнула печально видя его незамутнённое страхом лицо.

Начальство даже впечатлиться моим грозным видом не соизволило. И после этого меня

обвиняют в том, что я над людьми издеваться люблю! Ха, да по сравнению с товарищем Блюменкранцем я милая, белая и пушистая...

Одуванчик, в общем. И пофиг, что металлический!

— Ну что вы, Женечка, когда это люди да в стенах морга да делали правильные выводы? — добродушно похлопав меня по плечу, заведующий продолжил щеголять счастливым выражением морды лица. Кажется, теперь я начинаю осознавать, что ж Эльза так лимоны-то любит...

Если Олежек свет его Геннадьевич такую же лыбу при каждом удобном случае давит, то тут уже не про цитрусовые пора начинать думать, а про наковальню. Что б раз, уронила на ногу и всё. Всё счастье резко эмигрировала с лица мужчины в неизвестном и далёком направлении. Эх, мечты-мечты...

— Женечка, а не хотите ли попить чаю со стариком? — неожиданно оборвал мои размышления хитро сощурившийся начальник. Вид при этом у Ивара Захариевича был загадочный, подозрительно весёлый и даже я бы сказала пакостный. Коли такое определение применимо к пожилому одесситу с еврейскими корнями...

Ну или еврею с одесским колоритом.

— А шо, у меня таки есть повод отказаться? — скептически переспросила, засунув руки в карманы джинсов. Из-за двери в секретный бункер судмедэкспертов послышался чей-то визг. Очень надеюсь, что это не канарейка Гоша, после проведение ритуала малого экзорцизма.

Не то, что бы фентези вдруг стало суровой реальностью, и в нашем мире завелась такая бяка, как магия. Но учитывая увлечение Шукшина и Багрова сериалом «Сверхъестественное», я бы на всякий случай присыпала порог солью. Демонов-то, может, и не существует, а вот фанатеющих парней в нашем дурдоме хватает с избытком. И эта парочка ещё самая безобидная из всего набора девиантных отклонений!

— Повод есть всегда, — Ивар Захариевич хмыкнул и одёрнул воротник своего халата, кивая в сторону собственного кабинета. — А вот причин увилить от разговора на серьёзные темы я таки в упор не наблюдаю, Евгения Сергеевна. Так что вперёд, с песней.

— Похоронный марш пойдёт? — тяжело вздохнув, последовала за разогнавшимся начальством, шествовавшим по коридорам морга как ледокол «Арктика» по водам Северного ледовитого океана. Во всяком случае, санитары в разные стороны похлеще осколков льда разлетались, туша сигареты, выкидывая пиво и пряча девушек в ближайшем тёмном углу.

Последним я искренне посочувствовала, потому что в том самом углу притаился местный артефакт неизвестного назначения. В смысле, учебный скелет, изрядно побитый временем, нездоровой психологической атмосферой и интернами со стажёрами в обнимку. Герман был любимцем морга, о нём даже заботились, время от времени полируя тряпочкой. Но не так давно кому-то пришла (и я даже знаю кому и это в кои-то веки не я!) гениальная мысль сделать из бедняги Геры подобие собаки Баскервилей.

Уж где эти энтузиасты раздобыли флуоресцентную краску, как пронесли её в морг и успели сделать своё чёрное дело — история умалчивает. Зато результат их трудов был виден каждому: бедный Герыч пугал нежданных прохожих светящимися глазами, боевой раскраской рёбер и тазовых костей. А ещё добрыми высказываниями на латыни, понятными исключительно

медикам.

Что, в общем-то, не особо волновало слишком впечатлительные экземпляры, насмотревшиеся того же «Сверхъестественного» и прочего «типа» мистического мусора. Как сборник хохм приключения братьев ещё можно глянуть, а вот во всём остальном я бы лучше сценариста на наркотики и запрещённые препараты проверила.

Возле кабинета Захарыча, где висела ласковая и добрая табличка «Не влезай — убью!», отобранная у меня Блюменкранцем ещё в пору ученичества и старой, доброй подработки в этом самом морге. К ней кто-то прибил парочку псевдо-настоящих волчьих клыков и маленький брелок-скелетон. Пропустив начальство вперёд, я по привычке щёлкнула по нижней челюсти скелетона и вошла следом, совершенно не представляя, чем может закончиться для меня, сей приватный разговор.

И уж точно, вот совершенно определённо, я не ожидала, что начнут его загадочной фразой с таинственным выражением на лице и демоническим хохотом (пусть и в моих мыслях) на краю сознания:

— Итак, Женечка... Как ты смотришь на должность моего заместителя?

— Как на проклятое самым чёрным чернокнижником место, где не задерживаются дольше года ни одни, даже самые железобетонные задницы, — честно ответила, принимая из рук Ивара Захариевича пузатую чашку с каким-то секретным травяным сбором.

Принюхалась, пытаюсь определить, что вошло в состав варева, но не уловив ничего хоть отдалённо знакомого, сделала осторожный глоток. Здравомысленно рассудив, что травить меня не выгодно, а в случае чего кора дуба была где-то в столе. Патологоанатом должен быть как бойскаут и пионер в одном флаконе, готов ко всему и всегда готов!

Чай оказался таким как я люблю: терпким, пряным, с лёгкой горчинкой, оттенённой сладостью цветочного мёда. И зажмурившись, как довольный кот, я позволила себе насладиться такой вкуснятиной сполна. Заведующий даже не трогал меня, первые минуты три, а потом всё-таки многозначительно кашлянул, возвращая меня из нирваны на суровую землю. Пришлось вздохнуть, с сожалением отставив кружку в сторону и настроенно поинтересоваться:

— А что? Неужто нашёлся новый камикадзе и впереди нас ждут потрясающие своим непотребством гонки на выживание?

Наверное, мне стоило настроиться и почуять подвох уже от одной доброжелательной и любящей улыбки Блюменкранца. Но я, как те самые пионеры, к которым не имела ну ни малейшего отношения, верила в светлое коммунистическое будущее и надеялась, что всё будет хорошо. Зря...

Ой, как зря-то! И счастливый до неприличия заведующий моргом только уверил меня в этом, когда сообщил:

— Женечка, мы тут посоветовались и я решил... В общем, твоя кандидатура рассмотрена и утверждена на должность моего заместителя.

На всякий случай принялась к остаткам чая ещё раз. Ткнула указательным пальцем в плавающие чайники, вытащила одну, поглазела на неё на свет лампы. И осторожно так, как с душевнобольным (благо практики в своё время хватило!), поинтересовалась:

— Ивар Захариевич... А как у вас здоровьице? Нервишки не шалят? Сердечко не сбоит? Желудок там, гастрит, язва, цирроз? Не мучает, нет?

— А шо? — безмерно удивился Блюменкранц, откинувшись на спинку своего кресла и постукивая ручкой по столу. — Я таки настолько плохо выгляжу? Менэ портит всю ауру этот чёртов галстук? Говорил же тётё Розе, не надо дарить такую гадость! Но Софочка была, увы, непреклонна... Видите ли у тётё Розы просто таки шикарный вкус.

— Плюньте тётё Розе в кофе, наличие у неё вкуса явно недоказанный наукой и Британскими учёными факт, — машинально съязвила в ответ. — Ивар Захариевич, скажите честно... Это месть за мои тиранские замашки? За воспитательные меры в адрес обнаглевшего лежбища морских котиков в прозекторской? Или просто неудачная шутка?

— Женечка, побойтесь бога! Какие шутки?! — Ивар Захариевич аж поперхнулся воздухом от возмущения и начал активно жестикулировать руками. — Да когда я таки шутил подобным образом в последний раз, то на утро проснулся женатым, с детьми и тётёй Розой в ванной. А мама Циля, моя любимая и обожаемая во всех смыслах тётца заняла стратегический пост наблюдения на кухне. На всей кухне, Женечка! Вы таки видели чехол для танка? А мне такие приходится на заказ в ателье шить дабы мама Циля и тётя Роза даже не думали возмущаться по поводу мне нечего одеть! Так что нет, никаких шуток!

— Я прям даже не знаю, порадоваться мне таким откровениям или же посочувствовать вам от всей своей чёрной и подлой душонки, — почесав затылок, я всё же понадеялась, что меня пронесёт как фанеру над Парижем.

Потому что я люблю свою работу, я приду сюда в субботу! Но должность зама это такой, извиняюсь, геморрой, который не компенсируется ни повышенным окладом, ни почти нормированным рабочим днём, ни другими возможными плюшками! Да и потом.

Я ведь не шутила, когда про проклятье ляпнула! Нет, там была доля шутки, но именно что доля, и та, мизерная! За два года моей интернатуры сменилось три кандидата как минимум, а ещё три срезало на этапе собеседования. И вот как-то не хочется мне пополнять ряды этой печальной статистики!

— Женечка, неужели вы боитесь какого-то нелепого проклятья? Я вас таки умоляю! Проблема нашего вышестоящего руководства в том, что полевую работу они видели разве что в учебниках, в далёкие студенческие годы и то, во время строительства БАМа, — Ивар Захариевич так экспрессивно всплеснул руками, что только чудом не снёс тяжёлую металлическую рамку с семейным портретом, с краю стола. Побледнел, схватился за сердце, убедился в целостности ценной реликвии и вновь глянул на меня. — Или вы таки испытываете что-то вроде... Страха?

А вот тут я искренне, просто нечеловечески, вот просто до глубины той самой чёрной душонки оскорбилась. На слабо меня, конечно же, брали не в первый раз. И всегда это было безуспешно, коли подобным непотребством изволили заниматься мои обожающие стебаться друзья и недалёковидные коллеги. Обычно после таких вот попыток они узнавали о себе много нового и шли, молча, изучать очередной пеший маршрут дальнего путешествия...

Но не в этом случае! Я могу стерпеть всё, кроме сомнений со стороны единственного адекватного и относительно вменяемого человека в нашем морге! И пофиг, что он начальник, еврей и одессит в одном лице! А самое страшное, что Захарыч-то об этом прекрасно осведомлён, вон как довольно лыбиться, ехидна утконосая!

Прям цугцванг какой-то, египетского фараона ему в сожители по гробу! И я бы, может отказалась... Но какая это тогда я-то буду? Если и я, то явно никакая!

— Ивар Захариевич, вы ж меня через неделю сам выпните, — задумчиво протянула, прищурившись и строя коварные планы. — Я ж заноза в энном месте, рот у меня не закрывается, а уважение отсутствует как факт биографии, вместе с совестью отдыхая на Карибах!

— На что спорим, Женечка? — тут же заинтересованно подался вперёд Ивар Захариевич, чуть ли не руки в предвкушении потирая. И глядя на его такое неприкрытое нетерпение пополам с предвкушением, я прямо-таки слышала грохот в собственной голове...

Это печально и категорично рушились все мои нереализованные планы и придуманные способы самоликвидации с вождеденной для многих должности. Что у этого еврея одесского колориту не отнять, так это удивительной способности всегда остаться в выгодном для себя положении. А выиграть спор с собственным подчинённым так и вовсе святое дело, на которое товарищ Блюменкранц положит всё и даже больше. Не в ущерб себе, конечно же...

И исключительно на пользу собственного благосостояния. Однако, в этот раз нашла коса на камень. Я щеголяла своим бараньим упрямством, Захарыч собственным еврейским колоритом. Ему нужен был надёжный зам, мне спокойная и, желательно, долгая жизнь, на прежней, хоть и малооплачиваемой должности!

Потому как пополнять коллекцию жмуриков в холодильнике собственной горячо любимой работы не хотелось от слова совсем. Там одиноко, темно, страшно и боязнь замкнутых пространств просто цвести и пахнуть начинает! Так что сдаваться я была не намерена! Ни за что!

Спор стоял — деревья гнулись. Битва была — эпохальной, сражения — героическими, выражения эпическими, а конструкции — трёхэтажными! И, слава богу, что не матерными, потому как подаренную кем-то несчастную энциклопедию обценной лексики Ивар Захариевич изучал со всем прилежанием, делая пометки в любимом ежедневнике!

Правда, ему бы это вряд ли помогло. У меня была точно такая же энциклопедия, подаренная доброй Эльзой, да ещё и в расширенном варианте с комментариями и дополнениями. Так что случись чего воистину потрясающее, я не то, что не повторюсь, я даже запнётся ни разу не сумею. Впрочем, эт я отвлеклась немного, пытаюсь переварить все аргументы шефа и таки придумать самый эффективный отмазьяк от них!

А тем временем то самое эпохальное противостояние зашло в тупик, исчерпав аргументы, запал и воду в графине, к которому подозрительно часто прикладывался заведующий и хоть какую-то аудиторию. Потому как заинтересовавшихся шумом и гамом санитаров снесло с порога угрозой лишения премии и иных жизненно важных органов и частей тела.

Товарищ Блюменкранц терпеть не мог, когда ему мешали сторговаться и заключить выгодную сделку. Посему в ход шли самые страшные угрозы из всех возможных.

— Ладно, — наконец, сдалась я, поднимая руки вверх и признавая своё поражение. После чего озвучила принимаемые условия, скрестив руки на груди и остро сожалея о том, что все действия, придуманные моей вредностью мстительностью подозрительно близко подобрались к не самым приятным статьям того самого УК РФ. — Три недели, Ивар Захариевич. И если по истечению этого срока моя кандидатура всё ещё будет желанна, а я никого всё-таки не убью,

пользуясь служебным положением... И не сживу со свету при посильной помощи соседей... Будет вам зам в моём скромном лице. Я даже бумажки обязуюсь вовремя сдавать, писать и не посылать жаждущих получить оные по скромным, но интересным маршрутам. Но если нет... — тут я сделала многозначительную паузу, довольно улыбнувшись во все свои тридцать два зуба. — Если нет, то я благополучно возвращаюсь в объятия родной прозекторской, и больше вы на меня такие приключения не спихиваете! Договорились?

— Женечка, ну я таки уверен, что всё будет просто замечательно, — товарищ Блюменкранц напоминал мне сейчас крокодила, только что заполучившего в свои силки жирную добычу. При этом Ивар Захарович так и не растерял благодушного настроения и источал просто таки отческое добродушие.

Ну и как ему это удаётся, кто бы мне сказал, а?

— А вашу уверенность на бутерброд с маслом не намажешь, — фыркнув, поднялась со стула и протянула шефу руку. — Ну так что, договорились, господин начальник или есть ещё порох в пороховницах для продолжение торгов?

Как на меня глянули... Сколько обиды и оскорбления в лучших чувствах и порывах в том взгляде было... Я даже устыдиться вздумала, ровно секунд на пять. А потом с невозмутимым выражением на лице пожала ладонь заведующему и скрылась из его кабинета с такой скоростью, что только пятки сверкали.

Пока добрейшей души человек, обладавший кольцом всевластия в пределах одного городского морга, не придумал ещё какие-нибудь условия, дополнительные обязанности или ещё что-то из секретного списка изуверских пыток административного масштаба. Знаю я его, дай волю и он не только план на ближайшую пятилетку придумать сумеет, но и каким-то интересным способом заставит тебя это выполнить!

Правда, побег был слегка испорчен, потому как в дверях я столкнулась нос к носу с Усольцевым Николаем Сергеевичем, патологоанатомом высшей категории...

А ещё высшей же пробы сволочизма, амбиций и такого хренового характера, что я по сравнению с ним, очень милая, добрая девочка, с покладистым и оптимистичным характером! Естественно, мы друг друга не любили, сохраняя вооружённый нейтралитет и холодный, вооружённый до зубов мир, прерываемый вспышками конфликтов. Что он хотел от Захарыча мне было не интересно, но выражение лица долговязого, белобрысого гадёныша, действующего на мои нервы на постоянной основе, мне откровенно не понравилось.

Уж больно... Неприятным оно было. И не сулило в будущем никаких оригинальных перспектив. Хороших, кстати, тоже. Но всё это я отметила краем сознания, возвращаясь в своё логово маньяков, морских котиков и не упокоенных канареек. Где меня ждали обнаглевшие санитары, офигевшие бригады труповозок и прочие. милые моему сердцу прелести суровых будней не менее сурового патологоанатома.

Говоря проще... В дурдоме обычный день!

Наверное, именно поэтому звеня ключами и отпирая опять начавший заедать замок, я была преисполнена тоскливых дум о своей тяжкой доли и жаждой банально, просто, по-человечески пожрать. И судорожно пыталась вспомнить, что именно есть в холодильнике из съестного, скидывая ботинки в коридоре и стаскивая пуховик, стараясь не сильно-то шуметь и даже (о чудо) не выесть чужой мозг неподходящими девушке выражениями.

Память на сотрудничество не шла. А когда послышались тихие шаги, отвлекая меня от запутавшихся завязок на тёплой кофте и я соизволила обратить внимание на то, что творится вокруг, способность думать и вовсе отказала напрочь. Потому что...

Потому...

Задумчиво почесала бровь, оставив в покое кофту и поставив челюсть на место. Цокнула языком, склонив голову набок. Вид был... Закачаешься, залюбуешься и пол слюной закапаешь. Одно понять не могу, а с чего такие недетские зрелища да посреди моей квартиры и без всякого стыда и совести?

— Яичница, — брякнул отошедший от удивления язык до того, как я его прикусить-то успела. — Глазунья. С Сосисками. По-моему они даже были почти съедобные...

На меня глянули со смесью недоверия и священного ужаса на прекрасном лице и тут же постарались прикрыть самое ценное, упакованное в дизайнерские труселя милой расцветки и тем самым логотипом Бетмена.

Я оценила, кстати. И вид спереди, и вид сзади и даже вид сбоку, пока это немое чудо, корейского колориту пыталось бочком нырнуть в комнату. Правда, так и не сообразила, с чего его мои пожелания из еды на завтрак так напугать-то умудрились?

Пожав плечами на такое странное поведение Жмурика, бросила сумку на пуфик и отправилась грабить холодильник. В конце концов, на эту красоту я, по ходу дела, ещё не раз полюбоваться успею. А вот урвать кусочек еды, пока сия красота смущается, стыдится, пугается (ну или что он там делает?) и не может составить мне конкуренцию, это дело первостепенной важности.

Зарывшись с головой в недра хранилища продуктов, я не обратила внимания на шум в коридоре. И только вежливое постукивание по дверце, привлекло моё внимание. Усиленно так привлекло. От неожиданности я ударилась затылком о полку, чуть не сделала такую желанную яичницу по-быстрому, банально уровни яйца на пол и возмущённо уставилась на нарушителя спокойствия.

Жмур нашёл штаны, это плюс. Жмур продолжал щеголять полуголым торсом и я с некоторым опозданием поняла, что мне нравится на него смотреть, а это не есть хорошо, на самом-то деле. А ещё этот взгляд, обиженный и оскорблённый в лучших чувствах...

Где-то в душе шевельнулась совесть, с какой-то радости решившая вернуться из отпуска пораньше. И чего ей на Карибах-то не сиделось?

— Эй, чувак! Я ж не отрицаю что ты очень даже впечатляющий, а некоторыми местами и выдающийся... — тут я невольно скользнула взглядом ниже, но тут же вернула всё внимание заинтересованно вскинувшему брови зомбику. — Но если бы ты знал, что порою привозят в морг... То не был бы таким самоуверенным, — и пока парень осмысливал такое заявление, захлопнула ногой холодильник, невинно поинтересовавшись у Жмура. — Чаю?

Короткий кивок головы и такая загадочная полуулыбка, что я недоверчиво хмыкнула, переключаясь на готовку. Что-то везёт мне сегодня на такую вот многообещающую морду лица. И если в случае с Усольцевым паранойя назойливо советовала приобрести битку, то поглядывая на Жмурика я испытывала... Предвкушение, искренне и мягко улыбаясь ему в ответ. И думая очень крамольную мысль.

Мысль о том, что, не смотря на без малого четыре дня знакомства и упрямого молчания с его стороны (пусть и по объективным причинам), мне в его обществе спокойно и уютно. А самое главное, к концу рабочего дня я не думала о том, куда податься окромя пустой квартиры. Наоборот, спешила, попутно судорожно соображая, что ж приготовить такому прожорливому сожителю и из чего?

Поймав себя на таких, отдающих ванильным духом думах, я только чудом не спалила многострадальную яичницу. И с какой-то тоской подумала о том, что надо либо срочно налаживать личную жизнь или всё-таки обратиться к психологу. Принимая во внимание мою дикую нелюбовь к мозгоправом так и вовсе, вариант-то всего один...

И тот ассоциируется с тараканом. Ну что за жизнь?

Почесав нос, кивнула сама себе и сгоняла в коридор, чудом не оттоптав зазевавшемуся гостю его же ноги. Добыв телефон, вернулась и принялась завтракать, попутно набирая сообщение одному конкретному абоненту. И не обращая никакого внимания на то, что нехитрую еду доготовил Жмур и он же поставил передо мною чашку чая.

Кажется, это парня обидело даже больше, чем пой пёрл в коридоре. Вот только о том, чем мне это аукнется, я не думала, увлечённо переписываясь с пресловутым Васей. А то романы крутить с пациентом, пусть и невольным, мне откуда-то взявшаяся этика мешает.

Глава 6

— Дура.

Слова подкрепил хруст костей, для меня прозвучавший просто оглушительно. Яркая вспышка боли выбила воздух из лёгких, но закусив нижнюю губу я молча терпела экзекуцию, не открывая глаз и уж тем более не комментируя нелестные эпитеты в свой собственный адрес.

В общем-то, заслуженные, кстати.

— Идиотка!

Меня бесцеремонно подняли на ноги, заставили вытянуть руки вверх, задрали заляпанную кровью футболку и принялись сноровисто и опытно проверять рёбра на прочность. Пальцы были жёсткие, сильные. Действовали уверенно и со знанием дела, пересчитав многострадальные кости, прошлись по ним на груди и на спине. И убедившись в том, что на первый взгляд ничего серьёзного нет, милостиво одёрнули футболку.

— Трупоманка хренова! — обречённо выдохнул Шут, усадив меня обратно на стул и ухватив пальцами за подбородок. Заставил поднять голову вверх и принялся аккуратно стирать кровь с лица, стараясь не потревожить нос и не причинить ещё больше боли.

Проблематично, учитывая, что моё тело на данный момент — это один большой синяк. Но я продолжала молчать, терпеливо снося и упрёки, и оскорбления и ворчание, и такую вот заботу о себе любимой.

— Сколько пальцев видишь? — хмуро поинтересовался парень, помахав перед моим лицом двумя оттопыренными пальцами.

Голова закружилась, тошнота поднялась к горлу. Сглотнув вязкую горечь, я с трудом разлепила спёкшиеся, разбитые губы, хрипло выдохнув:

— Восемь, млять. Шут, если не хочешь что бы я тебе исполнила сольную партию рыголетто, прекрати размахивать руками перед моим лицом, ладно?

— Тьфу на тебя, — ругнулся парень, влажным полотенцем обтирая моё лицо и, не спрашивая, аккуратно поднял на руки, утаскивая в своё логово...

В смысле в зал, где устроил со всеми удобствами на диване, положив самодельный компресс на лоб и усевшись рядом на пол, ероша пальцами волосы. Я тихо вздохнула, прикрыв глаза и пытаюсь не думать. Вообще. Ни о чём. Это было просто физически больно.

Правда блаженной тишиной я наслаждалась недолго. Минут пять от силы. Ровно столько потребовалось Шуту, что бы прийти в себя и начать говорить.

— Харон, мать твою моргову, — Лёшка вновь зарылся пальцами в свои волосы, явно пытаюсь сдержаться и не начать орать на всю Ивановскую. — Объясни мне, идиоту, какого хера ты, вместо того что бы вызвать скорую позвонила мне, а? Это что, героическая попытка сдохнуть рядом с рабочим местом на зло всем и вся? Или ещё какая-то невьё... Невероятная в своей гениальной глупости идея?!

Голос он не повышал. Только сильно это не спасало, его тирада всё равно отозвалась гулким звоном в моей многострадальной голове. А любая попытка подумать приводила к резким вспышкам боли, до чёрных пятен в глазах и усиливающейся в геометрической процессии тошноте. Но даже с этим можно было бы мириться...

Если бы у меня имелся хоть какой-то ответ на поставленный вопрос. Нет, я примерно представляла, откуда растут ноги у этого подарка Судьбы. Сложно было не догадаться, когда мне буквально потыкали в причину носом и всеми остальными частями тела, поддавая битой для лучшего соображения. Вот только как бы глупо это не звучало, мои проблемы — это только мои проблемы.

Друзьям и без меня забот хватает выше крыши.

— Харон, — тихо, с нотками угрозы рыкнул Шут, так и не получив никаких объяснений.

Пришлось шумно вздохнуть и проявить хоть какие-то признаки умственной деятельности, с трудов выдавив из себя:

— Как пройти в библиотеку спросили, — хрипло хохотнула, сглатывая очередную порцию вязкой горечи на языке. — А я заметила, что для развития интеллекта время давно и безвозвратно упущено. И пациента проще убить, чем реанимировать и прокачать до нового уровня.

Шут на это только фыркнул, прислонившись спиной к дивану и откинув голову назад. Помолчал минуты две, давая мне робкую надежду на благодатную тишину и оздоровительный отдых. Но жестоко обломал, состроив недоверчивую рожу и выдав с изрядной долей сомнения:

— Врёшь, как дышишь, трупоманка. Была бы обычная гопота, они б от тебя удрали, сверкая пятками. Благо опыт общения с такими личностями у тебя побольше моего будет. Так что колись Харон, где ты умудрилась кому-то дорогу перейти. Да так, что били тебя аккуратно, сильно и эффективно!

— Я белая, пушистая и невинная, аки младенец, — тихо выдохнула, закрыв всё-таки глаза и пытаюсь отвлечься от того, как стремительно кружится потолок над головой.

Вот ещё бы Шута убедить в том, что всё в порядке и не стоит его внимания, и была бы вообще красота. Только это чудо в пёрях обладало своим собственным мнением на то, как друзья должны заботиться друг о друге. И он мне нервы на кулак наматает, но попытается докопаться до правды. Я его временами просто терпеть не могу за эту дурацкую опеку, а временами просто обожаю, да...

— Жень, ёжик ты колючий... — устало протянул Шут, судя по звукам развернувшись ко мне лицом и проведя пальцами по моей щеке. Я невольно поморщилась от ноющей боли, раздражающий не только голову, но и всё тело. — Я же помочь хочу. Скажи, кто и раскатаем этих нехороших личностей по ближайшей вертикальной поверхности! Пусть судмедэксперты потом развлекаются, блинчики скатывают в рулончики и считалкой определяют ху из ху из этой биомассы!

— Шут, не ешь мой мозг... Его и без тебя выклевали сегодня... — вздохнув, машинально попыталась потереть переносицу и тут же тихо, но вдохновенно выматерилась. — Млять твою через коромысло-то... Что ж им мой шнобель покою никогда не даёт... И кто тебя учил кости вправлять, антихрист?!

— Тот же, кто помогал сдавать теорию по первой медицинской, — не остался в долгу Шут, тем не менее, поглядывая на меня обеспокоенным взглядом. А спустя пару мгновений, пока я пыталась не скулить от боли, не ныть, но вдохновенно просвещать общественность на тему собственного словарного запаса, парень не выдержал и вышел из комнаты.

Что бы вернуться со стаканом воды, таблеткой обезболивающего и телефоном. Последнее меня напрягло даже больше, чем сосредоточенное выражение лица Лёши. Потому что я своей едва не отбитой печени чувствовала, что сейчас начнётся вторая стадия заботы и беспокойства в исполнении друга. Называется она «Позвони ближнему своему и заложил про штрафованного патологоанатома».

— Нет, — я даже привстала на локтях, что бы тут же рухнуть обратно, переживая приступ головокружения. — Никаких «Звонок другу» и «Помощь зала», Лёш. Я не хочу никого беспокоить и не собираюсь поднимать шумиху из-за такого пустяка.

— Я даже боюсь спрашивать, что для тебя не пустяк, если перелом носа, сотрясение и грамотное, профессиональное избиение ты не воспринимаешь всерьёз и не считаешь поводом для волнения, — хмуро откликнулся парень, усаживаясь рядом со мной и помогая выпить таблетку. Покрутив телефон в руке, он бросил на меня ещё один недовольный взгляд и всё же начал листать список контактов. — Я позвоню Эльзе. И похрен мне на то, что все узнают про наши трепетные отношения, главное что она единственная, кто способен сейчас вправить тебе мозг!

— Во-первых, — переждав очередной приступ тошноты, я снова выдохнула и решила пожертвовать некоторыми секретами во имя собственного спокойствия. — Во-первых, даже Эльза не сможет меня переубедить, если я сама этого не захочу... А во-вторых, ей нельзя волноваться. Вид избитой подруги со сломанным носом вряд ли можно отнести к категории нормального... Не смотря на то, что эта подруга я.

— Да с ней вроде всё отлично, с чего бы ей волноваться-то нельзя было? — Шут озадаченно хмыкнул, почесав затылок и продолжив пролистывать список контактов. Видимо раздумывая,

то ли позвонить Фроз напрямую, то ли написать ей сообщения.

Я только ехидно фыркнула и то, про себя. Мужики иногда такие... Мужики. Пока не скажешь прямым текстом, ни фига ж не дойдёт. И если бы не моё откровенно хреновое состояние, я бы вдоволь позлорадствовала на эту тему. Но увы и ах, избитый организм на яд был не способен. Посему...

Прижав компресс ко лбу посильнее, я мысленно попросила прощения у Эльзы, пожелала терпения Верещагину и пробормотала:

— Лёш, не тормози. По какой причине женщине нельзя нервничать, исключая клинические диагнозы, врождённые заболевания и благоприобретённую невралгию?

Мне было плохо. Мне было очень плохо. Я так отвратительно себя не чувствовала даже после получения диплома и вечеринки в честь этого великого события, когда из обезьянника меня забирал растрёпанный и вусмерть злой Венька.

С которым мы благополучно поцапались, помирились и встретили утро вдвоём, в компании жесточайшего похмелья. И Эльзы. Эльзы, которая ничего не говорила, но её выразительный взгляд пробуждал закопанную на дальнем кладбище собственной души совесть.

Правда, это уже в прошлом. А сегодня у меня болит всё, что можно и что нельзя, но это не уменьшает того удовольствия, с которым я наблюдала за сменой эмоций на лице парня. Недоумение, озадаченность, задумчивость и... Когда верная мысль всё же соизволила прийти ему на ум, Лёшка выпучил глаза от удивления, открывая и закрывая рот. И я бы вдоволь посмеялась над этим...

Но смогла только рвано выдохнуть, пытаюсь не делать резких движений:

— Тормоз, блин... Не, Шут, я в курсе что люди состоят на восемьдесят процентов из жидкости... Но в твоём случае не просто тормозной, но ещё и конкретно не долитой!

Шут моё высказывание проигнорировал. Зато, когда справился с шоком, ошарашено протянул:

— О-че-шу-е-еть. А я-то думаю, чего Верещагин такой довольный шастает... Одно пока не понял, поздравить его или посочувствовать нам. Он же ж нам всё, что можно вынесет!

— Эт при условии, что он вообще что-то узнает в ближайшее время, — пробормотала себе под нос, вспоминая твёрдое намерение Эльзы держать оборону до последнего.

Не то, что бы она боялась или Олежек мог дать стрекача, получив культурный шок от открывающихся перспектив, нет. Просто моя отмороженная подруга прекрасно понимала, насколько невыносимым в своей маниакальной заботе станет один конкретный байкер. А так же категорично не желала слышать уже в сотый (если не больше) раз предложение руки, сердца и прочих органов.

Честно, на семейном тотализаторе уже заоблачные ставки пошли и сдаётся мне, кто-то ледяной об этом ну очень прекрасно осведомлён!

— В смысле?! — Лёшка уставился на меня так, словно оживший труп увидел. Не, не спорю, видок у меня — фильмы ужасов нервно курят в сторонке. Сутки на работе, избиение и организм, решивший, что хозяйка вконец обозрела и пора дать ей повалиться на койке дольше обычного, могут украсить кого угодно, но только не меня.

Но до трупы мне всё-таки ещё далековато... Ну я так думаю, по крайней мере.

— Точно тормозная, — хмуро глянув на парня, подавила желание покрутить пальцем у виска. Обезболивающее наконец-то подействовало и теперь меня нещадно клонило в сон. — И явно хренового качества, раз до тебя так пока и не дошло. Объясняю на пальцах. Да, твоя догадка верна. Нет, Верещагин ничего не знает, и его довольный хариус связан скорее с некоторыми обновками у одного из директоров клуба, чем с предстоящим событием. И нет, никто из ваших исключая тебя не знает, так что в твоих же интересах помалкивать... А, и не спрашивать что подарили Харлею. Если жить хочется, конечно же...

— Я щас понял, что ни хрена не понял, — рассеянно провёл рукой по волосам Шут, задумчиво вертя телефон в пальцах. Хмыкнул каким-то своим мыслям и упрямо поджал губы. — Но не уводи меня от темы, трупоманка. И так, тебя избил. Эльзе звонить нельзя, ей волноваться вредно. Верещагину тоже, иначе Эльза об этом обязательно узнает, а ей волноваться вредно. Остаётся кто-то из банды...

— Шут, — вот уж не знаю, что в моём тоне было такого, но Лёшка вздрогнул, нахмурился и внимательно на меня посмотрел, подобравшись. И болтать перестал, что меня сейчас просто несказанно обрадовало. — Ты. Никому. Не будешь. Звонить. Я не друг, не родственник, не знакомый и даже не сотрудник клуба. Ни одного из них. Мои проблемы, это мои проблемы. И я с ними сама разберусь.

Алексей сжал пальцы в кулаки, отвернувшись и опустив голову. Помолчал немного и очень спокойным тоном осведомился:

— Ты... Ты совсем идиотка что ли, Харон?! Я не пойму, у тебя внеочередной приступ мазохизма нарисовался или заразилась слабоумием от санитаров? Какого икса, игрека и весь грёбаный латинский алфавит ты из себя тут супергерой лежишь, строишь? С лишь чудом не проломленным черепом, сломанным носом и прочими прелестями?! Ты, млять, где мозги свои оставила на хранение или тебе их выбили, а?!

К концу тирады его шипению могли завидовать все королевские кобры мира. А я лежала молча. Лежала, слушала, испытывала чувство вины перед другом, искренне за меня переживающего, и не представляла, на самом-то деле, что мне на это ответить.

Что я ему скажу? Что кому-то в морге приспичило грести бабло с чёрного рынка? Что кто-то облизывался на хлебное место зама, а тут нарисовалась я, вся в белом и на коне? Что выскребшись после смены я имела занятную беседу с лицами тупой криминальной наружности, явно так и не переросшими лихие девяностые? Что меня пока что вежливо и пока что крайне цивилизованно попросили потеряться, пока меня не потеряли принудительно в ближайшей лесополосе?

Последнюю просьбу и вовсе подкрепили парочкой ударов по почкам. Для лучшего, так сказать, усвоения материала и повышения общей, гражданской сознательности.

Криво усмехнулась, сдвигая компресс со лба на переносицу и пряча катившиеся из глаз слёзы. Знаю, что дура. Знаю, что надо попросить помощи и наплевать на собственную, долбанную гордость. Да блин! Я всё это знаю даже лучше, чем мне сейчас Шут объяснить пытается, пусть и таким... Ентиресным способом.

Одна беда, засунуть-то свою гордость я могу, а поставить близких или просто знакомых под удар — нет. Тем более, как бы Шут не ярился, я всё-таки права. Байкерам я никто, некоторым

— заноза в заднице, но это единичный случай и шапочное знакомство. Да, для Эльзы и её братьев я член семьи, они для меня сделают всё и даже больше. Но втягивать в эти разборки беременного Эльзёныша, вместе с Венькой и Димычем...

Я сволочь, но не настолько же.

Беззвучно хмыкнула, тихо, устало вздохнув. А ещё я сволочь скрытная. И озвучивать мотивы своего поведения не собираюсь, будь Лёшка хоть трижды самым близким другом после Фроз, умудрившись занять это место за два года.

Вот ещё бы понять, как выбраться из этой петли Нестерова и не загреметь на стол в прозекторской, и можно будет сказать — жизнь удалась. А пока придётся довольствоваться принципом «Я подумаю об этом завтра», пропагандируемым одной киношной героиней.

— Лёш, хватит... — вздохнула, сместив компресс так, что бы посмотреть прямо на друга, сидевшего нахохлившись и дувшегося как мышь на крупу. Ей богу, такое чувство, что я у дитя конфетку отобрала, не дав почувствовать себя великим и всё могущим спасителем невинных дев.

Правда, в каком месте я тяну на эту самую деву, эт прямо-таки вопрос на миллион, не меньше.

— Тьфу на тебя, — помолчав немного, выдал Шут, обречённо вздохнув. — Ладно, конкретно сейчас я ничего делать не буду. Но если я узнаю... А я узнаю, Харон! Если я узнаю, что с тобой что-то снова случилось, то пошлю твоё упрямство в компании с гордостью на воспитательную беседу к Харлею. Уж он-то тебе скажет, куда зачем засунуть то и другое. И может быть, даже одновременно!

— Напугал кота сосиской... — пробормотала себе под нос, вновь надвинув компресс на глаза. Толку от него никакого не было, всё равно уже нагрелся и почти высох. Зато прекрасно маскировал усталый взгляд и жуткое желание понять на чьём-нибудь сильном, мужском плече. Особенно, если этот гипотетический владелец плеча будет молчать и не упрекнёт меня в излишней болтливости. Ну совсем как милый зомбик в моей квартире.

Замерла, зажмурившись и неосознанно надавив пальцами на переносицу. Взвыть не взвыла, но зашипела так, что кобры не то, что удавились, они дружно и скорбно повесились на ближайшей лиане от всё той же зависти. А я, про себя, выждала затейливую и завуалированную фразу, обозначающую в своё время уровень интеллектуального развития одного претендента на моё внимание и личное пространство. Светило медицины от стоматологии, и фиг с ним, что будущее, крайне целеустремлённо добивалось от меня ответа...

И не моя вина, что он ему не понравился. Зато как точно сия формулировка описывала уровень моего соображения в данный, конкретный момент! Как там говорил Шут, вручив мне тамагочи? Должен же у меня быть хоть кто-то живой, благо его можно реанимировать кнопкой перезагрузки? Чудесно! А у Жмурика такая кнопка есть или меня таки ожидает планомерное превращение родной квартиры в филиал собственного рабочего места?!

— Лё-ё-ш, — слабо застонала, пытаюсь сесть. Организм на такое варварство ответил болью, головокружением и отсутствием тошноты. Последнее радовало просто до безобразия.

Впрочем, после безобразия тоже радовало. Но не сегодня, явно не сегодня.

— Куда рванула, белка больная радикулитом? — скептически поглядывая на мои попытки двигаться, полюбопытствовал Шут, не двинувшись с места и скрестив руки на груди. — У тебя

по расписанию постельный режим и отсутствие резких телодвижений, а ты уже собралась радовать своей перекошенной физиономией вашу цирковую труппу!

— Шут, ты от природы такой ядовитый или сказывается моё тлетворное влияние на разложение твоей невинной личности? — язык только чудом не завязался в морской узел от данной фразы, пока я упрямо соскребала себя с дивана. И даже, не иначе как чудом, умудрилась принять вертикальное положение самостоятельно.

— А есть разница? — хмыкнув, он всё-таки подхватил меня под руку и недовольно поинтересовался. — Ну и куда транспортировать твоё тело прикажешь? В морг?

— Туда рано. Я там сутки отпахала, причём внеочередные, имею святое право взять выходной, — от предложения вновь очутиться на работе меня явственное передёрнуло. Нет, я бы с радостью пообщалась с трупами, погоняла санитаров и бумажки бы милостиво заполнила, чёрт с ними, гулять так гулять!

Однако, прежде, чем совать голову в пасть крокодилу, следует хотя бы минимальной линией защиты озаботиться. О гильотине для этого крокодила остаётся пока что только мечтать.

— Домой? — обречённо предположил Лёшка, помогая мне добраться до шкафа с одеждой. Приличный вид закончился при выходе с работы, а уляпаная кровью футболка доведёт соседок до преждевременного приступа усиленного любопытства.

— Угу, — головой кивать не стала, справедливо рассудив, что это явно будет лишним. И дождавшись пока хозяин квартиры сходит за моими вещами, стырила из его гардероба широкую чёрную футболку, с символикой какой-то группы и такую же толстовку. Сам хозяин вещей, обнаружив меня в собственной одежке только глаза к потолку возвёл и, сунув мне телефон и целлофановый пакет с документами, потащил на руках в сторону выхода.

Вялые попытки сопротивления и ворчание Шут стойко проигнорировал. Доставив меня таким макаром сначала до своей тачки, а потом и до дверей моей квартиры. На вопрос, кто ему будет лечить межпозвоночную грыжу в случае чего, пациент саркастично заметил, что мне до такого веса во век не ожожаться. И ни капли не удивился, когда его с такими замечаниями послали в далёкую Антарктиду, медведей и пингвинов пугать.

Ну не совсем так, конечно же. Но зловерный ржач Лёшки слышал, наверное, весь подъезд, пока я усиленно пыталась игнорировать хреновое самочувствие и вспомнить, куда ещё не отправляла этого чёрта. Проблематично, учитывая два года активного знакомства, за время которого тот разве что телят гонять не ходил и то...

Чисто случайно!

Вздохнула, прислонившись лбом к прохладной поверхности двери. Стоило шагам утихнуть где-то внизу, как вся бравада и вся храбрость резко выветрились, оставив после себя усталость, боль и безнадёгу. Это перед Лёшкой притворяться легко, яриться, шутить, язвить и привычно грызаться. А вот один на один, невольно начинаешь думать о всяком.

В том числе и о том, что случись что на могилке будет всего один веноч. От тараканов в моей голове, да и то сомнительно что-то.

Недовольно поморщившись, зашуршала пакетом, выуживая оттуда связку ключей. Щёлкнула замком, в который раз подивившись тому, что с какого-то хрена тот начало заедать, и медленно вползла в родную прихожую, опустив голову и вяло махнув рукой в знак приветствия

материализовавшемся на пороге Жмуру. Хмыкнув, пробормотала себе под нос, проходя мимо него прямо в ванну:

— Дорогой, я дома! Ах, я забыла... Я не замужем...

И только закрывшись на хлипкую щеколду, сползла по стене вниз, обхватив руками колени и не пытаясь даже сдержать хлынувшие слёзы. Отходняк накрывал с головой, выворачивая наизнанку.

Ну здравствуй истерика, давно мать твою не виделись!

Сидя на полу рядом с дверью в ванну, он чутко прислушивался к раздающимся изнутри всхлипам. И честно говоря, не представлял, как ему теперь быть. Одно дело привести в чувства после тяжёлой смены. Там хоть понятно в чём причина, чего ждать и как себя вести. И совсем другое банальная женская истерика, которая была страшна ещё и тем, что Женька мало походила на типичного представителя слабого пола.

А значит, что бы привести её в такое состояние, должно было произойти что-то действительно серьёзное. Вопрос только, что?

Вздохнув, Жмур потёр переносицу, прислонившись затылком к выцветшим обоям. И с некоторым недовольством, нехотя признал, что только сейчас, когда девушка оказалась в квартире, тянущее чувство в душе исчезло. Оказывается, он за это недоразумение волновался. Оказывается, бывший труп всё это время напряжённо ждал, прислушиваясь к каждому шороху. Ждал, когда звякнут ключи за дверью, когда щёлкнет замок и ехидный, колючий патологоанатом разбавит его молчание своей бесконечной болтовнёй.

Дождался, блин! И ведь были мысли о том, что просто так Женька не будет пропадать, да ещё и на работе. Двойная смена даже для фанатика своего дела в таком месте как морг — это уже перебор. Успокаивало только то, что его внезапная соседка могла отправиться куда-то по делам или же на свидание с этим самым Васей.

У Жмура случайный знакомый тоже почему-то ассоциировался с тараканом. И опять-таки непонятно почему вызывал лёгкое недовольство с оттенком ехидного превосходства. С чего бы, а самое главное по какой такой причине предполагаемый потенциальный парень Харон так действовал на нервы одним фактом своего существования, зомби предпочитал не задумываться. А ещё он по-прежнему не видел никакого сексуального подтекста в собственной заинтересованности одной конкретной девушкой. Ну не видел и всё тут!

Хотя, может, просто и не хотел видеть, да. Для собственного же спокойствия!

Прикрыв глаза, он согнул ногу в колене, постукивая пальцами по полу. Ожидание затягивалось, и впору было начинать прикидывать, как половчее избавиться дверь в ванную от хлипкой щеколды и разобраться, наконец-то, что всё-таки произошло. Но спустя ещё минуты две раздался шум воды, а после дверь открылась с тихим скрипом. Сгорбленная, тонкая фигура, в не по размеру великоватой толстовке, с надвинутым на нос капюшоном прошлёпала босыми (в который раз!) ногами в сторону комнаты. Где и уселась на один из пуфиков-муфиков, не поднимая головы и обхватив себя руками за плечи.

Молча. Не обращая ни на что внимания. И не поднимая взгляд. Есть повод для беспокойства,

не так ли? Учитывая, что кто-кто, а Харон никогда лица не прятала.

Нахмурившись, Жмурик медленно поднялся с пола и осторожно приблизился, раздумывая над тем, как обозначить своё присутствие. Но плюнув на предосторожности, неловкость и прочие глупые мысли, просто коснулся склонённой макушки, стягивая мешающий капюшон кофты. И присел на корточки перед ней, заглядывая в глаза.

Пальцы сжались в кулак до отчётливо слышимого хруста. А не заорать и не выругаться матом удалось лишь каким-то чудом и то, благодаря скорее уж неожиданности, чем собственной силе воле и выдержке. Но желание разбить чью-нибудь морду стало просто непреодолимым...

Жмур не сделал ни того ни другого. Не ругался матом, раскрывая к чёрту всю интригу, не бросился искать спарринг-партнёра и не стал впустую сбивать костяшки пальцев об стену. Хотелось, очень хотелось. Так, что аж внутри всё переворачивалось.

Вот только потерянный, испуганный и по-детски наивный взгляд карих глаз оказался сильнее. И вместо всего этого, парень тихо вздохнул, усевшись на ковёр и осторожно перетащив девушку к себе на колени. Та даже не сопротивлялась, уже как-то привычно обречённо хмыкнув и устраиваясь в чужих объятиях.

— Красавица? — хрипло поинтересовалась Женька, уже не пытаюсь спрятать лицо. Жмурик только криво усмехнулся, кончиками пальцев прослеживая явно сломанный и выправленный нос, наливающиеся синяки и кровоподтёки на лице. — Красавица, ещё какая. В пору в Мисс Вселенная поддаваться. В номинацию «Вселенское невезение».

Он укоризненно шикнул, ласково погладив по влажной щеке и неожиданно для себя, мягко коснулся губами лба, разглаживая хмурую складку. Руки девушки, привычно лёгшие ему на плечи, слегка сжались, но Женька не оттолкнула и не пыталась выказать своего недовольства. Она просто закрыла глаза и обмякла, разом растеряв весь своей боевой настрой и язвительную ехидность, своё самое лучшее оружие защиты.

Оказывается, трудно сопротивляться, когда тебе ни говорят ни слова в ответ... Но держат крепко и надёжно, как будто спрятав от всех невзгод этого мира.

Тихо вздохнув, Женька обняла его за талию и положила подбородок на плечо, пытаясь не задевать лишний раз собственные повреждения. Прижалась теснее, позволяя обнимать и баюкать себя. И заговорила. Сбивчиво. Горько. С нотками невесёлой радости.

И какой-то затаённо надеждой. Как в детстве, когда рассказываешь родителям о своих бедах и злоключениях и свято веришь в то, что после этого всё наладиться. Жаль, что во взрослой жизни это не работает...

— Знаешь, Жмурик... Мне всегда казалось, что морг это то место, где деньги не имеют значения. Он уравнивает всех, и богатых и бедных. Я думала, что люди идут туда работать, прекрасно сознавая и то, сколько им будут платить и то, что их ждёт. И не только ценят чужую жизнь, но и уважают чужую смерть... Да, я действительно так думала. Как бы наивно это не звучало.

Помолчав немного, Женька стиснула его сильнее в объятиях, рвано вздохнув и явно проглатывая ком в горле, прежде, чем продолжить:

— Как оказалось, мне показалось, Жмур. В морг редко кто приходит просто так. Есть фанатики от работы, есть просто те, кому там уютно, есть психи, есть тихие безумцы... Да зоопарк у нас

знатный, конечно. У соседей он не лучше, там вообще по мнению психиатра клейма ставить негде... Но там все идейные, это да. А вот у нас, как выяснилось есть не только идейные, случайно забредшие и просто любящие свою работу... Есть ещё и денежно-вдохновлённые. Амбициозные, млять!

Удерживая её ровно, Жмур медленно поднялся, стараясь делать это без лишних рывков и ненужных движений. И продолжая вслушиваться в тихий, подрагивающий голос, добрался до так и не запроленного с утра дивана. Что бы так же аккуратно устроить на нём отчаянно цепляющуюся за него девушку, почти беззвучно нашёптывая ей успокаивающие слова на корейском. Очень хотелось говорить на русском, но пришлось довольствоваться тем что есть.

И радоваться, что Харон была очень восприимчива к интонациям в чужом голосе, неосознанно расслаблялась, продолжая говорить:

— Самое смешное, Жмур, что я сама эту чёртову должность проклятой назвала. Никто там долго не задерживался. То ли нервы шалили, то ли просто не те люди попадались... Но менялись они с завидной регулярностью. И только, когда Захарыч «осчастливил» повышением меня, выплыло это. Оказывается, есть в наших пред загробных пенатах крайне падкая на бабло, казино, проституток и хорошую жизнь личность. Ну как личность... — Женька вяло подняла руки, позволив стянуть с себя толстовку и оставшись в одной просторной футболке, съехавшей с одного плеча и прекрасно демонстрирующей в широкий ворот новую коллекцию синяков. Жмур стиснул зубы сильнее, помогая девушке улечься на диван, специально отодвинув её к стене. — Я бы сказала псевдо личность, близкая по духу и происхождению к одноклеточным. Только такая вот «инфузория туфелька» умудрилась встретиться с прагматичным бизнесменом криминальной наружности. Сладкая парочка «Твикс», блин...

Вздохнув, она потянулась к носу, явно намереваясь привычным жестом сжать переносицу. Перехватив её пальцы, несильно сжал и покачал головой в ответ на недоумённый взгляд затуманенных от усталости и боли карих глаз. С минуту Харон вглядывалась в его лицо, потом перевела взгляд на пальцы, зажатые в ладони мужчины, и медленно кивнула головой, закрывая глаза:

— Точно. Всё время забываю...

Глянув на неё ещё раз, Жмур выпустил её руку и сходил на кухню. Найти таблетки обезболивающего труда особого не составило. И вернувшись в комнату, он сполдил две штуки сонно моргающей Женьке, прежде чем завернуть её в плед и устроиться рядом, осторожно обнимая за талию.

Почему-то казалось очень важным не разрывать этого тактильного контакта. Прикасаюсь, обнимать, оберегать, заботится... Просто дать понять одинокой, по сути, девушке, что можно побыть слабой и беззащитной.

Что просто можно побыть собой, без всего наносного.

— Меня тут душой обозвали, мягко и ласково сообщив об отсутствии у меня инстинкта самосохранения и любви к жизни, — совсем уж неслышно промямлила Женька, уткнувшись лбом ему в грудь. — Защитить порывались... И я бы рада, что б меня кто-то защитил. Только... Знаешь, Жмур, детство у меня ж не сладкое было. Юность, отрочество и что там дальше — тоже сказкой не назовёшь. И всё, что у меня ценное — так это близкие. Эльза с её братьями-неразлучниками, да Шут, прицепившийся сама не знаю как. И я не хочу их терять, совсем. Себя мне не жалко, в конце концов, что с меня взять-то? Окромя анализов и те плохие? А вот

их терять не могу... И не хочу... И не буду... — глубоко вздохнув, девушка обняла его за талию, пробормотав. — Разберусь как-нибудь...

Харон замолчала, наконец-то расслабившись и заснув. А Жмур легко гладил её по спине, хмурясь и слишком уж внимательно разглядывая висящий на стене ковёр. Желание проверить на прочность стену под ним было просто непреодолимым.

Жаль, осуществить его пока невозможно. Да и если быть совсем уж откровенным, его состояние сейчас — это наименее важная вещь в мире. Куда важнее теперь понять, что делать и как быть. Особенно с этой самой, сладкой парочкой «Твикс»...

Глава 7

Утро красит добрым цветом...

Глядя на себя в зеркало в ванной, я к этому утверждению относилась куда скептически, чем обычно. Синяк на пол лица, с великолепным фиолетовым отливом. Опухший нос, ещё один лиловый отлив по краю волос, разбитые губы...

Ниже смотреть было как-то даже страшно. Потому что чем дальше в лес, тем больше я себе напоминаю тот самый неопознанный кирпич из советского мультфильма про Алису Селезнёву.

Как там? А давайте я его стукну! И он станет фиолетовым в крапинку! Вот так я сейчас примерно и выгляжу. Прямо мечта мазохиста и фетиш садиста в одном субтильном теле. Которое болит везде, где можно и везде, где нельзя. А ещё хочет жрать.

Вот последнее, кстати, самое актуальное на данный момент. Хотя бы потому, что поесть необходимо, не смотря на все бурные и не очень протесты многострадального желудка, выворачивающегося на изнанку только от одной лишь мысли о еде. И плевать он хотел, что рвать меня банально уже нечем.

Тихий стук в ванну отвлек от созерцания чудесной картины и, коротко вздохнув, я хрипло откликнулась, включая холодную воду:

— Не бойсь, Жмураэлло, хоронить меня пока рановато. Так что отменяем прибытие похоронного агента, отправляем труповозку по известному адресу и тихо мирно ждём на кухне, когда ж туда выползет бледная тень отца Гамлета... В смысле, когда туда я выползу. С тебя чай.

И на такой вот оптимистичной ноте, я всё же засунула голову под воду, закрыв глаза и стараясь не думать. Ни о чём. Вообще. Не вспоминать, почему напоминаю сама себе жертву разборок футбольных фанатов, не пытаться понять, с чего вдруг беспокоюсь и так забочусь о бедном Жмурике и с какого коня неподкованного я вчера ему, незнакомому и совершенно чужому мне человеку рассказала не только, что случилось, но и кто в этом самом «случилось» виноват!

Ну, исключая моё ослиное упрямство, конечно же. Его винить смысла нет, оно просто есть. И эта данность, с которой я жила, живу и буду жить. Надеюсь. Если смогу понять, как выйти из мёртвой петли, не потеряв ни горячо любимую работу, ни собственную, не менее горячо любимую жизнь.

Повторный стук в дверь вызвал противоречивые чувства. С одной стороны опека и беспокойства зомбика было приятно. С другой, он мне своим вмешательством мешал спокойно страдать и заниматься самоуничижением с присущей мне основательностью и любовью к этому делу. И самое страшное, что проигнорировать его внимание было просто невозможно.

Когда я в прошлый раз попыталась засесть в ванной и пострадать, Жмурик не стесняясь дёрнул дверь так, что щеколды она лишилась моментально. А вместо того, что бы осознать всю ошибочность собственного поведения и смутиться от моего укоризненного взгляда, он так на меня посмотрел, что стыдиться и нервно прятать взгляд пришлось уже мне. Парень же подошёл ближе, обхватил моё лицо ладонями и минуты две внимательно и требовательно глядел на меня.

После чего легонько коснулся кончиками пальцев опухоли на переносице и отрицательно помотал головой, выйдя из ванной. И как ни странно, смысл этого немого послания не понять было просто невозможно. К тому же, вряд ли в моей кладовке найдётся ещё один крючок, а в магазин меня пускать можно только в качестве оружия массового поражения.

Вздохнув, я выключила воду и накинула полотенце на голову, выползая из своего теперь уже далеко не тайного убежища. На пороге кухни меня отловили за руку, осторожно промокнули волосы, недовольно цокнув языком, и отобрали полотенце. Ещё и укоризненным взглядом наградили, подталкивая в спину в сторону свободной табуретки.

— Гад, — как-то обречённо выдала, осознавая, что я даже разозлиться на него толком не могу. Только не на эту молчаливую заботу, поддержку и опеку.

Ну не могу и всё тут!

Насмешливо фыркнув, Жмур настойчиво подтолкнул меня к столу, а сам засуетился у плиты. Глядя на эту идеалистическую и посему жутко абсурдную картинку, мне оставалось только подпереть щёку кулаком, размышляя над тем, когда ж мой невольный сосед стал настолько органично вписываться в обстановку холостяцкой квартиры одинокого патологоанатома?

И почему меня этот факт нисколько не напрягает-то?

Перед носом поставили пиалу с каким-то хитрым блюдом неизвестного происхождения. Рядом аккуратно примостилась пузатая кружка с горячим чаем. С плавающим листком мяты сверху. А на стуле напротив меня устроился сам автор данных произведений искусства, положив руки на стол, сцепив пальцы и внимательно, пристально глядя на меня. Взгляд сей недвусмысленно намекал на необходимость съесть всё, до последней крошки. В противном случае меня обезвредят, посадят на колени и будут как маленького ребёнка кормить с ложечки.

Плавали, знаем. И тихо радуемся, что никто не видел этого позора. До сих пор уши горят от стыда, как вспомню!

— Откуда дровишки? — взяв в руки вилку, я принялась вяло ковырять в тарелки, всё больше и больше хмурясь, по мере изучения её содержимого.

Ладно, яйца, лук, даже грибы в моих запасах ещё могли затесаться. Хотя насчёт грибов я как-то не очень уверена, разве что где-то на дне морозилки окопались и дожидались своего звёздного часа. Я и не такие находки обнаруживала после завалов на работе и покупок в режиме «Я — Зомби».

Хорошо ещё с работы нечего не тянула, а то был бы тут сюрприз сожителю в виде какой-нибудь

не очень нужной части чужого тела в формалине и в холодильнике на самом видном месте!

Тихо фыркнула, представив себе гипотетическую реакцию своего ожившего трупа. Ну, предположим, после знакомства со мной он бы не удивился... Зато, возможно, мог бы наконец-то заговорить на родном русском! Матерном, правда, но тоже ведь прогресс!

Невольно задумавшись над этой идеей, бросила оценивающий взгляд на своего соседа. Тот только брови вскинул, соорудив такое выражение лица, что мне за помыслы свои стало несколько стыдно, пусть и не понятно по какой причине. Ведь для него же стараюсь! Но нет, глаза опустила, ещё раз вилкой поковыряла подозрительный кусок мяса. Наколола, принялась, попробовала на зуб...

— Ну и откуда в моих скромных владениях такая роскошь как креветки? — мрачно поинтересовалась, продолжая жевать нехитрое, но всё-таки очень вкусное блюдо. И мой желудок даже бунтовать не стал, охотно принимая завтрак.

Жмур соорудил невинные глазки и ткнул пальцем в холодильник. Я скептически поглядела на белого брата, украшенного двумя магнитиками. Из Воркуты и Магадана. Один притащил Шут, второй ради хохмы подарил Венька. И стали дружно ждать, когда ж ко мне нагрянут воры...

Наивные. Если б у меня побывали воры, до холодильника они бы точно не дошли. Обшарив кладовку и шкаф в коридоре, вряд ли они решились бы двигаться дальше, обнаружив скелет. Что бы Герыча раньше времени не упёрли и не обнаружили боевой раскрас, приходилось прятать скелет дома, так что гипотетических воров ждал бы очень любопытный сюрприз, с возможным летальным исходом...

Или заиканием. И да, возвращаясь к теме нашего диалога, в моём холодильнике можно найти всё. Но не креветки. Сей деликатес лично я видела исключительно в рекламе и ток-шоу, да на прилавках супермаркета в ледяном скафандре и жутко перемороженном состоянии!

— Товарищ зомби, специально для недавно проживающих на этой замечательной площади, поясню, — съев ещё порцию неопознанного блюда, я отставила тарелку в сторону и вздохнула, взявшись за чай. — Вот в этом пылесборнике, — ткнула пальцем с холодильник, — можно найти всё! Начиная от слипшихся пельменей, заканчивая крестовой отвёрткой. Но чего там никогда не было и вряд ли появится, так это креветки. Так что внимание, вопрос! Откуда такая ценность?

Парень показательно вздохнул и полез в сторону мусорного ведра. После чего продемонстрировал мне упаковку из-под крабового мяса. Мой скепсис можно было пощупать руками, потому что жалкое подобие рыбы от хорошего морепродукта я отличить пока ещё в состоянии.

Вот только предъявить зомбику было нечего. Ну разве что дать премию в археологии, если он сумел отыскать не только грибы, но и крабовое мясо.

Вздыхнув ещё раз, обхватила пальцами чай и задумчиво цокнула языком, уставившись в окно. На улице шёл крупный снег, на душе была слякоть и жуткое желание обнять себя и плакать. Только не дадут ведь. Посему придётся отложить страдания до лучших времён и попытаться подумать о том, как быть дальше. И быть ли вообще.

А может плюнуть на всё и написать заявление? Мало ли у нас моргов в городе, найду куда устроиться! Вон, в бюро судмедэкспертизы пойду, буду Сову и Опухшего Винни

терроризировать...

— Вот скажи мне, Жмур, — третий вздох вышел совсем уж безрадостным. Жмур на это подобрался, внимательно на меня поглядывая. — Обращаться к близким нельзя, опасно. Обращаться к ментам, да простит меня бравая охрана правопорядка, опасно. Суровые дяди непрозрачно намекнули на наличие связей. Выяснить врут они чи ни опытным путём мне не хочется... А делать что-то надо. Вот только что?

Вопрос был насущным. И требовал срочного гениального решения. Но, то ли меня били по голове слишком уж сильно, то ли ещё по какой-то неизвестной мне причине, мой мозг категорично отказывался давать хоть какие-то варианты. Он предпочёл впасть в анабиоз, помахать на прощание платочком и выдать вердикт, что по мою чёрную душу пришёл толстый, полярный, пушистый...

Да нет, не писец. Цунгванг пришёл. Тот самый, который хоть как поверни, хоть что сделай, а лучше от этого не станет. Только размер ямы, в которую падать будешь, при случае значительно увеличится!

Чертыхнувшись, залпом допила чай и отставила кружку в сторону, нервно постукивая пальцами по столешнице. И повторяя про себя, как мантру «Думай голова, думай! Чепчик куплю! Розовый! В рюшечках!». А когда и это волшебное заклинание не сработало, просто улеглась на стол, спрятав лицо в ладонях и простонав глухо:

— Кто-нибудь, отправьте меня в Изумрудный город! Даже чучело смогло получить там мозги, вдруг и мне отвалиться?! И хватит ржать, Жмурик! Лучше б помог... Хоть чем-нибудь!

То, что последняя фраза прозвучала зря, я поняла сразу. Как только мо вяло сопротивляющееся величество оттащили с кухни в комнату и на диван уложили, в который уже раз укутав в плед. Ещё и сопели в процессе недовольно и выразительно, пытаясь достучаться до давно канувшей в лету совести. К сожалению зомбика, та на стук не откликнулась...

К моему сожалению, самого зомбика это ну ни капли не расстроило и не остановилось. Жмур просто уложил меня и показал кулак, недвусмысленно намекая на тот самый, будь он трижды проклят, постельный режим. А сам скрылся в ванной, прихватив полотенце и халат.

Теперь обижаться настала уже моя очередь. И просверлив недовольным взглядом мужскую широкую спину, скрывшуюся за дверью из светлого дерева, я расстроено шмыгнула носом, уткнувшись в край одеяла. У меня тут, понимаешь ли, жизнь на кону стоит, а эту заразу ожившую на водные процедуры потянуло!

И как мне теперь думать-то, не подскажите, случаем?!

Фыркнув недовольно, осторожно перевернулась на спину, закрыв рукою глаза и принявшись рассуждать вслух:

— Как говорят brave товарищи травматологи, а сотрудники отряда мужчин особой нежности дружно им вторят... Коли в сердце дверь закрыта, нужно стучаться в печень и другие, нижерасположенные органы. Говоря проще, коли не могу обратиться к близким друзьям и добыть информацию через них, то стоит вспомнить бурные студенческие годы и не менее бурные, хоть и более жуткие дежурства в родном и таком любимом морге.

Осторожно проведя кончиками пальцев по образовавшейся на носу горбинке, вздохнула и продолжила бормотать себе под нос:

— Если память меня не подводит... А она клялась и божилась, что больше таких казусов случиться не должно. У добрых мальчиков Винни и Совы был некий друг, боевой товарищ по бурному, преступному прошлому. И товарищ этот бил себя пяткой в грудь, уверяя, что ему по силам взломать сам Пентагон. Это он конечно не подумав брякнул, после третьей рюмки чистого спирта... Но грехи в области компьютерных технологий за ним водились... Так что прежде, чем окончательно решать, что делать и как быть, не плохо будет разжиться хоть какими-то данными на тех отставших в развитии рэкетиров...Хорошо ещё пейджерами не пользовались, а то этого бы моя бедная психика уже не пережила... Ни в жизнь!

Хоть как-то определившись с планами на дальнейшую жизнь, я почувствовала себя значительно лучше и веселее. А увлѣкшись решением вопросов в духе старого, доброго Гамлета и его вечного «Быть или не быть?» я не заметила ни Жмурика, стоящего в дверях и хмуро на меня поглядывающего, ни незнакомой трели чьего-то телефона, ни того, что меня со страшной силой вдруг потянуло в сон.

И подмяв под себя подушку, я позволила себе скатиться в дрѣму, только улыбнувшись благодарно, когда кое-кто поправил мне одеяло и ласково взъерошил волосы на затылке. В груди расцвело тепло и такое простое, тихое счастье, согревающее меня изнутри.

Оно, счастье в смысле, почему-то (вот бы ещё знать почему!) появлялось только рядом с этим несчастным ожившим мертвецом...

Смысл фразы «Штирлиц как никогда был близок к провалу» сегодня утром приобрел совсем не сатирический окрас. Особенно, когда распробовав приготовленное им корейское блюдо под названием «Геран Чим» Женька самым, что ни на есть, невинным тоном поинтересовалась, откуда же в её родных пенатах могли взяться креветки. В этот раз его спасла старая упаковка из-под крабового мяса, найденная в недрах холодильника.

Но что-то подсказывало Жмуру, что во второй раз так просто увильнуть у него не получится. И патологоанатом души из него вынет, в поисках правды. А этого допустить никак нельзя.

Во всяком случае, пока не решится вопрос со сладкой парочкой «Твикс». И где только Женя сумела отыскать на свою голову такое счастье-то?

Неслышно приблизившись к дремлющей девушке, он присел на корточки перед диваном, залюбовавшись расслабленным, умиротворѣнным выражением её лица. Невесомо коснулся пальцами щеки, очертил края страшного синяка и осторожно коснулся губами лба, убрав мешающие пряди волос. Обманывать девушку казалось жутко неправильным, однако раскрываться раньше времени тоже не хотелось.

Точно так же, как не хотелось, что бы хозяйка квартиры узнала, почему так стремительно скатилась в дрѣму, едва успев толком проснуться. Что поделать, пакетик с травами, подписанный оптимистично «Сладкий сон» слишком уж заманчиво лежал в верхнем ящике кухонного стола. А желание помочь Жене, даже в обход её самой и против её желания, оказалось куда сильнее, чем голос разума.

Одна она с этой ситуацией не справится. И Жмурик искренне сомневался, что его нервная система выдержит ещё одно такое явление народу избитого патологоанатома. Нет, на неё он не сорвѣтся, но тем любителям лёгких денег не удастся отделаться испугом, в случае чего. Уж об этом он сумеет позаботиться...

Отвлёкшись от кровожадных мыслей, мужчина поднялся, поправил сползшее с плеча девушки одеяло и вышел из комнаты. Требовалось позвонить и решить пару вопросов, договорится с несколькими людьми и... Запихнуть подальше упаковку из-под креветок. Надо же было так проколоться-то!

Тихо рассмеявшись, Жмур аккуратно прикрыл дверь на кухню и устроился на табуретке, набирая нужный номер по памяти. Трубку взяли с первого гудка. ни капли не удивившись незнакомому номеру.

— Слушаю, — сухой, сугубо деловой тон фактически был олицетворением своего хозяина.

Спокойный, даже в чём-то флегматичный Александр Спивак всегда предпочитал разговорам действия и благожелательнее всего относился к тем собеседникам, что не тратили зря ни его, ни своё время, отвлёкшись на излишнее красноречие.

— Привет, — хмыкнув, откликнулся бывший зомби, вертя в пальцах зубочистку и периодически поглядывая на дверь. Голоса он не повышал, совершенно точно не собираясь будить хозяйку квартиры раньше времени. — Узнал?

— Тебя сложно не узнать, — точно так же усмехнулся собеседник, судя по звукам, отложив в сторону какие-то бумаги. — Что-то случилось? Или всё-таки решил вернуться к обычной жизни и выбраться из своего убежища?

— Смешно, — кивнул головой Жмур, тихо фыркнув в ответ. — И знаешь, я уже подумывал об этом... Когда меня кое-что заинтересовало.

— И что же? — он как наяву представил это деланно-скучающее выражение на чужом лице. Грубоватые черты которого вряд ли можно было отнести к приятному, радующему взгляду зрелищу.

Впрочем, профессию Александра его собственная внешность интересовала в последнюю очередь. А учитывая сферу деятельности и круг лиц, в котором тому приходилось бывать по долгу службы, лишняя смазливость принесла бы больше проблем, чем пользы делу.

— Не поверишь, морг, — по ту сторону трубки всё-таки подавились и закашлялись, явно не ожидая услышать именно такой ответ. И тихо засмеявшись, Жмур добавил, решив окончательно добить собеседника. — А если быть совсем уж точным, один скромный патологоанатом... С хреновым характером и уникальной способностью найти крупны неприятности из которых выбраться самостоятельно не сможет.

— Тот самый патологоанатом? — осторожно уточнил Александр, сумев справиться со своим удивлением. И получив согласное угуканье, только вздохнул. — Ясно. На экзотику потянуло?

— На откровенность. И шкатулки с секретом, — поправил его парень, недовольно поморщившись от лёгкого пренебрежения в голосе мужчины. — Спивак. о моих предпочтениях в плане женщин мы как-нибудь потом поговорим. Сейчас мне нужно, что бы ты прошерстил эту обитель мертвецов на предмет криминала.

— Есть какие-то подозрения?

— Ага. На всё лицо подозрения, и на другие части тела тоже. А уж какие были подозрения на голову, даже представлять не хочу, — пробурчал Жмурик, вспоминая, какой он увидел Женьку.

И ведь она же успела кого-то ещё своим полуживым видом напугать, вернувшись домой с уже обработанными ранами и чужой одежде.

— О как, — задумчиво выдал Александр, чем-то постукивая и замолчал ненадолго, явно размышляя. А когда пришёл к какому-то выводу, выдал. — Есть у меня подозрения. Я когда твоё внезапное знакомство пробивал, пусть и поверхностно, зацепила меня в списке сотрудников одна фамилия. Занятная такая, с интересным послужным списком. Нет, там все те ещё циркачи, успевшие натворить кто по мелочи, а кто и по крупному всякого.

— И?

— И конкретно этот товарищ был белее снега, — неприятно усмехнулся Спивак. — А ты сам знаешь, насколько это... Ну, предположим странно. Так что, проверить?

— Проверь, всех проверь. И заведующего тоже, хотя сдаётся мне, он-то хотел всё как лучше сделать, помочь сотруднику с продвижением по службе, — невесело улыбнувшись, Жмур встал, собираясь сделать себе кофе, с таким трудом добытый им в самостоятельный поход по магазинам.

— Ладно, — Спивак ещё немного помолчал и полюбопытствовал. — Давно избили?

— Два дня назад, — поморщившись, он залил горячей водой что-то отдалённо напоминающее нормальный кофе, медленно размешивая сахар. Отпил получившийся напиток, поморщился во второй раз и вздохнул. — Послезавтра ей снова на работу. как бы товарищи не перешли к более интенсивному убеждению.

— Вряд ли, — равнодушно заметил Александр, вновь зашуршав бумагами. — Скорее сейчас ей дадут время на раздумье, дадут взвесить все за и против... Могут попугать, конечно. Звонками там, намёками... Но пока не тронут. Хотя, если хочешь, могу поставить кого-нить из ребят присмотреть за ней.

— Буду должен, — кивнув и почувствовав невольное облегчение от того, что можно быть относительно спокойным за Женьку, Жмур уточнил. — Когда можно будет ждать информацию?

— Завтра днём скину первые данные. И постарайся, что бы твой патологоанатом никуда не влез, по собственной инициативе, — в тоне мужчины послышалось искреннее недовольством даже возможностью такого исхода. Он не любил, когда ему мешали делать его же работу.

— Она собиралась пробить ребят через кого-то из судмедэкспертов или знакомого оных, я точно не понял, — припомнив, о чём бормотала девушка, поделился информацией бывший зомби.

— Чудесно, — сухо протянул Спивак. — Только идиотов, лезущих, куда не надо мне и не хватало, для полного счастья. Ладно, разберёмся. Это всё? Или ещё что-то нужно?

— Пока ничего. Разве что... — вновь покосившись на сухие цветы, стоящие в небольшой хрустальной вазе на кухонном столе, он мягко улыбнулся. — Может кто-нибудь из твоих парней, подварить девушке букет цветов? Пока она на работе будет?

— Может, — в голосе собеседника появились какие-то непонятные нотки, но гадать в чём тут дело и чем он умудрился развеселить Александра, Жмурик не стал. Просто завершил разговор, отключая звук на телефоне и пряча его в кармане безразмерных штанов.

Так и стоял возле плиты, потягивая откровенно паршивый кофе и размышляя над тем, когда жершистое чудо по имени Женя стало чем-то настолько важным. И разве можно привязаться к человеку меньше, чем за неделю? Привязаться так, что совершенно не хочется отпускать?

Как там говорит то недоразумение? Интересно эльфы скачут, если снизу посмотреть? Ну он, конечно, скачущих эльфов с такого ракурса не рассматривал, но почему-то был свято уверен, что выражение это как никогда точно подходит всей ситуации вообще и в целом.

А самое смешное, менять-то ничего не хочется. Со-вер-шен-но.

Приглушённая ругань, вместе с навязчивой телефонной трелью отвлекли его от размышлений. Нахмурившись, Жмур отставил кружку в сторону и подошёл к двери и прислушался, пытаюсь понять, что происходит. А когда Женька в полголоса, в сторону ляпнула пару смешных, но обидных эпитетов, после чего вновь вернулась к разговору, тихо чертыхнулся, хлопнув себя по лбу.

Телефон! Он совершенно забыл про её телефон, оставленный рядом с диваном. И вот, как результат, кому-то хватило терпения и выдержки, что бы разбудить патологоанатома. И кто ж там такой бесстрашный и настойчивый-то?

Ввинтившая в мозг мелодия, станцевала канкан на моих ушах, отлюбила и выгнала к чертям собачьим приятный слегка эротический сон, и выработала стойкую аллергию на Меладзе. Я даже и не думала, что когда-нибудь смогу так его возненавижу.

Но пошедшая на второй круг композиция «Комедиант» наглядно доказала что да! Могу! Только менять трек не буду... Ибо лень двигатель прогресса, разжигатель межличностной неприязни и вообще, самый главный аргумент в любом, даже самом отчаянном споре.

Приоткрыв один глаз, поморщилась от ноющей головной боли, настигшей внезапно и не собиравшейся теперь отступать, я попыталась найти источник шума. Нашла. Телефон валялся возле дивана, подпрыгивая и светя улыбчивой физиономией Шута с выпученными от удивления глазами застывшего над столом в прожекторской. И тихо вздохнув, я ругнулась, распластавшись на диване и с трудом дотянувшись од вредного сотового.

Что бы ответив на звонок, вяло поинтересоваться:

— Ну?

— Живая? — подозрительно поинтересовался Лёшка, чем-то гремя на заднем фоне.

— Не-а, — задумчиво протянула, подгребая под себя подушку, вместе с одеялом и блаженно смежив веки, наслаждаясь временным затишьем.

Ну, пока друг обдумывает, как и куда меня послать, что бы воззвать к несуществующей совести. А если брать в расчёт, что сильно на меня сейчас орать нельзя, задача прямо-таки нетривиальная. И товарищу придётся проявить все свои не дюжие творческие способности, дабы подобрать слова, сравнения, эпитеты, речевые обороты, которые...

— Осиновый кол в ремонте, посох спёр Князь, причиндалы для ритуалов разобрали на сувениры излишне любопытные байкеры, — притворно тяжко вздохнул этот засранец и зловещим шёпотом добавил. — Я не знаю, зачем им понадобился череп лося и мои мелки, но

на всякий случай обзавёлся водяным пистолетом со святой водой. Мало ли...

Я тихо засмеялась, пряча лицо в подушку и пытаюсь громко не ржать. Моё хромающее на обе лапы логики и инстинкта самосохранения воображение тут же подкинуло парочку ну очень интересных картинок. Не совсем приличного содержания, с группой известных мне байкеров в роли чернокнижников, некромантов и прочих интересных личностей.

Тем более, что воплотить в жизнь увиденное мне цензура не позволит. Красивая такая, оригинальная и местами жутко деспотичная цензура. Жёнами и девушками называется! И попасть к ним в опалу, это, конечно, будет интересно...

Но весьма болезненно для моего бедного, пострадавшего организма. Про то, что мозг мне выключит профессиональнее, чем энные знакомые психиатры и психологи вместе взятые, я вообще молчу.

— Жень, чудо моё, хватит ржать в подушку... Я надеюсь, это подушка, а не вскрытый живот очередного твоего клиента? — не смотря на веселье в голосе парня, я без труда распознала в нём нотки предупреждения.

Они недвусмысленно намекали, что если я вдруг окажусь на работе, то меня оттуда вытащат волоком, невзирая на сопротивление и вопли. И Шуту будет откровенно наплевать на то, что о нас подумают, что скажут, и как долго я буду на него дуться. Последнее, по-моему, вообще не котировалось.

Когда друг решал, что это всё для моего же блага, остановить его мог только удар твёрдым тупым предметом об его голову. И то, не факт!

— Спасибо, — тихо откликнувшись, я тепло улыбнулась, поудобнее устроившись на диване. — Я дома, обо мне заботятся, и на работу я собираюсь явиться только послезавтра. Не волнуйся, Лёш, со мной всё хорошо.

— Ага, сказал патологоанатом, отказавшийся от помощи друзей, — недовольно отозвался Шут, но всё же смягчился. — Лан, трупоманка, проявлю не дюжую выдержку и поверю тебе на слово. По крайней мере я не слышу предсмертных воплей твоих санитаров, возмущённого шипения коллег по цеху истерики очередного посетителя... Что не может не радовать мою корыстную душу.

— Добрый ты, — беззлобно фыркнула, скосив глаза на кружку с чаем, появившуюся перед моим носом как по волшебству.

«Волшебство» сияло хмурым выражением лица и недовольно косилось на аппарат в моей руке. Впрочем, молчаливое неодобрение Жмурика с лихвой компенсировалось его же заботой и весёлой болтовнёй Шута по телефону. К последнему я даже не прислушивалась толком, потягивая неожиданно вкусный, чуточку пряный чай и поглядывая на парня, что-то бормотавшего себе под нос на извечном корейском.

Правда, не прислушивалась я ровно до того момента, пока эта пакость не брякнула, нежным таким, ласковым тоном:

— Же-ень, а не подскажешь мне, какого говорящего ёжика наш ледяной администратор упоминает в одной предложении тебя, пейнтбол и день рождения?

Наверное, мне не стоило бы так бурно реагировать на невинный, по сути, вопрос. И уж точно не стоило в этот самый момент делать очередной глоток и засматриваться на Жмурика, наворачивающего круги по комнате. Потому что, когда до ударенной на всю голову меня дошло, о чём же так заинтересованно вещает друг, я сделала то, что в любой другой момент удалось бы избежать.

Я закономерно подавилась, закашлялась, облилась чаем и лишь чудом не грохнулась с дивана на пол. «Чудо», кстати, стояло рядом с таким мученическим видом, что я невольно смутилась, пока меня поднимали и усаживали обратно на диван, попутно отобрав и чай, и мокрое одеяло.

Чувство благодарности при этом куда-то благополучно запропастилось. Потому как не было бы Жмурику цены, если б эта ошибка санитара труповозки не смотрела на меня так выразительно и не молчала так поучительно. Я ж не виновата, что у меня нынче, что ни новость, то потрясение!

И хорошо ещё, что пока пуля свистит в миллиметре и страдает моя тонкая душевная организация, вместе с нежной, детской психикой. Боюсь, повторных физических потрясений мой бедный организм может и не пережить. Хотя...

— Радость моя, гороховая... — медленно протянула, отгоняя, куда подальше крамольную мысль эмигрировать из страны. Куда угодно, хоть на Северный Полюс, лишь бы была возможность выспаться и отдохнуть нормально. — А ну-ка, повторим, что тебя так заинтересовала на мою беду?

— Ну, слышал я тут краем уха, видел краем глаза...

— И благополучно додумал краем мозга...

— А вот тут мне бы обидится, да, — доверительно сообщил мне Лёшка, но не удержавшись засмеялся. — Только вот беда, привычный я и к яду твоему трупному инертный. Ладно, если очень кратко, без шпионской заманухи и прочих интересностей, по существу и для особо одарённых... — тут этот мастер нагнетать обстановку сделал эффектную (исключительно по его личному мнению) паузу, прежде, чем продолжить говорить. — Значит так. У одной моей ненаглядной, ненавистно-обожжаемой трупоманки на горизонте замаячила памятная дата. Скорбная для бедных сотрудников и посетителей морга, радостная для меня. Для непонятливых — скоро твой день рождения и да, не надейся, я про него забыл. Как и Эльза. И вот тут-то и кроется моё искреннее недоумение... Как между собой связана твоя днюха и поездка в пейнтбольный клуб на игру? Зрителями что ли?

— Угу. С VIP-мест, из самого первого ряда, блин, — ругнулась, совсем забыв об этой весёлой дате и не менее весёлой традиции. Нет, само развлечение мне нравилось и даже приносило садистское удовольствие, когда удавалось зарядить шариком с краской по энному месту противному Венику.

Но в моём виде, да в моём состоянии... Разве что исключительно добить из жалости и закопать на месте. Благо лесопарковая зона обеспечивает идеальное прикрытие для таких недобрых дел!

— А поподробнее? — тут же почуял грядущие неприятности Шут.

— А поподробнее позже, когда у меня язык повернётся что-то кроме трёхэтажной конструкции с перечислением анатомических подробностей ляпнуть, — честно призналась, пытаюсь судорожно сообразить, что делать и как теперь быть.

А самое главное, куда ж деваться с подводной лодки?!

Тяжко вздохнув, я потёрла лоб, искренне недоумеваю, где успела так нагрешить, что бы такое весёлое начало года заработать. И очень запоздало сообразила, что как раз таки Лёшка про наше ежегодное мероприятие знать не должен был, как, впрочем, и подавляющее большинство наших знакомых, включая Верещагина.

О чём и полюбопытствовала, отмахнувшись от озадаченного взгляда Жмурика:

— Слушай, любовь ты моя чёрная и подлая... — на этой фразе подавились все, начиная молчавшим по жизни Жмуриком и заканчивая без продыху болтающим Шутом. Последний, правда, оправился гораздо быстрее, принявшись, судя по звукам, что-то усиленно трескать. — А ты-то, откуда про этот сейшен узнать умудрился?

— Птичка на хвосте принесла, — невозмутимо отрапортовал друг, продолжая усиленно уничтожать чьи-то запасы пищи. Насколько я его знаю, с собой он отродясь ничего не таскает. Вывод?

Шут опять дорвался до халявной еды и владельца этой самой еды вряд ли спросили. Да и вообще, хотя бы в известность поставили.

— И как звать этого дятла?

— А тебе есть принципиальная разница в том, кто сдал вашу поляну? — озадачился Алексей и тихо фыркнул. — Да говорю ж, услышал я. Эльза с кем-то обсуждала на какое время клуб бронировать. И вздыхала жалобно о том, что ей в развлечении участвовать нельзя. Физические нагрузки, волнение, туда-сюда... К дальнейшему не прислушивался, право на чужую жизнь уважаю!

— Зато право на чужую собственность нет, — хмыкнула, в ответ на ворчание Шута о том, что не он такой, а жизнь такая. И вообще, надо бдительнее следить за тем, что, где и когда оставляешь.

Особенно, если речь идёт о еде. Вдвойне, если о еде в стае вечно голодных мужиков!

— Кто-то прав, а кто-то лев... — философски вздохнул парень, с сожалением протянув. — Но этот мир был слишком мал для нас двоих, меня и бутерброда с сырокопчёной колбасой... Мне, я так понимаю, на пейнтбол с тобой нельзя?

Резкая перемена темы разговора не удивила и даже не озадачила. Я только вздохнула украдкой, уже не первый раз задумавшись над тем, стоило ли действительно так усердно скрывать наше тесное, тёплое дружеское общение.

С другой стороны, вливаться в общую и шумную компанию байкеров мне не хотелось совершенно. Нет, там присутствовали внезапные вкрапления разума, островки спокойствия и даже определённая доля чёрного юмора, с обладателем которого вполне можно было бы потягаться.

В мастерстве опускать собеседника ниже ватерлинии, конечно же, в чём же ещё?

Вот только как бы прикольно, весело и шумно не было среди таких друзей, я всё равно чувствовала бы себя лишней. А быть придатком к чужой компании меня никогда не

прельщало. Я с Араньевыми-то сошлась исключительно из-за Эльзино упрямства, которая в те времена была весёлой, шумной, болтливой и очень общительной девочкой...

Ну, а когда случилась беда, просто не смогла их бросить, сама не заметив, как начала считать их своей семьёй. Своеобразной, конечно, но всё же.

Тихо фыркнула, привычно пропуская мимо ушей рассуждения о том, какая я чёрствая, злопамятная и вообще нехорошая личность, мешающая такому ценному кадру развлекаться. И вообще, за какие такие поступки бог наградил беднягу Шута настолько хреновым товарищем и другом?

— Да, Шут, я тоже тебя люблю, — тепло улыбнулась, когда в ответ раздался страдальческий вздох. — Но нет, тебе с нами не надо. И не потому что я против... А потому что зрелище предстоит пикантное, непотребное и вообще... Получать звездюлей от доблестных служителей правопорядка то ещё удовольствие.

— Ладно, — показательно трагично вздохнув, Лёшка уже мягче добавил. — Я надеюсь, ты-то под пульки не полезешь?

— А это зависит от того придумаю я способ извернуться или нет, — честно призналась, почесав затылок и поморщившись от боли.

Жмур оценив мою перекошенную физиономию, ретировался в сторону кухни. Что бы вернуться оттуда со стаканом воды и таблеткой. И судя по его лицу, если я её сама не выпью, в меня её банально запихнут. Не смотря на сопротивление, вопли и проклятья.

Ух, суровый му... Мужчина!

— Ну, учитывая, как ты при мне объясняла проверяющим, где их видела, вместе с постановлениями, предписаниями и прочей ересью... — хмыкнув, Лёшка уверенно заявил, ни капли не сомневаясь в моих способностях. — Я в тебя верю, трупоманка. Так извернёшься, что сами не поймут в чём подвох. Я тебе завтра перезвоню, лады? Расскажешь о своём самочувствие, о планах на будущее и о том, что тебе на венке написать, если вдруг вздумаешь сама под пульки лезть.

И этот невыносимый малолетний гад просто взял и отключился, ставя точку в нашей дискуссии. Я минуты три молча пялилась на телефон, пытаюсь понять, что это вообще было. А потом пожала плечами, выпила таблетку и вновь вытянулась на диване, предавшись блаженному ничегонеделанью...

И тяжким думам по совместительству.

— Вот скажи мне, Жмурик, — тихо полюбопытствовала, закинув руки за голову и стараясь сильно не морщиться. Синяки давали о себе знать, а уж о том, как долго будут ныть бедные, пострадавшие кости я вообще молчу. — Как бы поступил умный человек, попавший в такую ситуацию? — и привычно не дожидаясь ответа продолжила. — Правильно, умный человек не стал бы врать близким, рассказал бы всем правду и принял бы помощь. Но как мы уже успели выяснить, я к умным людям отношение имею исключительно косвенное. Поэтому...

Внезапная мысль посетившая мою не совсем светлую голову по началу показалась дикой. Затем абсурдной. После безумной. И уже в конце активной мозговой деятельности — гениальной. Она была простой, оправданной и обещала неплохое развлечение за чужой счёт, без последствий для собственного здоровья.

А мне, собственно, большего и не нужно было.

Вновь взяв телефон, пролистала список контактов. Добравшись до нужного, с минуту ещё размышляла, стоит оно того или нет. Но припомнив, что с моим нынешним внешним видом впрямую сниматься в малобюджетных фильмах ужасов, решительно набрала знакомый номер.

И когда в ответ раздалось басовитое, вальяжное «Идрит твою налево, кого там принесло?!» не смогла сдержать довольной улыбки:

— Эх, Саныч... Знал бы ты, как я по тебе соскучилась... Зараза ты солдафонская!

Глава 8

Утро красит бодрым светом...

Так, кажется, это где-то было. И сейчас давно уже не утро, и всё, что меня красит это бледное перекошенное отражение собственного жизнерадостного лица в отполированном подносе. Ну и суровая рабочая обстановка вокруг, да. «Счастливые» от моего возвращения санитары, хмурый Захарыч, презрительно кривящийся Коленька и наскипидаренные судмедэксперты, с какого-то перепугу окопавшиеся в нашей прозекторской.

Вопрос «А какого хрена тут творится, но я опять не в курсе?!» сегодня стал хитом дня. Во всяком случае, из моих уст и даже не в совсем уж матерной форме он прозвучал, раз так пять. Но так и остался исключительно риторическим восклицанием чересчур эмоционального патологоанатома.

— Ивар Захарович, поправьте если я ошибаюсь... — наконец отмерла моя светлость, прекратив изучать и без того зачитанные до дыр бумажки, поданные мне на рассмотрение мрачным заведующим морга.

Занятое сочетание, кстати. Морг само по себе далеко не весёлое место, а уж во главе с так настроенным руководителем я начинаю заранее сочувствовать любому, кто сегодня сунется в наши родные пенаты. Убить не убьют, но нервов смотают клубка три. Не глядя и по причине излишнего человеколюбия. В прямом смысле слова!

— Женечка, я таки был бы рад, если бы мы все дружно взяли и ошиблись, — тяжело вздохнув, Блюменкранц расположился на стуле напротив меня, смиренно сложив руки на коленях и всем своим видом напоминая кающегося на исповеди.

Что категорично не желало укладываться в моей голове. Виновато выглядевший еврей это что-то новое!

— Угу, — кивнула, вновь перечитав всё, что было изложено в документах и потрянув головой. — Только все бумаги указывают на то, что за первые две недели нового года кто-то увёл из нашей коллекции жмуриков минимум три тела, — ещё раз глянула на акт ревизии, скомпонованный на коленке и не имевшей юридической силы вне нашего царства мёртвых. — А ещё прогнал пять неизвестных, не проходящих по базе, но оставивших после себя явные следы пребывания в морге. Я понять не могу, Дэвид Коперфильд и Амаяк Окопян?

— А? — не понял постановку вопроса начальник, удивлённо моргнув и выйдя из своего скорбного оцепенения хотя бы на минутку. Уже прогресс, до этого он на мои вялые попытки

пошутить никак не реагировал.

— Ладно, говоря проще. Это кто у нас такой фокусник и почему об это талантливом гаде я узнаю только сейчас? — я переформулировала вопрос, попутно стараясь засунуть бумажку за тридцать первое и первое число себе на стол так, что бы этого никто не заметил.

Чует моя подозрительность, что излишне ретивые подчинённые успели-таки провести регистрацию трупа в журнале на входе. А то, что труп вдруг оказался живым и никто не заинтересовался куда он успел подеваться из-под моего бдительного ока — это уже другой вопрос, которым никто не интересовался. И не должен заинтересоваться!

— Женечка, рыба моя, ты же знаешь, какая тут порой творится неразбериха! Удивительно, как мы с соседями ещё ничего перепутать не умудрились! — всплеснул руками одесский еврей, но под моим скептическим взглядом сдулся, уселся обратно на стул и почесал затылок. — Как говорит моя бедная жена Сарочка, — на эпитете «бедная» я стоически пыталась не хрюкать слишком уж громко, — если у кого-то есть интерес, то он обязательно найдёт-таки способ его реализовать!

— Способ нашёл, — вздохнула, глядя на противные бумажки и чувствуя, как от неприятных предчувствий сводит несчастный желудок.

Он и так сегодня был терзаем муками голода, и грозился заработать и язву, и гастрит и всё это одновременно. А тут ещё и новости. Да такие хорошие, что впору возродить приятную традицию для гонцов с плохими вестями!

— Способ-то этот умник нашёл, — повторила ещё раз, возвращая документы начальству и скрестив руки на груди. Протест тела на резкие телодвижения был мною грубо проигнорирован. — А вот нам с вами, что теперь делать, а, Ивар Захарович? Это не посуда, не реагенты, не инструменты и даже не спирт, который, слава богу, можно списать безболезненно и не привлекая всеобщее внимание! Это, на минуточку, трупы. Причём свежие, достаточно молодые, без лишних повреждений и...

— Родственников, — похоронным голосом закончил цепочку моих умозаключений заведующий, вновь хмуря брови и кривя губы в неприятной улыбке. На вечно благодушном лице мужчины она смотрелась впечатляюще. И я бы даже посочувствовала товарищам, если бы на моём лице было не такое же кровожадное выражение.

Дополненное переломом носа оно напугало даже видавших всякое санитаров! Впрочем, тут они сами виноваты. Я очень не люблю, когда трогают мои вещи, а ещё больше не люблю, когда чьи-то немытые лапы лезут по моим инструментам!

— Ивар Захарович, не хочу говорить очевидное и невероятное, но кто-то свой явно продал душу за нехилые бабки, — допив порядком остывший кофе, я поднялась и одёрнула рукава рабочей формы. На столе меня терпеливо ждал клиент, а результаты по клиенту дожидался просиживающий штаны у соседей молоденький врач.

У бедняги это был первый пациент. К сожалению для пациента, это был предпоследний врач в его жизни. А последний готовился завершить вскрытие и сообщить волнуемому юноше со взором горящим, что его вины в этом нет. Ну явной точно нет. Остановка сердца она такая, непредсказуемая. Хотя...

— Евгения Сергеевна, я таки может, и выгляжу как дурак, но на идиота тяну в самую

последнюю очередь, — хмыкнул Бюлменкранц, напяливая на себя фартук и вставая напротив меня. — Разрешите помочь слабой, хрупкой женщине?

— А есть шанс отказаться?

— Ни единого, Женечка.

— Тогда какие вопросы, Ивар Захарович, присоединяйтесь к нашему празднику жизни... — и поправив маску, принялась за работу, попутно пытаюсь понять, насколько велики масштабы того некультурного места, в котором мы с Захарычем оказались.

Почему мы? Да потому, что приказ о моём назначении всё-таки подписали. Ещё не объявили, нигде не афишировали, но мне лично продемонстрировали и поздравили. Оригинально так, ничего не скажешь. И впору действительно заподозрить наличие проклятья на этой чёртовой должности, если мой первый день в ней ознаменовался такими вот неприятностями!

Пять трупов. Не один, не два, а пять. Ладно, возможно всего четыре, если не брать в расчёт моё ожившее недоразумение, запертое дома с таким обиженным выражением лица, что я подумываю после работы купить торт и идти мириться! Но даже если не ровно пять, а на одного меньше, сильно это ничего не меняет.

Ах да, ещё три учётных. Итого семь. Семь за две недели нового года, что непрозрачно намекает на раздутую вседозволенность крысы, высунувшей из норы не только нос, но и добрую половину своего тела.

Цинично усмехнулась, продолжая на автомате выполнять все необходимые действия, работая в четыре руки с Захарычем. Шеф хоть и не работал с трупами напрямую, но сноровки не растерял. И судя по отсутствующему взгляду, его размышления тоже были далеки от наших непосредственных обязанностей.

И что-то мне подсказывает, думали мы с ним в одном направлении...

Морг — это ведь не только ценный мех, но и много действительно интересных возможностей. Для тех, у кого нет ни совести, ни морали, ни хоть чего-то человеческого в душе. Подпольная продажа органов? «Утерья» ненужных трупов? Левые операции прямо в морге?

Почему нет, собственно? Платите и получите, платите и получите, господа. Только вот что делать, если вы — честный патологоанатом, а в вашем морге творится такое непотребство? И это самое непотребство невозможно доказать ничем, кроме косвенных подозрений, собственных побоев и опять-таки собственных же домыслов и подозрений?

Тихо вздохнула, качнув головой в такт собственным мыслям. Тут прямо как в том анекдоте. Все всё знают, все всё видят, доказать ничего не могут. А ещё, если уж мыслить совсем глобально, тут может твориться любое непотребство. Начиная от подарочков в животах жмуриков, заканчивая образованием этих самых жмуриков посреди прозекторской путём пускания пули в лоб.

И вот это действительно страшно.

Где-то что-то упало, с глухим звоном и громким стоном. Рука дрогнула, лишь чудом не полоснув скальпелем по моему же запястью. Аккуратно положив инструмент в лоток, оглянулась, пытаюсь понять, откуда такие странные звуки и что это за источник, который так и жаждет познакомиться со злой мной.

— Мда, — задумчиво протянул Захарыч, оторвавшись от работы на минуту, что бы оценить валяющегося посреди зала тело и тут же вернув всё своё внимание бедной старушке, волей судьбы попавшей на наш стол. — Слабые нынче терапевты, слабые... Как же они экзамен-то сдавали, мне любопытно?

— А как у нас некоторых санитаров принимают? — вернула начальнику вопрос, стягивая перчатки и деликатно интересуясь. — Ну что, откачаем болезного или лучше не будем?

— Ну почему? Что ж вы так радикально-то, дорогая моя? — Ивар Захарович картинно всплеснул руками, отступая от стола. — На первый взгляд бабуля закончила свой жизненный путь вполне законным путём, в следствии банальнейшей остановки сердца. Если молодой человек не вкатал ей ударную дозу сердечного препарата, то он тут таки совсем не причём. Жизнь всё сделала за нас, как говорится. Нет, гистология ещё себя покажет... Но судя по назначениям действительно, ничего фатального! Как пела великая Аллегрова «Ну и что же тут криминального?!»!

К сожалению, именно в этот момент несчастный терапевт решил прийти в себя. И услышав насквозь фальшивое пенисе с непередаваемым одесским акцентов, да разобрав, о чём собственно поют, не придумал ничего лучше, чем обратно в обморок уйти. Видимо с его точки зрения, в бессознательном состоянии будет лучше.

Нет, в чём-то он прав. Нас же не видно и не слышно, а значит нервы целее будут. Но вот как показывает практика, если в морге чьё-то тело дольше пяти минут не подаёт признаков активной жизнедеятельности, то это либо труп, либо товарищ Харина спать изволит. И что-то я не замечаю семейного сходства с возлежащим на полу юношей...

Да и пол, не тот, что кафельный, явно не подходит к метрикам, выданным в роддоме.

— Ивар Захарович! — укоризненно протянула, пытаясь удержать от желания банально попинать несчастного, дабы привести его в чувства. Поднять его для меня нынче непосильное дело, а звать санитаров только устроить бедолаге весёлую жизнь в ближайшие несколько месяцев.

Слухи они такие, да. А слухи среди медиков это вообще поразительные в своей скорости распространения совершенно неправдоподобные афоризмы, метафоры и сравнения.

— Ой, Женечка, да что с ним будет-то? — шеф отмахнулся, стягивая рабочий фартук и деланно пожимая плечами. — Оставь там, иди лучше, помоги закончить процедуру инвентаризации чужих внутренних органов!

— Шеф, я, конечно, вас люблю, но пол у нас кафельный. И лечить юного терапевта средствами, привычными прожжённому патологоанатому как-то не с руки, — мой укоризненный взгляд особого эффекта не возымел, пришлось давить на привычную еврейскую скупость, давно и прочно возведённую любимым начальством в непревзойдённое искусство. — И потом, спирт казённый. И расходовать их на всяких там...

— Ох, Женечка, таки наше тесное общение влияет на вас совершенно тлетворнейшим образом, — притворно опечалился Ивар Захарович, всё же соизволив обратить своё высочайшее внимание на несчастного новоиспечённого врача.

Уж не знаю, чем тот так надоел своим старшим товарищам, но явно очень старался. Раз его засунули в морг в первую же неделю работы. Обычно, такую встряску для неподготовленного разума оставляют на самый крайний случай.

— Не мы такие, Ивар Захарович, — вздохнула, вновь уделяя своё внимание бедной старушке. — Жизнь такая!

Краем глаза заметила, что обычно жизнерадостно выглядевший и заряжавший своим позитивом остальных Блюменкранц выглядит непривычно старым, осунувшимся и бледным. Увы, я могла его понять, но пока что ничем не могла помочь. Мало того, я всерьёз начинала задумываться о том, кто бы мне помог во всей этой пренеприятнейшей ситуации!

Господи, да лучше бы ревизор приехал! Там хоть схема давно опробована, отработана и доведена до совершенства! А тут пока что только поле из граблей и конца этому самому полю что-то не наблюдается!

Чертыхнувшись себе под нос, закончила вскрытие и, переодевшись, устало устроилась за своим столом, с тоской подумав о горячем чае, приятной и душевной компании... И никаких трупов, окромя одного единственного и благополучно ожившего на пару километров вокруг!

— Мечтать не вредно, вредно не мечтать... — задумчиво пропела песенку времён девяностых, выстукивая непонятный ритм кончиком карандаша по одной из многочисленных папок.

Этого добра на моём столе хватало с лихвой. И если всё пойдёт такими же семимильными шагами, то есть вполне конкретный шанс оказаться заваленной бумагами по самую макушку. Если я доживу до этого «светлого» момента, блин...

Рука машинально потянулась к переносице, но остановившись на полдороге, я вздохнула и провела пальцами по волосам. Перспективы, в связи с сегодняшними известиями, открывались ну просто шикарные.

«Крыса» в морге не так уж страшно, как бы цинично это не звучало. В конце концов, в этой стране воровали, воруют и будут воровать, дайте только повод, а возможности найдутся!

Проблема в другом. «Крыса» не просто покусилась на парочку тел или кто-то случайно недосчитался нескольких органов, нет. «Крыса» тырит систематически. И это были данные только за две недели нового года. А что было в прошлом?

Путём нехитрых арифметических подсчётов получается: двенадцать месяцев, четыре недели в каждом, в среднем семь трупов за две недели. Итого, четырнадцать в месяц, умножаем на год и... Около двухсот пропавших тел. Внушает? Ещё как внушает!

И пугает тем, насколько ж надо быть уверенным в собственной безнаказанности, что бы так тырить-то! Ведь если человек чувствуют себя настолько свободным...

Я даже думать не хочу, кто у него в покровителях водится. Я, конечно, девочка не пугливая, но даже у меня мороз по коже идёт. И возникает острое желание забиться под ближайший плинтус и не отсвечивать своей побитой моськой ближайšie несколько лет. Пусть воруют, занимают должность зама, преобразуют морг в нелегальную клинику по пересадке органов...

Да хоть наших же санитаров препарируют, не жалко! Благо добра такого не сложно найти по биржам труда и по объявлению! Лишь бы меня не трогали, как говорится! Лишь бы...

— Твою мать, Харина, ну кого ты обманываешь? — устало и зло выдохнула, подавив желание приложиться лбом об казённую поверхность. Откинувшись на спинку стула, крутанулась на скрипучем предмете мебели вокруг своей оси, игнорируя подступающую к горлу тошноту. —

Под плинтусом, ага... А любимый морг на разграбление врагу? Прямо спешишь и тапочки теряешь, прямо спешишь и тапочки теряешь...

— Краса моя ненаглядная, да ты никак откосить от рандеву нашего жаждешь? — этот мягкий, добродушный, полный бархатных ноток голос с грубоватой хрипотцой и ядрёной насмешкой прошёлся вдоль позвоночника куском наждачной бумаги. — И даже до мозгоправа снизойдёшь? Я поражён в самое сердце...

— Оно у тебя отсутствует за ненадобностью, — брякнула я не раздумывая и только тогда повернулась лицом к входу в зал, незаметно для себя расплывшись в довольной улыбке от которой (в буквальном смысле, если что) болело лицо. — Саныч, каким ветром да в наш Некромикон?

— Юмор у тебя так и остался исключительно кладбищенский, — фыркнул гость. И отлепившись от косяка, так удачно подпираемого могучим плечом, неспешно добрался до моего стола...

Попутно заняв собою всё свободное пространство. Потому что Саныч... Ну как бы сказать, это просто Саныч. И этим, боюсь, всё сказано.

Вы когда-нибудь видели командира отряда мужчин особой нежности? В смысле, ОМОНа? Обычно это хмурый такой дядя, лицом и взглядом выражающий всё, что он думает о мироздании вообще и о вашем конкретном местоположении в оном (лёжа лицом вниз, руки за головой) в частности. Так вот, Сан Саныч, а точнее Александр Александрович Тихомиров не только лицом внушал опасение. Он всем своим видом вызывал страх и трепет у окружающих и не дай бог вам оказаться по разные стороны баррикад!

Ведь Сан Саныч это два с лишним метра дружелюбия, добродушия, непоколебимого спокойствия и терпения, дополненные отличной физической подготовкой, огромными кулаками и суровой армейской школой жизни, оставившей свой отпечаток на всём, до чего дотянулась. У меня иногда ощущение, что он (отпечаток, в смысле) в виде подошвы бертс проглядывает сквозь доброжелательное выражение на суровом мужском лице.

А вообще симпатичный дядя. Глаза карие, волосы светлые, усы залихватские и голос. Да, за голос Саныча любой певец душу бы продал. Исключительно в корыстных целях, конечно же! И почему я не могу влюбиться в такую очаровательную во всех смыслах и привлекательную во всей качествах персону?

Нет, мне жмурика подавай. Ладно, хоть живого... Ну, во всяком случае, он вчера вечером бодро отплясывал по квартире, всем своим видом выказывая неодобрение, порицание и прочие негативные эмоции в отношении моего решения выйти-таки на работу. И мне даже было стыдно, местами. Особенно, когда к прищуренным, светло-зелёным глазам, смотревшим на меня с непередаваемой укоризной, добавилась матерная нотация в исполнении Шута.

Только когда это меня могло остановить?

— Какое место работы, такое и чувство юмора, — тихо фыркнула, когда чужая огромная лапа разворошила причёску, пройдясь в нежном жесте по моим бедным волосам.

Саныч в ответ на мою реплику только добродушно хмыкнул, приземляясь на свободный стул и вытаскивая из кармана надкусанную плитку шоколада. Что бы тут же сунуть её мне в руки, не обращая ни малейшего желанья на мелкие, но очень грязные подробности работы в море.

На труп, например. На свежевскрытый труп, который источает ничем не перебиваемый аромат крови и внутренностей, местами перебиваемый хлоркой. Иногда я думаю, что омоновец — это не профессия, это диагноз. А в некоторых случаях исключительно клинический!

— Когда-нибудь я заработаю карьеру, — притворно вздохнула, тем не менее, с удовольствием откусив кусок горького шоколада. Качественного, настоящего, это вам не хухры-мухры рыночное! — И буду беззубая и несчастная!

— Будешь несчастных засасывать насмерть? — заинтересованно переспросил гость, не удержавшись и рассмеявшись от вида мой искренне обиженной физиономии. Но злиться на Саныча не получалось, во всяком случае долго. — Не дуйся, а то на хомяка становишься похожей. А мне одного Хома в отряде за глаза хватает. Что у тебя случилось-то, что ты про меня старика вспомнить решила?

И ведь ни тени укора, ни во взгляде, ни в голосе. Только добродушная усмешка, отческая такая, понимающая... А я сижу, блин, и чувствую себя неблагодарной сволочью.

Вот как у него это получается, а?

— Нашёл кого к старикам причислять, — снова фыркнула, отложив шоколад в сторону и сложив руки в молитвенном жесте. — Са-а-аныч, выручи засранку!

Главное, взгляд пожалобнее сделать. Такой щенячий, как у кота из мультфильма Шрек! Помочь-то вряд ли поможет, но вдруг мне повезёт?

— И чем это я тебя выручить-то могу? — тихо засмеялся Сан Саныч, щёлкнув меня по носу. — Денег ты отродясь не просишь, помощи тоже, особенно если дело серьёзное... Или у тебя принципы вместе с переломом носа прошли?

— Заметно? — поморщилась, только сейчас сообразив, что уж кому-кому, а Санычу в таких делах грех не разбираться. У самого нос на два раза свёрнут. И это только за время нашего знакомства. — Саныч, мои принципы — это мои принципы. У нас тут дело посерьёзнее моих мелких неприятностей... Ты же помнишь, про традицию?

— Каждый Новый год в бане встречать? — вскинула брови эта зараза ментовская.

— Тьфу на тебя, — смяв попавшую в руки бумажку, метнула её в улыбающегося блондина, сама демонстрируя всем желающим улыбку — мечту дантиста. — Если бы в бане, один вопрос. А вот то, что мне предстоит матч-реванш с братьями Араньевыми и иже с ними...

— А участвовать не позволяют свежеполученные боевые ранения, — понятиливо кивнул головой Саныч и задумчиво поскрёб подбородок. — Ну ты ж знаешь, я всегда «за» дополнительные физические нагрузки. Но один не пойду, а двоих на мою оралу маловато будет.

Настал мой черёд озадаченно скрести затылок. А ведь и правда, Димыч и Веник, конечно, товарищи активные, быстрые и сильные... Но против команды ОМОНа пасовали и более серьёзно настроенные личности. Да и потом, неспортивно как-то получается. А что если...

— Саныч, а ты как к байкерам относишься? — заинтересованно вскинутые брови были самым лучшим ответом. Саныч ко всему относился положительно, если это не несло вреда здоровью и давало возможность погонять подчинённых в хвост и в гриву. — Один момент! Тогда надо уточнить список приглашённых на такое мероприятие лиц...

И недолго думая вытащила телефон, набирая номер Эльзы и попутно выискивая среди бардака на столе ту самую бумажонку с данными по неопознанному трупю с травмой головы и богатой одежкой. Жмурик, зараза, всё-таки умудрился засветиться в журнале учёта по недосмотру трёх санитаров и одного патологоанатома. Но мне то простительно, у меня тут между прочим цельный стресс был. А вот остальным я это ещё припомню, при случае.

При каком именно случае я домыслить так и не успела. Эльза ответила на звонок, Эльза была в недовольном настроении и причиной её недовольства были... Ну кто бы сомневался, что байкеры! Так что через пять минут взаимной пикировки, обмена любезностями и прочих милых сердцу расшаркиваний компания друзей-мотоциклистов сами того не ведая подписались на квест по выживанию в условиях крайнего севера...

В смысле на скачки по лесополосе в попытке уйти от команды азартно улюлюкающих омовцев. Страшное зрелище, я вам скажу. Страшное и захватывающее. Надо будет не забыть с собой камеру взять. Когда я ещё такой компромат нарыть смогу?!

— Уговорила, шельма? — беззлобно поддел меня омовец, выудив откуда-то из многочисленных карманов куртки небольшой свёрток, в обычной такой, упаковочной бумаге. И так же как шоколадку, ни говоря ни слова, сунул мне его в руки, продолжая всё так же безмятежно улыбаться.

Если бы меня спросили, как выглядит человек, познавший свой внутренний Дзен, не глядя ткнула бы в Саныча. Его добродушие, непробиваемое спокойствие и мягкая улыбка довели порою до белого каления. А учитывая, что именно с таким вот выражением лица доблестный страж правопорядка прививал любовь к прилежному поведению и соблюдению закона...

— А то, — тихо хмыкнула, разворачивая подарок и удивлённо присвистнула, разглядывая кожаный браслет.

Широкий, из выдубленной, вытертой кожи. На руке он крепился двумя узкими ремешками, пришитыми по краям основы. А в центре этой красоты — лисица. Шикарная, с чёрно-серебристым мехом, живыми тёмно-синими глазами и пушистым хвостом. Она свернулась в клубок, но один глаз всё же нет-нет, да следил за происходящим. Всё остальное свободное пространство заполняли растительные мотивы.

И чем темнее они были, тем ярче выделялась дремлющая лиса, готовая в любой момент отразить возможное нападение.

— Это... Мне? — недоверчиво переспросила я, продолжая пальцами водить по маленьким заклёпкам, впившимся в тёмно-коричневую кожу. Погладила острую лисью морду и коснулась кончиком указательного пальца инициалов мастера, выбитых чуть ниже рисунка.

— Ага, — Саныч заулыбался ещё шире и фыркнул, как большой такой, добродушный пёс. Лёгкая повышенная лохматость на голове только усиливало схожесть. — Иль думала ребята забудут про твою днюху? Не, краса моя, мы может и не обременены интеллектом... Но кое-что запомнить в состоянии.

— Тьфу на тебя, Саныч, — недовольно поморщилась, вспоминая наше первое и очень даже фееричное знакомство. На даче у Араньевых. Я, Эльза, Саныч с ребятами и сатанисты.

Надо ли говорить, кому на Руси в тот день не очень-то хорошо жилось?

— Ладно, краса кладбищенская, — хмыкнув, омовец поднялся и потянулся, с удовольствием

хрустнув шеей. Меня от этого садистского звука передёрнуло от отвращения. — Погнал я тогда ребят радовать и готовится к мероприятию. Когда оно будет?

— А сегодня что? — мельком глянув на календарь, только вздохнула тяжело отмечая что уже собственно, как ни странно, пятница. — Так-с... Пятница-развратница, жаль мне после ЧМТ пить нельзя... — это я пробормотала себе под нос, но Саныч всё равно сощурилась, вновь внимательно меня оглядывая. Только вопросов задавать не стал, за что я ему была очень даже благодарна.

Если уж от расспросов Эльзы в дрожь бросало, а врать становилось почти невозможно. То этот мастер допросов с пристрастием одним своим добродушием мог заставить меня сказать всё как на духу. И плевал он на мои принципы с той самой колокольни, да...

— В субботу, Саныч, — весело улыбнувшись, я довольно потёрла руки, стараясь тем самым скрыть нервную дрожь. — Место встречи тебе известно, время Эльза обещала скинуть тебе лично. Я надеюсь, ты отомстишь всем этим нехорошим личностям за наши потраченные почём зря нервы?

— А ты сомневаешься? — и вновь добродушное фырканье, так не вязавшееся с общим видом мужчины. Махнув на прощание, Саныч торжественно покинул морг, оставив меня один на один с презентом, невесёлыми мыслями и осознанием того, что я не просто дура.

Я прямое проявление окончательного кретинизма во всей его красе. Потому что вместо того, что бы пользоваться связями по дружбе и по знакомству делаю что? Правильно. Пытаюсь решить всё сама, как взрослый самостоятельный человек. И ведь не вылечить же...

Тут, как в том анекдоте, исключительно трепанация черепа на живую! И то не факт, что поможет.

— Ну и рожа у тебя, Шарапов... — не к месту вдруг вспомнился непревзойдённый Глеб Жиглов и я всё-таки вернулась к бумагам, пробормотав себе под нос ещё одну фразу из любимого фильма. — Кофелёк, кофелёк... Какой кофелёк?!

Бумажка, так старательно спрятанная от шефа, нашлась на самом краю стола, в дальней стопке, погребённая под ворохом невесть откуда взявшихся отчётов за последние года так два. И судя по датам и пометкам рукою шефа, просрочены они были ещё до своего появления в стенах нашего морга.

Я прямо даже не знаю, и кого же мне стоит поблагодарить за такой подарок-то?

Потерев лоб, ещё раз глянула на предстоящее поле бурной деятельности. И искренне, от всей своей чёрной души позавидовала собственным пациентам. У мёртвых ведь, какая забота? Что бы патологоанатом, взявшийся за вскрытие, оказался без извращённых и криминальных наклонностей. Что бы в гроб положили в полной, исходной комплектации, без всяких там усовершенствований и недостачи особо памятных частей тел и внутренних органов. Да что бы посмертие спокойное было, угу.

А на всё остальное, им глубоко и откровенно плевать, извиняюсь за мой кривой французский. Вот мне бы так, честное слово. Но увы и ах, мечтать оно ведь, как известно, совсем не вредно...

Приступ острой жалости продержался ещё целых три минуты, после чего я встряхнулась, включила переносную магнитолу, тут же найдя любимый трек. И, подвывая непревзойдённому Лебединскому с его вечным «Я убью тебя, лодочник», принялась за крючоктворство. А именно:

бумажную волокиту, бюрократическую заковыку и старую, добрую фальсификацию документов.

Да, УК РФ не одобрит. Ещё как не одобрит! Но, по-моему, ни одна сфера деятельности, особенно связанная с просроченными отчётами не обходится без этого. А если у некоего, не будем показывать пальцем у которого именно, патологоанатома есть ещё и личная корысть в изменении предоставляемых данных...

Нет, ну в самом деле, не описывать же мне то, как три санитаря, желая побыстрее добраться до закуски и выпивки, пытались контрабандой провести мимо дежурного по моргу неопознанный труп мужчины лет двадцати пяти-тридцати? А застуканные на месте преступления поспешили спихнуть неучтённое (ну, почти) тело опешившей от такой наглости девушке. И тело, вот так сюрприз, оказалось не то чтобы не совсем мёртвым, оно оказалось совсем-совсем не мёртвым!

Больше того. Это тело имело счастье ожить в самый подходящий момент и пропустить ту милую сцену с вскрытием на живую. Но что-то мне подсказывает, что моё начальство вряд ли оценит такую приятную, пикантную и полную нехороших, совершенно не красящих морг подробностей историю в официальном отчёте. Поэтому сейчас девочка Женя вспоминает, как вытравливала чернила из дневника и что?

Правильно, берёт все необходимые реагенты из соседских запасов и удаляет ненужные сведения, подделывает подписи и страстно сожалеет о том, что все весёлые, приятные сердцу и глазу развлечения подпадают под какую-нибудь статью в том самом Уголовном Кодексе. А как же порою хочется...

Что мне там хочется я благоразумно додумывать не стала. Просто крутанулась на стуле и отправилась на дело, напевая себе под нос мелодию из старого доброго фильма «Миссия невыполнима». Я, конечно, не Том Круз, но и судмедэксперты на мировое зло пока что не шибко тянут, так что — сработаем и без ненужных спецэффектов.

Логово страшных и опасных экспертов сегодня было открыто нараспашку. И из этих открытых металлических дверей раздавался по-настоящему дикий, просто нечеловеческий ор. «Олух» пытался доказать «Лоху», что тот категорически не прав. Это могло означать только одно.

Товарищи неразлучники опять не сошлись во мнениях и, признав полную деструктивность идеи выяснить, кто прав с помощью силы, а дипломами меряться гордость не позволяет, перешли к стадии «кто кого переорёт!». Судя по громовым раскатам, пока побеждала Сова, но Винни, который Опух не был намерен сдавать своих позиций.

Мысленно перекрестившись и пожелав отделу судмедэкспертов всё-таки выжить после очередного спора парней, по стеночке прошмыгнула дальше, в сторону склада. И воспользовавшись истинным жлобством и одесской прижимистостью шефа, открыла дверь ключом от родной раздевалки. Захарыч сэкономил на замках, тем самым позволив собственным подчинённым совершать вылазки во вражеский стан за разными интересными штучками.

Чему я искренне радовалась, отсыпав в небольшую колбу сульфит натрия, и так же незаметно выскользнула обратно в коридор. Но, не удержавшись, всё-таки заглянула к товарищам экспертам, деланно поинтересовавшись у шумной парочки:

— Что за шум, а драки нет? Ну... — тут я скептически глянула на готовых сойтись в

рукопашном бою Артемия и Данилу. — Пока нет. Так в чём причина столь дикой и громкой дискуссии? У меня клиенты бастуют, требуют обещанный вечный покой и тишину!

То, что вопрос прозвучал зря... Ну мне стало ясно минуты через три, когда мозг вскипел от странных терминов, а в глазах потемнело от мельтешения парочки, прыгавшей по своему кабинету как обезьяны по клетке. Пришлось срочно делать ноги, пока меня же не привлекли к решению спорных моментов и только у поворота к своему любимому залу вспомнила. О той крайне интересной мысли, что постигла мою светлую голову пару дней назад.

— Дура, — коротко и ёмко охарактеризовала себя, поставив колбу на подставку, и хлопнув себя по лбу, мрачно уточнила. — Склеротичная дура. Да-а-а, Харон, сотрясение даром не прошло, явно...

Вздыхнув, чертыхнулась и развернулась, обиженно пыхтя и упрямо шагая обратно к неразлучникам. Те моего ухода даже не заметили, продолжая выяснять отношения. И улучив момент, когда оба выдохлись и прервались на небольшую передышку, я всё-таки поинтересовалась:

— Ну-ка, братцы-кролики. Колитесь, как Павлик Морозов на допросе! Как звали того виртуоза, что хакерством промышлял? Вы мне про него все уши прожужжали как-то.

— А? — на меня уставились два круглых от удивления и совершенно невменяемых взгляда.

— Мда, Хьюстон... Похоже, у нас проблемы, — глядя на закипающую химическую реакцию неизвестного происхождения на одном из лабораторных столов, я недовольно цокнула языком, скрестив руки на груди. Чувствует моя пока ещё не отбитая суровым отечественным криминалом печень, сейчас прольётся чей-то мозг...

Потому как этот детский, невинный, ничего не понимающий взгляд, в исполнении двух здоровых лбом, смотревших то на меня, то на внезапные последствия собственного опыта, ясно намекал на то, что тараканы устроили бунт, а разум взял долгосрочный отпуск.

И кстати, результат опыта только что проплавил дыру в металлическом лабораторном столе. Прямо даже интересно, что эти алхимики-недоучки умудрились намешать в этот раз и каким опусом отделаются от собственного начальства и упёртого, угрюмого завхоза?

— Когда я жаловался на скуку, я вообще-то не это имел в виду, — озадаченно протянул Жмур, разглядывая двух одиозных личностей, валявшихся в бессознательном виде на полу в коридоре. Машинально потеряв саднящий кулак, он задумчиво окинул взглядом лёгкий беспорядок, учинённый незваными гостями, и раздражённо вздохнул, слегка пнув одного из грабителей. — Слушайте, господа воры... Я понимаю, что русский народ деньги может спрятать много где... Но это ж какими путями ходила ваша фантазия, что бы додуматься выковыривать крем для обуви из банки? Вы там что, истину в последней инстанции искали или так, кайф ловили по-быстрому? Ну? Я кого спрашиваю, токсикоманы доморощенные?!

От удара ногой в живот один из парней шевельнулся и умоляюще замычал, глядя на мужчину жалобным взглядом. И только тогда до раздражённого бывшего трупа дошло, что грязный носок во рту помогает сохранить происходящее в тайне от соседей...

Но совершенно точно мешает проводить экспресс-допрос в домашних условиях. И кажется, близкое знакомство с некоторыми патологоанатомами негативно влияет на его манеры.

Незванных гостей, почему-то, совершенно не тянуло вежливо спросить, что они тут забыли.

Зато хотелось проверить, насколько разговорчивыми могут стать люди, если к ним применить психологический прессинг в стиле старых, добрых девяностых. Нет, ну почему бы и нет?

Тряхнув головой, Жмурик тихо фыркнул и вытащил телефон, с комфортом устроившись на втором неизвестном и ласково улыбнувшись тому, что пришёл в себя. Улыбка, видимо, впечатлила. Повторный обморок был жутко симулирован, парень для достоверности издал приглушённый полузадушенный хрип и подёргал ногой. Для большей убедительности, видимо.

— Я прям даже верю, — хмыкнув, доверительно сообщил ему бывший зомби и уже куда серьёзнее поинтересовался у собеседника. — Александр, у тебя не найдётся пара свободных ребят? Тут у меня гости объявились...

— Дорогие? — Спивак не выказал ни удивления, ни недовольства.

— Ты просто не представляешь насколько, — мельком глянув на часы, Жмур оценил, сколько у него есть времени до появления хозяйки квартиры. — Надо бы поинтересоваться, кто это и что ж им надо от бедной, одинокой девушки.

— Насчёт бедной и одинокой я бы поспорил, — сухо усмехнулся Александр, зашуршав бумажками и коротко отдавая приказы кому-то из своих подчинённых. — У неё в гостях сегодня был такой впечатляющий экземпляр, что мои парни только озадаченно присвистнули. Но судя по тому, что после его ухода в морг не нагрязнул отряд быстрого реагирования, твоя подопечная или дура, или слишком гордая... Или и то и другое вместе.

— Поверь, она с этим даже не спорит, — Жмур на такую критику в адрес Женьки не обиделся, хотя слышать её было несколько неприятно. Как и упоминания очередных кадров рядом с ней.

Где она их находит-то только? Её вообще можно оставить без присмотра?!

Скептически глянув на двух воров, полировавших собою потёртый линолеум, он вынужден был признать, что нет. Оставлять Харон одну и без присмотра чревато. Язык за зубами она держать не очень-то умеет, а вот неприятности находит только так.

Причём, кажется, без особых усилий со своей стороны.

— Парни будут через полчаса, — вздохнув, Спивак вновь зашуршал бумагами. — Ещё что-то?

— Пока нет, — задумавшись на пару минут, Жмур хлопнул себя по лбу и осторожно спросил. — Цветы подарили?

— Это всё, что тебя волнует? — искренне удивился Александр и чему-то усмехнулся, явно забавляясь. — Да. Судя по вдохновенным, но не очень цензурным словам на лилии у неё аллергия. Так что подарок оценили по достоинству... Когда прочихались.

И Спивак на этой ноте отключился, оставив недо зомби сидеть, уткнувшись лицом в ладони и усиленно кусать губы...

В вялой и абсолютно провальной попытке не заржать. Господи, с ней хоть что-нибудь будет так, как надо? Нормально, а не непонятно куда и как?!

— Если я чешу в затылке — не бе-да! В голове моей опилки, да-да-да... — тихо пропела я, свесившись через перила и только чудом ещё не наворачнувшись вниз с трибуны. Выпрямившись, почесала в затылке и осторожно поинтересовалась у хранившей молчание Эльзы. — Так в чём эта компания накосячить умудрилась, говоришь? Не, не пойми меня не правильно... Мне их не жалко... — тут опознанный по комплекции и незабываемому улюлюканью Саныч всадил кому-то в филейную часть чуть ли не пол обоймы и я машинально потёрла собственный зад. — Уй... Ладно, почти не жалко. Но всё-таки?

— Я ж не спрашиваю, где ты нос сломать умудрилась, — флегматично откликнулась подруга, поднося бинокль к глазам. — Тем более, это ж Верещагин... И друзья, готовые всегда ему помочь, его поддержать и вообще, за любой китпешь окромя голодовки...

— Знаешь, я бы лучше поголодала, чем улепётывать от Саныча с компанией, — кажется, кому-то подозрительно рыжему только что чуть не снесли всё самое дорогое. Ладно, хоть Саныч сжалился-таки над бедным Харлеем и промазал.

Ну... Почти. Пару сантиметров в сторону и веером вверх. Нет, по-моему, в душе наши brave омовцы чуть-чуть садисты. Потому как явно растягивают удовольствие, раскрашивая противника под хохлому. Причём, в прямом смысле этого слова.

— Ну, так у тебя остатки инстинкта самосохранения не до конца выветрились и разум, в паре с логикой, где-то ещё проскальзывают, — Эльза чему-то усмехнулась, с удовольствием наблюдая за эпичным сражением, разворачивающимся внизу. — И что-то мне подсказывает, ты не зря лопату прихватила...

— Ой, ну не напоминай, а... — я закрыла лицо ладонями, расхохотавшись и вспоминая, как мы, собственно, прибыли на место проведение игры...

Стоя утром в ванной, я размышлял о двух вещах. Где взять пулемёт и как избавиться от собственного излишнего человеколюбия. Первое мне нужно было, дабы расстрелять соседей, по старой доброй традиции решившей проверить прочность несущих стен при помощи перфоратора. А второе надо бы закопать в ближайшем лесу хотя бы до позднего вечера.

Отказываться от предстоящего зрелища я не собираюсь даже за возможность проверить, что на самом деле прячется за всеми этими тряпками у мумий в Древнем Египте! Я всё-таки не настолько в душе археолог, что бы поменять высохших жмуриков на великолепную перспективу позлорадствовать над чужим несчастьем.

Так что мстительно и вдохновенно послав любовь к ближнему своему осваивать новые, неизведанные ей территории, я наскоро умылась и понеслась собираться. Сан Саныч обладал небывалой чуткостью и просто невероятным пониманием...

Но не в этот раз, ох не в этот раз. Омоновец культурно и вежливо пообещал выдернуть меня из дома в том, в чём я буду и так и доставить на полигон пейнтбольного клуба «Барс», расположенного в десяти километрах от города в лесу. И я ни капли не сомневалась в том, что он обязательно выполнит своё обещание. Тем более, что прецеденты уже случались, плавали — знаем!

До сих пор понять не могу, как нас никто не арестовал-то, когда Саныч утащил меня прямо после вскрытия, в рабочей форме, по локоть в крови и... Слава богу, всё-таки, что чужой желудок я успела выпустить из рук, да. А то вот был бы казус!

Насмешливо фыркнув, я отмахнулась от вопросительного взгляда Жмурика, развалившегося на

диване. Парень только вздохнул, возвращая своё внимание бедному тамагочи. Не знаю, что уж он там хотел с ним сделать, но несчастный последние минут пять верещал как резанный, явно угрожая покончить жизнь самоубийством.

Пожелав игрушке выжить, я с головой зарылась в шкаф, выбирая простую, удобную и не очень мрачную одежду. Найти такую мне не удалось, поэтому через пять минут бесплотных поисков я плюнула, вытащив чёрную футболку, светлые джинсы и ту самую толстовку, удачно экспропрированную у Шута. Скинула домашнюю майку, вместе с пижамными штанами и принялась переодеваться, мурлыча себе под нос мелодию из фильма «Челюсти».

Короткий, судорожный вздох за спиной застал меня в процессе засовывания второй ноги в штанину джинсов. Замерев в нелепой позе, аля та самая белочка с радикулитом, я попробовала найти в себе хоть немного смущения по поводу внепланового стриптиз-шоу. Смущение находится отказывалось. И вместо того что бы спрятаться хотя бы за дверью шкафа, я флегматично пожала плечами, продолжая натягивать штаны и напевать пугающую мелодию с возрастающей громкостью и радостью.

Пока не запела в голос, сумев-таки застегнуть джинсы и даже не потеряв способности дышать при этом:

— Та-дам... Та-дам... Та-дам, та-дам, та-дам, там! Нет, худеть мне всё-таки надо... Жмурик, а ты как думаешь?

Тихое, но ёмкое и явно цветастое ругательство на неизменном корейском стало мне ответом. Жмур глянул на меня обиженно и смылся на кухню, старательно избегая моего удивлённого взгляда и щеголяя ярким румянцем на щеках. Я с интересом проследила за такой резкой сменой окраски кожного покрова и пожала плечами, одёргивая любимую футболку.

На груди подмигивал лисёнок-чертёнок с вилами в лапах, на спине сияла говорящая надпись «Коротко обо мне: Не Рекомендую», а на лице цвела пакостная улыбка, не сулившая никому ничего хорошего. Я была бодрой, в меру язвительной и тайно жаждущей власти над миром.

Нет, ну а что? Имею право, в конце-то концов! День рождения он же это, раз в году, вот!

— Узрите смертные явление Властелина своего-о-о... — протянула замогильным тоном и попыталась изобразить злодейский смех. Закономерно поперхнувшись воздухом, закашлялась и полезла в задний карман джинсов за завибрировавшим телефоном. — Да! Будущий Тёмный Владелец Мира приветствует вас! Продать душу? Заказать соперника? Приворожить подружку?

— Комплекцией маловата. Для Властелина-то, — хмыкнул в ответ Саныч и педантично напомнил. — Три минуты. Иначе...

— Понял, осознал, корону временно отложил в сторону, — бодро отрапортовала, сиганув из комнаты в коридор и принявшись в срочном порядке шнуровать зимние кеды, попутно нащупывая шарф и шапку на зеркале. — Слушай, Саныч, а мы там нигде мимо хозяйственного не проедем случаем, нет?

— А тебе зачем?

— Надо, Саныч, вот не поверишь как надо, — пакостно захихикав, я выпрямилась, намотав шарф на шею так, что бы в случае чего можно было закрыть нос, и нахлобучив шапку по самые брови.

— Ну надо, так надо, — добродушно усмехнулся мужчина и напомнил. — Две минуты пятнадцать секунд.

— Тьфу на тебя! — ругнулась, засунув телефон в карман куртки и выскочив из квартиры, прихватив ключи и фотоаппарат в специальном футляре. Крикнув на прощание, выглянувшему из кухни и чем-то явно недовольному Жмурику. — Увидимся вечером, зомби!

По лестнице не шла, летела, причём, порою, чуть ли не в прямом смысле этого слова. Из подъезда не вышла — вывалилась, попав прямо в загребущие руки поджидавших меня парней. Тут же принявшихся меня тискать, подкидывать, обнимать и пытаться дёрнуть за уши.

— С Днём Рождения, мертвячка!

— С днюхой, змеюка подколотная!

— Эй, Харон, успела кого-нибудь с утра препарировать или сладкое на вечер?

Я терпела. Героически терпела все эти нежности в исполнении амбалов под два метра ростом, с широкими плечами и руками, способными согнуть лом. Их было не много, всего-то трое! Но учитывая комплекцию, рост и любовь к моей скромной персоне вскоре я взмолилась о пощаде:

— Ребятушки, пожалейте бедного патологоанатома... А то он не пожалеет вас и будете со своей красивой одежки отскребать мой завтрак!

— Цыц, мелочь, — раздался зычный командный глас в исполнении Сан Саныча и меня тут же поставили на ноги, пригладили взъерошенные волосы, натянули обратно шапку и соорзили невинные лица. — Марш в машину и вперёд, координаты места встречи я вам дал.

— Так точно, кэп! — дружно гаркнули бравые солдаты и скрылись с места преступления. Да так стремительно, что я и опомниться не успела, как их уже и след простыл.

— Мастер, — уважительно присвистнула, переживая приступ острой зависти. И поделилась наболевшим, зацепившись за локоть омонвца и повиснув на нём. — У меня пока такой командный рык не получается. Приходится подкреплять оный чем-нибудь тяжёлым по голове, что бы повысить мотивацию и улучшить исполнительность.

— Ты себя недооцениваешь, — хмыкнул Саныч, открывая передо мною дверь пассажирского сиденья своего внедорожника и помогая забраться в него. Сам устроился за рулём и, выезжая со двора, всё же вновь поинтересовался. — Так зачем тебе в хозяйственный магазин?

— Инструмент один приобрести, — расплылась в коварной улыбке, потирая руки и предвкушая грандиозную пакость. — Ты же не откажешь имениннице в небольшом развлечении?

— Как я могу, — Сан Саныч остановился на перекрёстке и, нагнувшись к заднему сиденью, сунул мне в руки букет ромашек. — С днём рождения, Жень.

— Спасибо, — вздохнула, сунув нос в цветы. И улыбнулась, радуясь, что это не злосчастные лилии.

Не знаю, кому пришла в голову подарить мне тот шикарный веник, но что б ему икалось и чихалось так же, как и мне! Зал потом часа два проветривали, пока у меня глаза слезиться не перестали... И если это дело рук Васи-травматолога, то не пойти ли ему куда-нибудь открытым

и нецензурным текстом!

Совершив небольшой вояж в ближайший хозяйственный магазин, мы выехали за город и минут через десять оказались на месте. Там уже теснились на парковке два уже знакомых мне байкерских внедорожника, скромная иномарка Араньевых и не менее скромная отечественная легковушка с тройкой омовцев, уже стоящих рядом с нею и во всю над чем-то гоготавших. На них сдержанно косилась компания парней во главе с рыжим пещерным жителем. Веник с Димычем наоборот, выбрались из машины и присоединились к разговору со старыми знакомыми, а Эльза...

Эльза, заметив нас с Санычем, открыто, радостно заулыбалась и замахала рукой, направившись в нашу сторону. Возмущённый окрик Верещагина подруга стойко проигнорировала, лишь косу через плечо перебросила и едва заметно дёрнула плечом. Олежек понурился и вздохнул. Я озадачилась.

Нет, ну чем же они так провиниться-то успели?! Что бы Её Ледяная светлость да вернулась к прежнему непробиваемому образу... Это должно было быть что-то невероятное в своей глупости и фееричное в собственной дурости, явно!

Выбравшись из машины, я тут же попала в холодные руки Фроз и с удовольствием обняла её в ответ. Даже за уши себя подёргать разрешила, под понимающую усмешку Саныча и двойной гогот со стороны его подчинённых.

— Ну что, сегодня у нас только хлеб и зрелища? — фыркнула Эльза, отступая на шаг назад и засовывая руки в карманы своего полушубка.

— Айн момент! — хлопнув себя по лбу, я жалобно глянула на Саныча. И тот со вздохом щёлкнул брелоком, открывая багажник. Куда я и рванула, вытаскивая своё приобретение, завёрнутое в упаковочную бумагу...

Только подчёркивающую форму и содержание оного.

— Лопата? — недоумённо протянула Эльза, скептически оглядывая мою ношу. Я кивнула и хитро сощурилась. Подруга понимающе фыркнула. — Развлекаешься, чёрная душа? Ну, кто бы сомневался, собственно...

— Отставить сомнения, — хмыкнула и бодро зашагала в сторону мужчин, сгруппировавшихся в единую кучу и теперь усиленно знакомившихся друг с другом.

Только Веник на нас оглянулся и смешно округлил глаза, дёрнув за рукав старшего брата. Димыч, заметив, с чем я к ним иду, только понимающе улыбнулся, но ничего говорить не стал. Отступил чуть в сторону и стал ждать дальнейшего развития событий. Которое, собственно, не заставило себя ждать!

Что может быть необычного в невысокой девушке, вклинившейся в тесный круг суровых мужчин, взирающих на неё с неподдельным удивлением? И только единицы из них поглядывают как на врага народа и то, по причине излишней осведомлённости о делах прошлых, о характере мерзком и душе чёрной?

Да ничего, собственно. Ну, подумаешь лопата на плече совковая. Так мало ли, вдруг я сокровища искать собираюсь? О чём я бы им и сообщила, не опереди меня одна рыжая и, теперь уже, бритая личность:

— Харон. А на кой хер тебе лопата совковая сдалась? На пейнтболе-то?

— Ка-а-ак? — деланно удивилась и чуть руками не всплеснула. Хорошо, что вовремя про лопату вспомнила и ограничилась невинным хлопаньем глаз. Правда, не поверил никто, ну да ладно. — А трупы-то, трупы как закапывать?!

— Какие трупы? — нахмурился Алёхин, затушив окурочек и недоумённо глядя то на меня то на снисходительно улыбающуюся Эльзу.

— Там, где есть патологоанатом, обязательно будут трупы, — любезно просветила бедного Медведя и добавила, заунывно растягивая гласные. — Доктор сказал в морг? Значит в морг! А земля нынче промёрзлая, подручными средствами землю не расковыряешь. Куда ж без лопаты-то?!

Гробовое молчание согрело мою бедную душу и изрядно порадовало. Не глядя протянула раскрытую ладонь Эльзе. Та хлопнула по ней рукой и, взяв меня под локоть, направилась в сторону входа.

Надо ли уточнять, что вслед мне неслись не самые ласковые комментарии? Которые моя чёрствость благополучно пропустила мимо ушей, потирая лапки и предвкушая невиданное по своему размаху зрелище. Ведь байкеры ещё даже не представляли всю глубину нашего с Фроз коварства, и знать не знали, против кого им придётся выйти на поле...

Злодейский смех прорывался против моей воли и звучал ну очень впечатляюще, на фоне лопаты, что я гордо и мужественно продолжала нести на своих плечах. Вот так, собственно, мы с Эльзой и оказались на зрительской трибуне. И не успели моргнуть даже глазом, как внизу под нами разверзлась бездна Ада...

В смысле, игра началась.

Надо признать, первоначально подразумевалось, что будет лёгкое избиение младенцев. Потому как физическая подготовка доблестных омовцев явно была лучше, чем у байкеров. Нет, последние тоже щеголяли впечатляющей мускулатурой и вообще, явно не брезговали силовыми тренировками. Но всё же, где они и где мужественные служители правопорядка?

Однако, практика показала, что игра будет почти на равных. И спустя минут так тридцать мы уже с интересом следили за миграцией двух стай на небольшой, строго ограниченной территории и продолжали обмениваться едкими замечаниями время от времени. Пока декорации разносились в щепки, несчастные кустики безжалостно выламывались, а сугробы пережили не одну встречу с буйными и горячими головами. А уж по какой траектории пресловутые шарики с краской летали...

Я невольно порадовалась тому факту, что трибуну окружали защитные экраны. Мне-то ладно, хуже не станет, а если в Эльзёныша попадут?

Подруга же смерила меня очередным задумчивым взглядом поверх бинокля и невозмутимо осведомилась:

— Ничего не хочешь мне рассказать?

— По поводу? — как можно более невинно поинтересовалась, слишком внимательно вглядываясь в носящихся по полигону мужиков. Те улюлюкали, гоготали, орали матом и явно набирались впрок незабываемых ощущений.

— Харон... — вздохнув, Эльзёныш отложила бинокль в сторону и засунула руки в карманы, покачиваясь с пятки на носок и обратно. — Ты же знаешь, я не лезу в чужую жизнь и считаю, что если тебе понадобится помощь, то ты обязательно об этом сообщишь... Но ещё я знаю, что твоё упрямство зачастую заглушает голос разума. Поэтому всё-таки переступлю через собственные принципы и пока что вежливо поинтересуюсь: что у тебя случилось и откуда на твоём лице внеплановые изменения формы носа?

— Эм... — озадаченно протянула, пытаясь сходу придумать какую-нибудь достаточно правдоподобную версию случившегося. Мозг работать отказался, воображение изменило мне с совестью. И по итогу я смогла только выдать жалобно, разведя руками в сторону и состроив умильное выражение лица. — Упс?

— Информативно, — согласно покивала головой Эльза и, протянув руку, ухватила конец шарфа, скрывавший половину моего лица. Дёрнула на себя, стягивая мешающую деталь туалета, и любопытствовала. — Но всё-таки... Что произошло?

— Небольшое недопонимание, — вздохнула и опёрлась локтями на перила, подперев щёку кулаком.

— Между тобой и трупами? — иронично вскинула брови Эльза, вновь поднося бинокль к глазам.

— Между мной и некоторыми моими коллегами... И льдом. Прямо как Семён Семёнович Горбунков! Упал, очнулся — гипс! — подруга тихо фыркнула, наградив меня скептическим взглядом, явно не поверив не одному моему слову. — Да нормально всё, Эльзёныш. Не волнуйся. Тебе — вредно!

— Я и не волнуюсь, — фыркнув, Эльзёныш едва заметно поморщилась. — Но этот токсикоз... Я даже задумываюсь о том, что бы попросить у тебя пару сборов... И посмотреть, как подобное состояние будет переживать виновник оного!

— Чисто гипотетически, я могу собрать нужный состав, — озадаченно почесала затылок, краем глаза следя за обстановкой на игровом полигоне. И, не выдержав, рывкнула. — Саныч, не сачкуй! Я знаю, что жалко и совесть нависла Дамокловым мечом над твоей головой! Но пока — я за неё, и во мне ни грамма сочувствия к некоторым личностям! Так что заканчивай халтурить! Арбайтен, негра! Солнце ещё высоко, а руководство близко и может чем-нибудь стукнуть!

Как я при этом не навернулась вниз, сама не поняла. И даже почти не возражала, когда Эльза дёрнула меня за капюшон, вынуждая присесть и полностью спрятаться за щиты. А сама осталась стоять, не обращая внимания на пролетевшие в нескольких сантиметрах от неё шарики, оставившие яркие пятна на стене. Даже бровью не повела, только вздохнула тяжело, качая головой:

— Да, я определённо тебе польстила насчёт инстинкта самосохранения... Сильно польстила. Ещё и в разуме твоём стоит усомниться, потому как более идиотского способа самоубийства сложно представить. Впрочем... — Эльза задумчиво постучала пальцем по подбородку, прежде, чем вернуться к своим наблюдениям. — Готова поспорить, ты ещё можешь нас удивить.

— Язва, — фыркнула, выбираясь из укрытия и даже не думая обижаться на слова подруги.

— Гастрит переросток, — лаконично отозвалась, вздохнув. — И всё-таки... Что произошло,

Харон? Или происходит?

Вздыхнув, я пристроилась рядом с ней, вновь опёршись локтями на перила. Сцепила пальцы, покусала нижнюю губу и снова вздохнула, приняв для себя решение.

— Эльзён, — прижалась к ней боком, следя за скачущими, аки молодые олени по полям, мужчинами. — Ты ж меня знаешь...

— Вот из-за того что я тебя знаю, я и не давлю на тебя и не пытаюсь узнать всё силовыми методами допроса, — Фроз тихо усмехнулась, не прерывая своего занятия и...

Невольно поёжившись. Я нахмурилась, прикинув, сколько мы уже тут торчим как два тополя на пресловутой Плющихе. И подхватив не сопротивляющуюся Эльзу под локоток, потащила её к лестнице, задавшись целью найти горячий чай, тёплое помещение и согреть эту ледышку, пока она не простыла.

— Пошли в контору, ледяная светлость, — перепрыгивая через две ступеньки, утащила вяло отнекивающуюся подругу в гостеприимно распахнутые двери клубного офиса. Отмахнулась от встрепенувшегося администратора и усадила её (Эльзу, а не сотрудницу клуба) в кресло. — Так. Сидеть — бояться. Шаг вправо, шаг влево расстрел! Прыжок на месте...

— Попытка улететь, — фыркнула подруга, подперев щёку кулаком. — Я помню. И зря ты меня утащила, я совсем не...

Резко оборвав себя на полуслове, подруга побледнела и, найдя глазами соответствующую вывеску, унеслась в сторону туалетной комнаты. Попутно проклиная байкеров, своё состояние и неугомонное дитё, решившее лишить её последнего, честно отобранного в неравной борьбе с братьями бутерброда.

Правда, особого гнева я в её голосе всё равно не услышала. Поэтому и не стала обращать внимания, облокотившись на стойку администратора и поинтересовавшись:

— Чай травяной найдётся? Горячий. И сладкий. Две кружки, пожалуйста.

— Одну минуту, — натренированно сверкнув вежливой улыбкой, девочка скрылась в подсобном помещении, оставив меня один на один с невесёлыми думами. Точнее с одной думой. И весьма определённой.

Как бы так сказать Эльзе, что проблемы есть, но я их сама решу и обращусь в случае крайней необходимости за помощью, что бы, во-первых, не выдать себя...

А во-вторых, не расстроить подругу. Прямо задачка для хвоста, не иначе. Хвоста, которого меня благополучно могут лишить, если почувют фальшь, ложь и увиливание. Не подруга, а детектор лжи ходячий какой-то!

— Уф, — объект моих тяжёлых и неприятных размышлений появился быстрее, чем я ожидала. Эльза вздохнула, перевела дыхание украдкой и устроилась в одном из кресел для посетителей, благодарно улыбнувшись девочке-администратору, принесшей наконец-то чай.

Ей богу, такое ощущение, что она за ним на Цейлони как минимум летала.

— Лучше? — устроившись напротив неё, взяла свою порцию горячего напитка и тут же крепко обхватила кружку изрядно озябшими пальцами, грея ладони.

— Угу, — Фроз криво усмехнулась, делая маленький, очень осторожный глоток и откинулась на спинку кресла. — Радует, что это ненадолго. Печалит, что я до окончания этого ненадолго, такими темпами могу и не дотянуть. Ну и слегка греет душу, что мне всё же удаётся скрывать все признаки от собственного парня. Не скажу, что это правильно...

— Это глупо, — не смогла удержаться и вставила свои пять копеек.

— Не глупее, чем влипнуть в неприятности и усиленно делать вид, что никто не может тебе помочь из них выбраться, кроме тебя самой, — беременность с одной стороны несколько смягчила хладнокровную и выдержанную Эльзу, с другой обострила её природное и благоприобретённое ехидство, сдобрив оное ударной порцией яда.

Я невольно радуюсь тому факту, что не мне приходится терпеть сутки напролёт её острые реплики и едкие замечания. А ещё завидую терпению Верещагина и его слепоте. Не спорю, актёрскими талантами мою любимую отмороженную светлость никто не обидел...

Но это ж как надо в упор не замечать очевидных признаков? Или он до сих пор думает, что его девушка просто привыкает жить с ним вместе? Спросить, что ли напрямую или подождать ещё немного?

— Один-один, — согласно кивнула головой, продолжая медленно пить чай. Телефон настойчиво пиликнул оповещением, вынуждая оставить в покое горячий и, на удивление, вкусный напиток в сторону. Дабы всё-таки выяснить, кому ж там без меня жизнь не мила-то сегодня?

Оказалось, жить без меня не мог Винни, который Опух. Поделится новостью, что его друг, Ужас Пентагона и Всея Америки, с простым и мирным именем Ваня Петров нашёл какую-то информацию и уже скинул мне на электронную почту. А за одним Винни, он же Артемий, потребовал от меня приструнить обнаглевших санитаров. Видите ли, они у него сульфит натрия свистнули, бессовестные.

Клятвенно пообещав товарищу разобраться в данной ситуации (и мысленно попросив у бедных санитаров прощения за тяжкий грех воровства, что лёг благодаря мне на их бедные плечи), убрала телефон обратно в карман.

И улыбнулась Эльзе, смотрешей на меня слегка выгнув бровь и нетерпеливо постукивая пальцами по подлокотнику. Подруга только глаза к потолку возвела и всё же озвучила свой вопрос ещё раз:

— Итак? Что произошло? И стоит ли мне звать группу поддержки в лице Веника и Димыча?

— Давай договоримся так, Ваша ледяная светлость, — я хмыкнула, залпом допивая остывший чай. — Если меня прижмёт, ты будешь первая, кому я позвоню в остром приступе паники. А пока сиди, пей чай, грейся и... Наслаждайся последними минутами тишины.

— Хм?

— Да судя по гоготу, который я даже среди ночи не смогу не узнать, наши олени... В смысле, орлы! Так вот, наши орлы налетались и теперь изволят хотеть жрать, — мрачно закончила мысль и очень даже вовремя.

Двери открылись с пинка, и в небольшой конторе сразу стало как-то тесно и остро не хватать свежего воздуха. Мужики перезнакомились и теперь бодро обсуждали дальнейшие планы, включавшие в себя выезд на природу (им что, этой мало было?!), шашлыки и некоторое

количество алкоголя. И наше с Эльзой мнение никто не спрашивал, подхватив на руки и утащив в неизвестном направлении...

Ну как неизвестном? Меня принял добрый Саныч, а Фроз захватила в плен вражеская коалиция в лице небезызвестного Верещагина сиявшего как начищенный, медный пятак. И проявляющийся на скуле синяк только усугублял сходство, но не портил байкеру настроение, совершенно.

Я же, вися в надёжной хватке омовца, всерьёз задумалась над тем, выживу я после своего дня рождения или нет? И как объяснить бедному Жмурику своё позднее возвращение в состоянии лёгкого подпития?

А самое главное, почему я вообще над этим задумалась-то?!

— Лицо попроще, пожалуйста, — Спивак, усевшись за столик напротив него, вежливо улыбнулся подоспевшей официантке. — Чашку кофе, чёрного.

— Одну минуту, — девушка в который раз попыталась соорудить глазки очередному хорошо упакованному клиенту. И потерпев очередную же неудачу, украдкой вздохнула и поспешила выполнить заказ, скрывшись куда-то в сторону бара.

Александр, проводив её задумчивым взглядом, хмыкнул собственным мыслям, и небрежно выдал:

— Знаешь, всё было бы несколько проще, если бы объект твоих симпатий был кем-то вроде... Ну, предположим, официантки. Милая, улыбчивая, насквозь меркантильная... Мечта, а не девушка. Точно знаешь, что от неё ждать и никаких непредвиденных ситуаций... — глянув украдкой на недовольно хмурящегося Жмура, мужчина вытащил пачку сигарет, прикурил и вздохнул. — Я же сказал, сделай лицо попроще. Я твой выбор не одобряю, но по крайней мере могу понять, чем же тебя так привлекает эта... Девушка, да...

— Она необычная, — наконец, подал голос Жмур, бездумно помешивая давно остывший кофе.

— Кхм... — Спивак сделал затяжку, выпустил кольцо дыма в воздух и хмыкнул. — Это ты явно недооцениваешь её способности. Ты в курсе, что у неё имеются довольно дружеские отношения с командиром отряда ОМОНа?

— Угу, — мужчина нахмурился, украдкой вздыхая и стараясь не думать о том, какие...

Ну скажем так, не очень хорошие мысли были в его голове, когда выглянув в окно он лицезрел картину бурных приветствий. Три здоровенных, симпатичных и явно близко знакомых с Женькой парня радостно тискали девушку. И та, вот удивительное дело, даже не сопротивлялась. Не сильно, во всяком случае, и не очень активно.

Как оказалось, ревность эта такая неприятная штука, на самом-то деле. Особенно, когда сам ты не имеешь ни малейшего представления о том, что именно испытываешь к девушке. Интересная? Да. Нравится? Ну, наверное. Привлекает как женщина?

Ложка ударилась о край кружки, совсем немелодично звякнув. Жмур пару секунд смотрел на неё, склонив голову набок, а потом машинально кивнул, вновь погружаясь в свои

размышления. И приходя к выводу, что после сегодняшней эскапады Женьки и его реакции, она его привлекает, да. Очень, мягко говоря, привлекает.

И он сам не знает, как оно так получилось-то, что хамоватый, болтливый, едкий патологоанатом вдруг оказалась кем-то важным, нужным и притягивающим к себе с не дюжей силой.

— Как всё запущено, — хмыкнул Александр, благодарно кивнув официантке, поставившей перед ним чашку кофе. — Впрочем, ты взрослый мальчик... Разберёшься... Наверное.

— Твоя уверенность во мне просто потрясает, — не удержался от ядовитой реплики Жмур, отложив ложку в стороне и сделав небольшой глоток. Кофе успел изрядно остыть, но он всё равно продолжал пить холодный, горький напиток. — Ты что-нибудь узнал?

Александр вздохнул, оставив кружку в сторону и вытащив ещё одну сигарету. Прикурил, медленно затянулся и цокнул языком:

— Вот никогда бы не подумал, что морг может быть настолько интересным местом. Видимо, в своё время не на ту сферу деятельности я внимание обратил, ох не на ту... Надо было трупами заниматься, — помолчав немного, Спивак хмыкнул, поясняя в ответ на вопросительный взгляд Жмурика. — Как показала собранная моими людьми информация, это не только прибыльное дело... Это ещё опасное такое дело, рисковое и полное приключений. Казалось бы? Ну что такого может быть в морге? Трупы, бумажная волокита, вечно ноющие родственники, низкая зарплата... Ан нет. Там ещё есть интриги, криминальные авторитеты и заядлые игроманы. На их фоне твоя девочка — просто божий одуванчик, даже со всеми своими заскоками.

— То есть? — нахмурившись, бывший зомби оставил кружку в сторону и откинулся назад, скрестив руки на груди.

— Она, конечно, то ещё чудо... — Александр едва заметно улыбнулся в ответ на откровенно поморщившегося Жмурика. Тому не шибко понравились заинтересованные нотки в голос мужчины и он даже не пытался это скрыть. — Но чудо честное. В криминал не лезла и не лезет. Заядлый трудоголик со специфическим чувством юмора. Сирота... Но это ты и так уже знаешь. Начальник у неё тоже вполне себе тихий и мирный. Ну, насколько может быть тихим и мирным еврей с одесскими корнями и с именем Ивар Захарович Блюменкранц. А вот коллеги... — тут Спивак неприятно усмехнулся, положив на стол небольшую по толщине папочку и подтолкнув её замершему в ожидании парню.

— Всё так страшно? — Жмур братья за бумаги не спешил, положив поверх папки ладонь и отрешённо постукивая по ней пальцами.

— Это с какой стороны посмотреть, — Спивак задумчиво повертел в руке зажигалку, явно раздумывая закурить или не стоит. — Если брать в целом — удручает, но не смертельно. Если брать конкретных людей и конкретный морг... Понимаешь, друг мой, на одном конкретном патологоанатоме, не первый год, кстати, планомерно расчищающем себе путь к креслу заместителя, как оказалось слишком много завязано. Настолько много, что убрать его тихо и незаметно не получится. Надавить, чтобы не лез к одной конкретной коллеге — тоже, она, как оказалось, опередила его в борьбе за власть. Да и просто отпугнуть его от такого хлебного места не вариант. За ним стоят не самые последние люди. Птицы, конечно, невысокого полёта, но какую-никакую власть и репутацию имеют. И связи. А это, как ты сам знаешь, далеко не последняя вещь в этом мире.

Жмурик знал. Вот уж кому-кому, а ему объяснять прописные истины не стоило. Связи решали

если не всё, то многое. Связи в полукриминальных и криминальных делах могли сотворить чудо на ровном месте или стереть одного конкретного человека с лица города просто потому, что он не так и не там сказал всего одно слово. И даже если у тех же бандитов нет никакой выгоды от убийства милой, но слишком острой на язык Жени Хариной, это вовсе не означает что они на него не пойдут. Особенно, если эта самая Женья будет мешать их делу.

А в том, что Харон будет им мешать, сам бывший труп ни капли не сомневался. Увы, упрямство её не красило, а теперь вообще напрямую угрожало её же жизни.

— Твои предложения? — нахмурившись, Жмур жестом подозвал официантку, попросив повторить заказ, и уставился в окно, бездумно разглядывая прохожих.

Спивак потёр подбородок, что-то прикидывая в уме и выдал:

— Нужно время. Подготовить почву, найти рычаги давления, достать компромат. А затем надо будет занять её на пару дней, дабы всё повернуть. При должной подготовке этого хватит, что бы превентивно объяснить всем заинтересованным лицам, куда соваться не стоит. А тем, кто не понял, устроить радостную и долгожданную встречу с полицией.

— Пара дней? — скептически отозвался Жмурик, вновь скрестив руки на груди. Он проигнорировал очередную попытку заигрываний со стороны официантки, прикусив нижнюю губу и сосредоточенно думая над словами друга. — Нет, это исключено. Максимум сутки и то, если мне повезёт.

— Ну сутки, так сутки, — мужчина недовольно поморщился, но возражать не стал. — В принципе два дня — это я с запасом назвал, так что в целом, в двадцать четыре часа мы уложиться сможем. Но не все хвосты получится подчистить, так и знай. Так что если твоя девушка не дура...

— Она не моя девушка.

— Угу, — Спивак весело фыркнул, насмешливо сощурился. — Давай на чистоту? Ты попал в передрагу, она тебя спасла. Любой другой человек ограничился бы простым спасибо и не стал бы дальше испытывать чужое терпение и гостеприимство на прочность. Но тебе вдруг стало интересно, и ты решил прикинуться немым, застряв в квартире одинокого патологоанатома на две недели. И столько же ещё, наверное, придётся там провести. Ты хочешь решить её проблемы, помочь попавшей в беду девушке и при этом старательно делаешь всё так, что бы она об этом не узнала и не задеть её чувства. Поправь меня, если я ошибаюсь, но что это ещё, если не очень нежные и трепетные чувства под названием любовь?

Каждое сказанное слово попало в цель. Жмур ведь действительно не сильно задумывался над тем, почему до сих пор остаётся в компании Женьки и не чувствует от этого никакого дискомфорта. Ему было интересно, с ней определённо не было скучно и...

Да, чёрт, он же сам в этом признался! Его к Харон притягивало, да так, что даже прекрасно понимая насколько он проигрывает в силе и скорости трём омовцам, бывшему трупу жуть как хотелось выйти из квартиры и навсегда отвалить парней лапаты и тискать чужое. Даже если это чужое совсем не в курсе того, что кому-то уже принадлежит.

А ещё, тут Жмур тихо хмыкнул, вспоминая подробности, он имел сомнительное удовольствие пообщаться с Васей-гарака... В смысле, Василием, травматологом и просто отчаянным парнем, набравшимся смелости что бы приехать к Харон домой. И, может быть, бывший труп даже

дверь не открыл бы на этот настойчивый стук...

Если бы не одно «но». И звали это «но» Женей, которая вполне могла повторно прочувствовать на себе всю прелесть силовых методов принуждения. Так что вполне оправдано взволнованный Жмурик дверь поспешил открыть. Что бы сразу же уткнуться носом в шикарный и от этого не менее вонючий букет лилий. Крупных таких, белых лилий, на которые у хозяйки квартиры, как он тогда ещё не знал, была хроническая аллергия.

Как и на всех, кто пытался вручить ей подобный подарок. О чём он радостно и сообщил несколько ошарашенному парню, как можно вежливее и изысканнее намекая, куда бы ему пойти вместе с этим самым букетом. Правда, Василий, как оказалось, был парнем не робкого десятка...

Но, увы и ах, проиграл более подкованному в умении вынести человеку мозг с искренней доброжелательность Жмурику по всем фронтам. Даже по тем, где боевых действий и не намечалось!

— Нет, это не любовь, — криво усмехнулся бывший труп, выводя кончиками пальцев замысловатые узоры по папке. — Точно могу сказать, уж кого-кого... А Женьку я не люблю. Я её...

И несколько растерянно замолк, не зная, как бы поточнее назвать тот клубок из эмоций, что поселился в его душе. Нет, на самом деле всё было очень просто. С одной стороны. Признал же, что она ему нравится и привлекает, значит всё, точно влюбился.

Вот только какой смысл лгать самому себе? Да, Харон интересная. Но ещё она вредная, неуживчивая, колючая, скрытная... Интроверт по натуре, одиночка по жизни и асоциальный человек. Она не оценит его вмешательство, не поблагодарит за помощь и в своей неповторимой манере скажет всё, что думает по этому поводу.

Не матом. Культурно. Вежливо. Но так, что отобьёт всякое желание помогать.

Так что нет. Он действительно её не любил. Он, похоже, ею практически жил... Уже не представляя, как обойтись без тихих, ласковых смешков, когда что-то не выходило. Без машинально зарывающихся в волосы тонких пальцев. Без усталой, отрешённой тени, которая может проскользнуть на кухню и сидеть там в темноте, обхватив себя за плечи и глядя в окно.

Пока Жмур, спавший в дни её дежурства слишком чутко, не вставал и не присоединялся к ней. Не включая свет. Поставив на стол чашку горячего чая. И просто сидя рядом.

Кто бы мог подумать, на что способны две недели в обществе невыносимого человека с ласковым прозвищем Харон?

— Ну-ну, — Спивак понимающе усмехнулся, допивая очередную порцию кофе. — В общем так. Моим ребятам нужна где-то неделя на то, что бы подбить всю информацию, найти нужные ниточки и хорошенько за них дёрнуть.

— Много, — Жмур задумчиво потёр подбородок, машинально пытаясь понять, как можно было бы ускорить процесс. Дельная мысль была, да. Но грозила разоблачением раньше времени.

Поэтому и оказалась отброшена как несостоятельная. Меньше всего бывший труп жаждал избавиться от общества невыносимого тирана и сатрапа, умудрявшегося сочетать замашки заправского садизма с милым, трепетным и нежным отношением к собственному незваному

гостю. К тому же, сумел же он выдержать её две недели до этого?

— Можно ускорить, — пожал плечами Александр, пряча снисходительную и понимающую улыбку. Увы, когда дело касалось бизнеса, близких знакомых и крайних ситуаций, его визави умел держать лицо как никто другой.

Но почему-то, когда дело касалось именно этой девушки, скрывать свои эмоции у него получалось с трудом. С большим трудом, надо сказать. По крайней мере, Спивак с лёгкостью читал всё, что терзает парня как текст открытой и доступной всем книги.

Жмур вздохнул, взъерошив волосы и принимая окончательное решение. После чего поднялся, оставив деньги возле кружки с недопитым кофе, прихватил папку и покачал головой:

— Нет, не стоит. Пусть всё идет, так, как идёт. Но работа должна быть сделана на совесть... Но через неделю этих людей рядом с моргом не наблюдалось.

Попрощавшись с товарищем, Жмурик ушёл, сунув руки в карманы. Попутно размышляя, стоит что-то купить в подарок Женьке или нет. Бедный зомби даже не подозревал, как феерично закончиться этот день. И каким странным, но невероятным окажется встреча вечером и её продолжение, да.

Вот уж действительно, кто бы мог подумать!

Глава 10

Каждый патологоанатом знает, что утро добрым не бывает, просто по определению. Тем более, что закалённый учёбой, работой и ещё раз работой организм сначала просыпался сам...

А потом уже усиленно будил мозг, память и совесть. Хотя до последней, по-моему, добудиться за все годы моей жизни так и не получилось.

Вот и сейчас из блаженной дремоты меня вырвал мерный писк, медленно и планомерно действовавший на нервы. Не помогало даже то, что под ухом билось, убаюкивая, чьё-то сердце, и отрывать голову от чужой груди было очень проблематично. И лениво.

Последний аргумент был самым весомым из всех возможных. И уткнувшись носом в чужую грудь, я недовольно фыркнула, крепче прижимаясь к своей личной грелке во весь рост (и даже больше!). С видимым удовольствием скользнув руками по голой коже, я тихо мурлыкнула, наслаждаясь ощущениями, и только собралась продолжить дремать, как руки нащупали кое-что ну очень интересное...

И это кое-что тут явно не должно было быть!

Всё ещё сонный мозг информацию обрабатывал с трудом, зато язык сработал быстрее, чем хотелось бы, выдав:

— Товарищ зомби! Я всё понимаю, эксгибиционизм он такой, внезапный и непредсказуемый, как еврейская совесть! Но твою ж матерью, физическую и не очень! Ты трусы-то на кой ляд не одел?!

Я даже глаз один приоткрыла, дабы увидеть хоть каплю раскаянья на лице Жмурика. Но эта темноволосая зараза, сверкая мягкой, чувственной улыбкой и обнажённой грудью только

фыркнула насмешливо. И так улыбнулась, что стайка мурашек, проشمгнувшая вдоль позвоночника, срочно обосновалась в животе, реанимируя давно и прочно захороненных бабочек счастья.

Эти противные насекомые устроили революцию, активно требуя восстановить справедливость и воспользоваться таким симпатичным мужчиной для исполнения всех, даже самых невероятных фантазий. Я аж очередной тирадой, на тему собственной склонности к вуайеризму, точнее её отсутствия, подавиться умудрилась, стремительно заливаясь лихорадочным румянцем на всё лицо и тело. И не придумала ничего лучше, чем гордо удалиться в ванную, не обращая внимания на тихо, но очень довольно посмеивающегося парня.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Да, глупо. На двери всё ещё отсутствовала щеколда, радуя глаз и нервируя полупустой кошелек очередными затратами. Да, несолидно. Я не девочка, а место работы и профессия напрочь обивают такое чувство как стыд, стеснительность. И отучают краснеть, как помидор в курьёзных, безумных, нелепых и компрометирующих ситуациях. Однако...

Чёрт возьми, клизму ему вместо кофе, да с утра пораньше! У меня ж личной жизни не было давно и прочно, а тут такие экземпляры, да и не сказать, что б сильно против. Одна беда, притяжение притяжением, но привязываться к Жмурику я не собираюсь, а для случайного секса, увы, он не подходит. Как мне кажется.

— Гад, — тихо буркнув, я скинула плед на стиральную машинку и потёрла горящие щёки ладонями. После чего глянула на себя в зеркало. И замерла от удивления, широко открыв рот и разглядывая собственную шею. Выглядевшую так, будто я добровольно стала жертвой неопытного вампира-самоучки и ещё получила от этого удовольствие!

Ну или, как вариант у меня неизвестная форма аллергии, ведущая к внезапной смене пигментации кожи по типу далматинец. Но я в этом очень сильно сомневаюсь.

— Интересно трупы скачут, да конечности летят... — задумчиво протянула, потыкав пальцами в один из многочисленных шикарных засосов на шее.

Память от сотрудничества пока отказывалась, не желая пояснять, когда и как я успела обзавестись подобными украшениями. Нет, если бы я принимала участие во вчерашней реконструкции Ледового побоища в пейнтбольном клубе, я бы вопросом, откуда у меня синяк, не задавалась в принципе. Но вот беда, мне чувство собственной значимости, в компании с дипломом, не позволяют перепутать синяк и след чужих губ, вкупе с иными следами пакостной деятельности, имеющей явный эротический подтекст!

Правда, вопроса откуда и когда это не снимает, совершенно.

— Так, Капитан Очевидность... До звания Адмирал Ясен Пень ты пока не дорос, поэтому давай, думай голова, чепчик близко! Вспоминай, где тебя носило-то?! — вздохнув, я плеснула в лицо холодной водой, надеясь хоть так привести в порядок себя и собственные мысли.

И вот тут-то меня и накрыло. Сонный мозг соизволил проснуться и тут же обеспечил мне крайне весёлое путешествие по воспоминаниям. О вечере, о ночи. И, собственно, о том, откуда у меня такое интересное украшение появиться соизволило и с какого ёжика Жмур на диване не совсем одетым валяться изволит!

Как говорят в народе, хочешь рассмешить бога — расскажи ему о своих планах. Я веселить Высшие силы не собиралась, совершенно. Однако, даже не предполагала во что может вылиться фееричное знакомство байкеров и представителей ОМОНа.

Компания подогретых адреналином и дракой мужчин решила продолжить знакомство. Естественно, злоупотребляя алкоголем. И, конечно же (куда без этого!), мерясь всем, чем можно померяться, при каждом удобном случае. Они договорились о продолжении банкета, после чего рванули за город, забрав нас с Эльзой и не спросив даже нашего на то желаяния. А сопротивление только повышало желание утащить нас за собой, не смотря ни на что!

Местом дислокации разрушительного и не очень трезвого отряда выбрали дачу Араньевых, к вящему неудовольствию Эльзы. Та, прикинув, что именно ей убирать все последствия гулянки и объяснять возможные разрушения отцу, опасно сощурилась. И наградила парней таким взглядом, что я заранее посочувствовала всем и сразу.

Потому что таким взглядом я обычно санитаров меряю, определяя, пора им применять «деревянный макинтош» или пока ещё обойдётся малой кровью? К моему вящему сожалению, до «макинтоша» я ещё ни разу не доходила. Но учитывая их способности вляпываться в неприятности, я верю, что у меня ещё всё впереди!

Вот только санитары-то, они ж уже привычные, а вот Верещагину с товарищами стоит быть осторожнее, в ближайшее время. Вдруг я передумаю и сделаю-таки тот самый сбор, для проявления признаков токсикоза у того, кому он в принципе никогда не грозит? Эльза же в таком состоянии, что хоть на ромашке гадай, кому и как повезёт выпить этот настой и прочувствовать на себе все прелести беременности!

На воображение я никогда не жаловалась. В красках представила себе бедного Харлея, зелёного и в пупырышках вовсе не из-за похмелья. Нервно хихикнув, я предпочла отойти в сторону, уводя за собой подругу и проводя вечер в компании хмурой Фроз и тыквенного сока. Гадость первостатейная, но я её пила молча, лишь иногда подавая бедной беременной женщине очередную порцию еды. Постоянно жующая Эльза походила на обиженного, зло сопящего хомяка...

Которому не стоит вслух говорить об этом, определённо. От греха подальше, как говориться. Так что я сидела и с самым что ни на есть философским видом наблюдала за тем, как методично уничтожается алкоголь, повышается градус радости и зарождаются первые, из далеко немаленького списка, самоубийственные идеи на тему «Будет, что в старости вспомнить». Нет, всё было бы тихо, мирно и по-семейному...

Если бы тут не было меня. А мне в последнее время покой и тишина только сняться и то, в кошмарах. К тому же, мой день рождения имел очень гадскую привычку преподносить самые разнообразные пакости. И одна из таких вот «пакостей», стоило мне искоса глянуть в окно, не заставила себя ждать. Она была так неосмотрительно, что появилась во дворе дома во всей красе и при полном же параде.

Чёрно-белая гамма. Бледные рожи и волосы дыбом. Кресты на шее, на кожаных шнурках, берцы, цепочки, хламиды исключительно траурного цвета... Сатанисты, мать их дьявольскую, обыкновенные. И, как апофеоз, у вожака этой «пакости», отравляющей жизнь коттеджному посёлку с завидной регулярностью, череп козы подмышкой зажат. С кровавой пентаграммой на лбу у несчастной черепушки и алыми линзами в глазах молодого человека, мнящего себя реинкарнацией самого Люцифера.

Мне прям любопытно, он хоть знает, как слово реинкарнация писать?

— Хм, а вот это уже интересно... — довольно протянула, забравшись с ногами на диван и приготовившись услышать концерт, без заявок радиослушателей. На любителя, конечно же. Но всё интереснее, чем в сотый раз слушать про женщин от в зюю пьяных мужчин!

Меж тем, компания разошлась по местам и представление началось.

— Ты! — начал издалека незванный гость, остановившись между двух внедорожников и приняв изрядно пафосную позу. — Ты, мерзкое отродье Света! Проклятый храмовник, коверкающих тела верных последователей Господина! Ты! Врач-рукожоп! Ты...

— А вот это было обидно, — я печально вздохнула, укоризненно покачав головой, и стащила у зазевавшейся Эльзы кусок яблока. — Ещё ни один из моих пациентов на меня не жаловался! — съев кислотоватый фрукт, я оценивающе глянула на творившееся во дворе безобразие. — Интересно, а он в курсе, что читая заклинание призыва или изгнание демона, спёртое из сериала «Сверхъестественное», максимум, что у него получится, так это поднять из-под земли преподавателя по истории и латыни?

— Зачем? — недоумённо нахмурилась Эльза, поведя носом и глядя на стол хищным взором. Ноздри трепетали, пальцы выстукивали какой-то ритм.

Пришлось сползти с дивана, отвоевать салат с мясом у активно сопротивляющихся мужиков и вручить миску страдающей беременной женщине. И пояснить, вновь забираясь на диван:

— Что бы прибить несчастных за такое косорукое исполнение мемуаров Гая Юлия Цезаря, конечно! Я не эксперт, да и латынь учила по другому поводу... Но даже меня передёргивает, как от зубной боли! А ты знаешь, как я люблю стоматологию вообще и стоматологов в частности...

— Угу, — прожевав очередную порцию еды, Эльза вздохнула, и вяло полюбопытствовала. — Так что там происходит-то?

— Явление Христа народу, — бодро отрапортовала я, прилипнув к окну и наслаждаясь шоу. — В смысле, явление Дьявола его верным подданным! Ну, во всяком случае, если меня мои глаза не обманывают, именно таков план. А пока, судя по действиям группы агрессивно настроенных молодых людей, с зашкаливающим пафосом — вандализм, во всей своей неприглядной красе! Любопытно, а эта их «кровь»... Она с машины сама смывается или всё-таки имеет шанс стать главным украшением чужого джипа?

Подруга на пару мгновений жевать прекратила, задумчиво вытирая жирные пальцы салфеткой. Где она сумела достать кусок шашлыка — не знаю, и знать не желаю, всё равно это проблемы того, кто не успел от неё еду спрятать. Зато убрав тарелку в сторону, она забралась ко мне, выглядывая в окно. Оценила эпичность представления, разворачивающегося во дворе собственной дачи, и поинтересовалась, глянув через плечо на мужчин:

— Саньч... А ты как к справедливости относишься?

— А ты, с какой целью интересуешься? — добродушно откликнулся омоновец, в очередной раз, разливая выпивку по стаканам.

Товарищи сатанисты, тем временем, на мелочи не разменивались. И окропили своей «святой кровью» уже второй джип. Очень знакомый такой джип, с приметно аэрографией на боку и

узнаваемой маркой. Кажется, это хаммер. Тот самый хаммер, что принадлежал некоему Михаилу Алёхину. Бедная машина, до этого вполне симпатичная и даже очаровательная, теперь представляла собой просто шедевр авангардизма.

Пьяного. Бессмысленного. И беспощадного!

— Саныч, не поверишь! Тут группа активистов за мир во всём мире, просто-таки требует восстановления этой самой справедливости! — я со всё возрастающим изумлением, грозившим перерасти в безмерное охренение, наблюдала за тем, как эти самые «активисты» пристроили череп козы на капот многострадального хаммера. Явно намереваясь забраться следом и уже с высоты вещать на весь посёлок о приходе Сатаны в этот бранный мир. — Вдумчивого такого восстановления, внимательного, длительного... Я бы сказала, они не просто требуют, они на это самое восстановление нарываюются! Кстати, Саныч, вопрос на засыпку... А ты не в курсе, случаем, из чего наши местные фанатики свою «кровь» варят?

— Тебе-то оно на кой? — Сан Саныч так и оставался верен себе, сохраняя безмерное и безмятежное спокойствие и невозмутимость. Он даже с дивана не поднялся, продолжая спорить о чём-то с одним из байкеров.

Понятия не имею, с кем он языком зацепился. Я из этой шайки-лейки только Михаила, Харлея и Олежека могу опознать. Ну и Шута, конечно же. Остальные для меня все на одно лицо!

— Ну, должна же я знать, что писать на надгробной плите! — хихикнув, я подпёрла щёку кулаком, разглядывая, во что превращается несчастный хаммер. — Нет, мне-то оно, собственно, как фараону пирамида, чисто для красоты. Надо будет, соскребу немного и отдам на откуп Винни с Кабаном. Эти товарищи из одного лишь научного интереса разберут её на составляющие и во имя Святого Менделеева и Пресветлого Нобеля сделают что-нибудь получше! Меня больше другое интересует... Это варево с хаммера смыть получится или всё же придётся его перекрашивать?

— Не понял... Причём тут хаммер?! — встрял в разговор Алёхин, хмуря брови и отвлекаясь от дегустации коллекционного виски. Заначку Эльзиного отца гуляющая компания обнаружила почти сразу.

— При том, что если вы поклонник стрит-арта, Михаил, то тогда всё отлично... А вот если вы против него, то я искренне сочувствую местным живописцам, — хихикнув, я ткнула пальцем в сторону окна. — Они просто из вашего хаммера что-то вроде алтаря сатанистов сварганили. Собираются девственницу, если найдут, в жертву приносить. Так вот. И если вы не готовы пожертвовать им во имя великой силы живописи и наскальных рисунков...

Договаривать я не стала и в комнате повисла многозначительная тишина. И единственным её нарушителем стала Эльза, согнувшаяся пополам от сдавленного хохота и уткнувшаяся лбом в спинку дивана. С улицы неслись пафосные речи на всё той же кривой латыни, а представление близилось к своей кульминации. А Саныч только вздохнул, меланхолично заметив:

— Всё равно надо бы до магазина сходить. А то что-то алкоголь закончился слишком уж быстро...

То ли слова были волшебные, то ли просто до затуманенного выпивкой разума дошло, наконец, что происходит... Но спустя пару минут в комнате не было никого, кроме нас с Эльзой. А вот во дворе началось настоящее веселье.

Бравые сатанисты явно знали, что просто так смыться с места преступления им никто не даст. Но к тому, что во двор выскочит компания доведённых до бешенства мужиков не самой слабой комплекции, были всё же не готовы и изрядно перетрусили.

Правда, в руки себя быстро взяли, подхватившись и рванув со двора так, как только здоровье и физическая форма позволяли. Говоря проще, такого стрекача дали, что я завистливо присвистнула, наблюдая с какой скоростью, они скрываются с места преступления. Оставляя после себя измазанные «кровью» машины, несчастный череп козы и пребывающих в ступоре мужиков. Те от шока оправились почти сразу, как осознали, что добыча уходит из лап.

— Ну, понесли сандалии Митю, — почесала затылок, наблюдая как с гиканьем и гаканьем, улюлюкая и комментируя происходящее исключительно матом, омоновцы с байкерами носились по снежным барханам, отлавливая улепётывающих вандалов. Дабы обсудить с ними как их поведение, так и взыскать с них моральный ущерб в пользу пострадавшей стороны.

В смысле, раздавали мелкоте пинки, тычки, подзатыльники и затрещины. Попадало всем, кто не спрятался. А к тем, кто всё же сумел залечь на дно, применяли суровые методы обнаружения и выкуривания. Бедные сатанисты уже и сами были не рады собственной выходке, вот только молить о пощаде гордость пресловутая не давала, заглушая инстинкт самосохранения.

Во всяком случае, они стояли на своём первые полчаса. А потом были согласны на всё! И обиженно сопя, под присмотром ржущего и богатого на комментарии Веньки, старательно оттирали плоды своих творческих потуг. Про себя тихо радуясь тому факту, что краска с машины всё-таки смывалась без труда...

Мало ли чем всё закончилось бы в противном случае!

Мужики же, после забега по лёгкому морозцу, изволили протрезветь слегка. И вернувшись в тёплый дом, срочно принялись устранять это недоразумение. Подобревший Саньч, после очередной рюмки, поддался уговорам и даже выдал историю нашего знакомства с местными субкультурами. В красках, лицах и подробностях.

Хохот стоял — кони, молча, завидовали и нервно курили в сторонке. И я бы тоже похихикала за компанию, если бы знакомства эти обходились без меня среди главных действующих лиц. Прошлым летом это были готы, откуда-то прознавшие, что я — патологоанатом и решившие поклоняться мне, как воплощению самой Смерти. Смех смехом, но измазанная калитка, тоскливые серенады и чёрные сушёные розы — это очень уж специфичный ритуал ухаживания. И веселит он только поначалу...

А уж когда в одно прекрасное утро ты просыпаешься от чьих-то попыток осенить тебя деревянным крестом по лбу, под завывания замогильным тоном, так и вовсе не до веселья становится. Хорошо ещё, проблему удалось решить всего одной принудительной экскурсией в морг. Компания хмурых, не выспавшихся братьев Араньевых, злая я и трупы оказали ну самое благотворное влияние из всех возможных!

Во всяком случае, оставшееся лето мы провели в тишине и покое. Но я лично сильно не обольщалась...

— Слушай, Харон, а ты, оказывается, популярна... — ехидно протянул Верещагин, не сумев удержаться от комментариев. Наша взаимная любовь явно скоро станет притчей во языцех. — У тебя тут такие интересные личности в поклонниках, на постоянной основе, а ты нам даже не сказала!

— Хочешь, тебе таких же подберу? — ехидно вскинула бровь, дёрнув Эльзу за рукав и постучав пальцем по запястью, когда подруга соизволила оторваться от еды. — Я даже знаю, с кем тебя познакомить в первую очередь! Интересные, брутальные, яркие девушки-скинхедки подарят тебе бездну новых впечатлений. Девочки — огонь! Одна на моих глазах лом погнула... — тут я выдержала многозначительную паузу и мстительно добавила. — О голову своей подруги!

— Окстись, любительница трупов... Любка новый притащила ж! — озадаченно протянул Саныч, хрустнув солёным огурцом и подтащив к себе тарелку с салом. — И извинилась они с Маринкой...

— Извинились, — со вздохом признала Эльза и хмыкнула. — Распрямили кочергу на спор, испортили гвоздодёр в попытке дорваться до справедливости и замахнулись на мою любимую сковородку. Прости, Саныч... Ну вот как тебя угораздило-то так?!

— Она милая, — пожал плечами омовец, расплываясь в довольной улыбке. — К тому же, вы, женщины народ такой...

Дальнейшее можно было уже не слушать. Мужики совершили подвиг и теперь добрались до обсуждения главного мирового зла по их версии: женщин. И переглянувшись с подругой, мы дружно пришли к выводу, что нам пора. Оставалось только понять, как нам выбраться с дачи.

— Ну и как мы будем до дома добираться? — озадаченно почесала затылок, украдкой вздыхая от рулад на тему женской логики.

— Сейчас, — Фроз нахмурилась, вытаскивая из кармана телефон, и набрала какой-то номер, недовольно сощурившись на очередное высказывание Вениамина.

Тот в очередной раз рассказывал байки из собственных приключений на любовном фронте. И жаловался на то, что девушки его так и норовят обидеть! А то, что сам Веня при желании нервы мотает исключительно от нечего делать, это им не учитывается совершенно. Не царское дело собственные недостатки замечать, не царское.

Священная обязанность увезти нас с Эльзой, как ни странно, выпала почему-то Шуту. Лёшка, правда, ни словом, ни делом не выдал, что мы с ним знакомы. Но не упустил случая радостно пройтись по потрёпанному внешнему виду товарищей, заинтересованно осведомившись, где ж им света не хватило, раз решили фонарями подсветить? Да ещё на собственном лице?

Хорошо ещё, эта ехидна слиняла быстрее, чем на его реплику кто-то среагировать успел. Подхватил нас под руки и увёл в сторону машины, сокрушаясь на тему невезучести, неуклюжести... В общем, прошёлся по всему списку недостатков бравой компании. Чем и заслужил довольную улыбку Эльзы и ещё бормотание под нос, что этого милого мальчика она трогать не будет, он — хороший.

Я на это только икнула, показав «хорошему» мальчику кулак. А тот только улыбнулся и громко посетовал о том, что нельзя, нельзя не лечить утром начальство от похмелья. Жить-то хочется!

— Ничего, Лёш, — Эльза коварно улыбнулась, устраиваясь на заднем сиденье машины. — В случае чего, мы за тебя обязательно отомстим!

— Утешили, — притворно расстроился Алексей, выезжая на дорогу и направляясь в сторону города. Иногда кидая на меня обеспокоенные, внимательные взгляды и мимоходом касаясь пальцами моей руки. — Вы прям сама доброта, Эльза.

— Стараюсь, — скромно улыбнулась подруга и широко зевнула, прикрывая ладошкой рот и устало вздохнула, неосознанно положив ладони на живот в защитном жесте.

Вышло естественно и так гармонично, что мы с Шутом только переглянулись понимающе, глядя на это дело. А Лёшка только фыркнул тихо, искоса на меня поглядывая. Показывая, что беспокоился, волновался и радуется тому факту, что со мной хотя бы внешне всё хорошо.

Такое внимание приятно грело мою чёрствую душу, вызывая мягкую, ласковую улыбку. Каким бы невыносимым Шут не был, как друг он просто бесценен. И я искренне рада тому факту, что сдавать злополучный экзамен ему выпало именно в мою смену.

Когда б я ещё такое чудо повстречать успела?

Первой домой доставили меня. Лёшка ещё и дверь открыл, галантно выдергивая меня из машины и ставя на ноги. Попутно засунув в карман пуховика небольшой свёрток, подмигнув заговорщицки. Я на это только глаза к небу возвела, ткнув его кулаком в плечо, и поспешила к подъезду. Домой хотелось до одури, хотя я и не понимаю почему...

Но догадываюсь, что дело в одной занимательной личности, которая меня там с некоторыми пор ждёт. Улыбка на моём лице появилась против воли и, перепрыгивая через две ступеньки, я мечтательно зажмурилась, предвкушая спокойный, мирный вечер в приятной компании.

Только, как я уже говорила, хочешь насмешить бога — расскажи о своих планах, ага! Я о планах не говорила, я даже не гадала ничего толком. Но звёзды точно начитались одной занятной книжицы, а в жизни наступила невероятно чёрная полоса. Потому как, открыв дверь в собственную квартиру и ввалившись в коридор, я ждала чего угодно.

Но не того, что меня сграбастают в объятия и прижмут к стенке, опалая кожу жарким дыханием! Я от неожиданности и не сообразила сразу, что происходит. А когда в себя пришла, возмущённо зашипела, глядя на взъерошенного Жмурика:

— Какого?! Зомби ты мой ненаглядный... Я понимаю, соскучился, человеческого общения захотелось, тепла там женского... Но это...А в лоб?!

В ответ меня осторожно поставили на пол. Вот только отойти не дали, обхватив ладонями щёки и пристально вглядываясь в моё лицо, словно пытаясь там что-то увидеть. И ведь увидел, раз наклонился ниже и прекратил любые возмущение излюбленным способом всех мужчин в мире.

Он просто и незатейливо заткнул меня поцелуем. Да так, что я сначала растерялась, позволив чужим рукам расстегнуть пуховик и обнять за талию. Не попыталась вырваться, когда не сильно укусили за нижнюю губу, вынуждая ответить. И закрыла глаза, поддаваясь порыву и отвечая на этот внезапный, страстный, почти грубый поцелуй, заставляющий вскипать кровь в жилах и заполошно биться сердце.

Сильный, напористый поцелуй. Бережные, нежные объятия. Невесомые прикосновения, самыми кончиками пальцев к запястью, к плечам и шее, поглаживая обнажённые участки кожи. Лёгкая, игровая агрессия, когда ласково покусывают губы...

И жадно забирают дыхание, выпивая душу и силы. А я и не сопротивлялась, чувствуя себя безгранично счастливой, нужной, необходимой...

Просто важной для кого-то.

Воздух заканчивался, от чего горели лёгкие. И Жмур отстранился, давая возможность себе и мне сделать жадный, судорожный вдох. Провёл пальцами по моим припухшим губам и прислонился лбом к моему лбу, дыша глубоко и часто. Он, конечно же, молчал. И я молчала в ответ, зарываясь машинально пальцами в его волосы на затылке, обнимая за шею и пытаюсь не думать о том, как же это...

Как же это невероятно, когда тебя так переполняют чувства и эмоции. Я уже почти отвыкла от них, пропадая всё время на работе. Мертвецам-то они не нужны.

— И что это было? — тихо спросила, облизнув машинально губы. Отстраняться не спешила, пытаться выбраться из объятий тоже. Мне давно не было так хорошо, если уж быть совсем честной.

Жмур невнятно что-то пробормотал, уткнувшись лицом мне в шею. Я только охнула, ощутив его зубы на коже, и откинула голову назад, противореча сама себе, подставляясь под ласку. И мне, почему-то вдруг стало совершенно наплевать на собственные принципы, врачебную этику и прочее-прочее-прочее...

Какая к чёрту этика, когда тебя так хотят? Очевидно и неприкрыто? Я может и не эксперт в отношениях, но все признаки были просто на лицо. И на другие части тела, да.

Но я была бы не я, если б не додумалась ляпнуть:

— Что, решил развлечься, да?

Обидный и болезненный шлепок по заднице был полной неожиданностью. Как и угрюмый взгляд Жмура, отстранившегося и вновь обхватившего моё лицо ладонями. Он глядел на меня с такой нежностью, мучительной страстью и жадностью, что у меня дыхание перехватило. А уж когда он наклонился вперёд, прижавшись лбом к моему лбу, и прикрыл глаза, нежно улыбаясь, я и вовсе перестала хоть что-то понимать.

Кроме разве что одного. Похоже... Ему нужна я. Не для развлечений, иначе он бы так активно не возмущался по поводу моего предположения. И не на один раз, иначе не стал бы останавливаться, верно? Я же была не против, хотя на утро обязательно пожалела бы о сделанном и смылась на работу. И не появилась бы дома, пока не поняла бы, что делать дальше и как себя вести.

— Что тебе от меня надо, Жмур? — всё же тихо поинтересовалась, погладив его по щеке и наблюдая за тем, как Жмур прикрыл глаза, поддавшись на незамысловатую ласку.

Он в ответ коснулся ладонью сначала своей груди, потом прижал меня ещё крепче, вновь уткнувшись лбом в плечо. И пробормотал что-то на корейском. Вот только я почему-то смогла понять его даже без перевода. Потому что все его действия, все его жесты были весьма однозначны и не могли быть истолкованы иначе.

Я. Жмуру была нужна я сама. И что мне делать с этим знанием я не совершенно не представляю.

Как будто почувствовав, что я догадалась, Жмур меня отпустил, напоследок невесомо коснувшись губами моего лба. И взяв за руку, повёл в комнату, попутно помогая избавиться от одежды. Он уже привычно натянул на меня домашнюю пижаму, укутав в одеяло и устроившись со мной на диване в обнимку.

Вот тогда-то я и отмерла, тихо хмыкнув и пробормотав себе под нос:

— Ну, так меня с днём рождения ещё никто не поздравлял, да... — повернувшись в его руках, я удобно устроилась на мужском плече, с чистой совестью закинув свободные конечности на него. — Зараза ты, Жмур. Подразнил, поманил сладким... И в кусты! У тебя совесть вообще есть? Или она ушла в бессрочный отпуск, вместе со здравым смыслом! Я ж ведь и того... Отомстить могу!

Судя по ответному взгляду и лёгкой, насмешливой улыбке, бывший труп эту самую месть не только представил, но уже и предвкушал, одарив меня мягкой, чувственной улыбкой и прижав к себе крепче. И фыркнул, уткнувшись носом мне в макушку, рисуя кончиками пальцев узоры на моём предплечье. Как бы намекая, что месть должна быть вдумчивой, продолжительной и планомерной...

Меня аж в жар бросило, стоило представить процесс отмщения. И я предпочла не рисковать и предаться самому сладкому и желанному греху из всех возможных: банально, нагло и сладко заснула на голой мужской груди.

Кто бы сомневался, сны, какого содержания мне снились при этом...

Осторожный стук в дверь вернул меня в реальность. Тряхнув головой, я оценила свою смущённую, горящую румянцем физиономию в отражении и застонала, закрыв лицо руками:

— Ну что ж ты за мышь такая неправильная, а, Харон? Плачешь, колешься... Но всё равно собираешься жрать этот кактус, чёрт бы его побрал! Пусть даже настолько обаятельный, привлекательный и совершенно незаменимый в твоём одиноком хозяйстве! И вот что теперь делать прикажешь, а, товарищ патологоанатом? Плюнуть на всё и рискнуть или изобразить грозного, но трусливого зайца?!

Стук повторился, прерывая мой приступ самозабвенного самобичевания. И звучал так настойчиво, что я предпочла откликнуться, пока некоторые личности не завалились в ванну, лишая меня последних крошек самообладания. Я, конечно, не девушка-огонь...

Но рискую не сдержаться и добраться до пары статей так любимого Эльзой уголовного кодекса. И хорошо, коли это будут одни лишь домогательства... А ежели нет и меня понесёт на развратные действия? С моей везучестью они быстро станут темой для обсуждения в ближайшем отделении травматологии!

— Не влезай, — гаркнула, выпрямившись и включая душ. — Съесть не съем, но понадкусываю мастерски!

За дверью что-то звякнула, приземлившись на пол, и Жмурик ляпнул пару ласковых на своём любимом корейском. После чего громко топая и сопя, как обиженный ёжик, скрылся в глубине квартиры. Я же, переведя дух, залезла в душ, задумавшись на тему обещанной ночью мести. И с сожалением констатируя тот скорбный факт, что сегодня её исполнить в полной мере не получится.

Хотя бы потому, что у меня были свои, куда менее приятные планы.

Так что на кухню я явилась мрачная, сосредоточенно хмуриющаяся и в одном большом полотенце, прикрывающем все стратегически важные места. Жмур сидел на табуретке, гипнотизируя маленькую кружечку кофе, стоявшую перед ним. Я тоже на неё посмотрела,

гадая, откуда у меня в квартире взялись такие миниатюрные ёмкости. Но плюнув на это неблагодарное дело, недолго думая, уселась на колени к зомбику, реквизируя собственную пузатую кружку с чаем, стоявшую тут же на столе.

Сделала небольшой глоток, зажмурившись от удовольствия, и, чмокнув в нос недоумённо моргавшего бывшего мертвеца, невинно осведомилась:

— Значит, решил, что я тебе нужна, да Жмур? Но дело до конца не дошёл, раздразив себя и меня? Вроде как, мавр сделал своё дело, мавр может уходить, обозначив собственные симпатии? Хитрый ты, Жмур! Хитрый... Но глупый!

Тот в ответ только хмыкнул, обнимая меня за талию и пристроив подбородок на моём плече. Я сделала ещё один глоток, болтая ногами в воздухе, задумчиво закусив нижнюю губу. И отставила кружку в сторону. Дабы развернуться в чужих объятиях, положив ладони на плечи Жмура, и наклониться к нему, вкрадчиво заметив:

— Нет, Жмурик. Так дело не пойдёт... Обозначил привязанность? Так давай, убеждай меня в ней, заставь сделать первый шаг!

В этот раз поцелуй вышел нежным, медленным и чувственным. Он отличался от вчерашнего, в нём не было страсти. Разве только совсем немного, для вдохновения. Для этого же самого вдохновения, наслаждаясь реакцией партнёра, я прижималась грудью к обнажённому торсу Жмура и чуть поёрзала, устраиваясь на его коленях поудобнее.

И не смогла скрыть довольную улыбку, почувствовав, как то самое, пресловутое «вдохновение» нагрянуло в гости к милому недо зомби, явно усложняя ему жизнь. Впрочем, тот не очень возражал, сжимая меня крепче. Чуткие, тёплые пальцы скользили по краю полотенца. Забирались под влажную ткань и целуя в ответ сильнее, глубже, агрессивнее. Прикусывая губы и не давая никакой возможности отстраниться.

Лишь когда чьи-то шаловливые руки настойчиво сжали моё бедро, намекая, что ещё чуть-чуть и продолжение будет прямо сейчас и прямо здесь, я с трудом, нехотя отстранилась. И выдала, хриплым голосом:

— Увы и ах, Жмураэлло, продолжение банкета пока отменяется, по техническим причинам. Ввиду злопамятности, вредности и нетерпимости к обломам организатора сего мероприятия. Но... — я погрозила парню пальцем, не скрывая лукавой улыбки. — У тебя ещё всё впереди, да... Наверное. Потому что я ещё даже не начинала мстить!

С трудом, но мне удалось слезть с родных колен и даже гордо продефилировать к выходу с кухни, покачивая кружкой с чаем в одной руке и дирижируя невидимым оркестром при помощи другой. В моём воображении исполнялось что-то грандиозное и пафосное, а мою тощую, почти обнажённую фигуру освещали лучи софитов. В реальности же я чудом не перелетела через порог и, выглянув из-за угла, осведомилась со всей своей непосредственностью, на какую только была способна:

— Жмур, а Жмур! А ты как к кладбищам относишься?

Вопрос был с подвохом, да. О котором сам бывший труп даже не догадывался, на самом-то деле. Зато красиво округлил глаза, недоумённо вскинув бровь. При этом меня взглядом чуть ли не раздеть пытались, так что будь я в одежде — услышала бы звук отрываемых пуговиц!

— Но-но-но! Одень меня обратно, проти-и-ивный! — не удержавшись, показала ему язык, пряча

смущённую и по-дурацки счастливую улыбку в кружке с чаем. Вздохнула глубже и добавила, уже без тени веселья. — Давай, Жмур. Одевайся. Нас ждут кресты, надгробные плиты и вселенская скорбь на лицах незнакомых людей... И готы. Авось повезёт?

И пожав плечами, вернулась в комнату, оставив кружку на компьютерном столе. Зарывшись в комод, вытащила оттуда одежду, прихватила кое-что из шкафа, дабы уже вместе со всем этим вернуться обратно в ванну. Нет, стесняться мне было нечего, всё равно этот хитрый змей уже всё видел... И не раз. Но провоцировать и дразнить лишний раз, всё-таки не стоит. Ни его, ни меня!

Стол у меня не настолько крепкий. Как и табуретки. И вообще! Кухня в восемь квадратных метров не рассчитана на исполнение акробатических этюдов в самых разных плоскостях. Тем более...

Печально усмехнулась, неосознанно проведя пальцами по едва заметному шраму, оставшемуся на груди. Сегодня действительно не самый лучший день для этого. День рождения грустный праздник. А в моём случае вообще напоминает страшную сказку, да.

Вновь появившись в коридоре, в наглухо застёгнутой толстовке и линялых джинсах, я наткнулась на поджидавшего меня Жмурика. Тот только вздохнул, неодобрительно покачав головой и ласково коснувшись кончиками пальцев моей щеки.

— Жмур, я не Саныч... Я не умею эффектно отсчитывать время, — вздохнув, я взъерошила волосы, закусив нижнюю губу. — Но давай ты быстренько соберёшься, пока я такси вызову, а?

Жмур окинул меня оценивающим взглядом и серьёзно кивнул, соглашаясь. После чего скрылся в комнате, оставив меня в гордом одиночестве. Слава боевым сусликам, хоть в чём-то мы пришли к консенсусу! Вот ещё бы найти взаимопонимание в чувственной сфере...

Мечтать не вредно, Харон! Мечтать не вредно!

Осознавать, что выбирая между тобой и трупом, девушка выберет труп, было дико. Но глядя на то, как Харон быстро, мурлыкая себе под нос незамысловатую мелодию, идёт между могил, удаляясь вглубь кладбища, Жмур готов был признать, что несколько завидует. И задумывается о том, что внезапное решение не доводить начатое до конца, было не таким уж и правильным, как показалось ночью. Может, тогда Харон осталась бы дома, с ним?

— Кладбище, кладбище... — Жмур только головой покачал, прислонившись плечом к закрытым воротам, и вертя в руках несчастный тамагочи. Тот самый, так не вовремя разбудивших их этим утром. — Кто о чём, а Харон о трупах! Вот же... Неугомонное создание.

На губах сама собой появилась мягкая улыбка, стоило вспомнить, как это самое создание стремительно скрылось в ванной поутру. А после так изящно и так нагло отомстила, оставив его мучиться от неудовлетворённого желания. И даже обвинять в этом её не получается, сам же вчера поступил точно так же.

Фыркнув, он провёл рукой по волосам, взъерошив их, и поднял голову, щурясь на яркое зимнее солнце. Чистое голубое небо обещало хорошую, хоть и морозную погоду. А в душе бывшего трупа царил мир и покой, хорошо, что не вечный. Он всерьёз раздумывал о том, что бы продолжить это противостояние, зародившееся после его внезапного порыва накануне. Если

бы кто-то спросил, с чего бы ему так вспыхнуть страстью к девушке, которую раньше он и как девушку-то не воспринимал, Жмур и сам бы не нашёл что сказать. Просто увидев очередного кавалера, он вспомнил все свои размышления в разговоре с Александром и просто не смог удержаться.

И не захотел, если быть совсем уж честным. Когда тебе так отвечают, времени на холодный и трезвый расчёт просто не остаётся, а сила воли добродушно делает ручкой, забирая с собой логику и здравый смысл. Всё же...

Всё же между ними было такое притяжение, что сопротивляться просто невозможно. И, что самое главное, совершенно не хочется этого делать, наслаждаясь каждым мгновением, каждым прикосновением. Тем более, когда это самое наслаждение обоюдное, как показало утреннее происшествие. Неизвестно, чем всё могло бы закончиться, если бы не это чёртово кладбище!

Вот что ей могло тут понадобиться-то?

Тихо вздохнув, Жмур и не заметил за своими размышлениями, как объект его дум и душевных терзаний появился на горизонте. Только теперь шёл медленно, нога из-за ноги, опустив голову и плечи, не замечая ничего по сторонам.

Лёгкое, почти невесомое прикосновение пальцев вывело его из задумчивости. Резко вскинувшись и обернувшись, он недоумённо посмотрел на бледную, мрачную, упрямо сжавшую губы девушку, застывшую рядом с ним. Холодный ветер трепал волосы, выбившиеся из-под шапки, но Женька только ёжилась под особо сильными порывами, не поднимая взгляда и ничего не говоря.

И вот это-то пугало больше всего.

Наконец, словно очнувшись от чего-то, она громко, протяжно вздохнула и сделала небольшой шаг к нему, уткнувшись лбом в плечо и пряча лицо. Жмур тут же обнял её, притягивая к себе поближе и пристраивая подбородок на макушке. И вздрогнул, когда девушка заговорила. Глухо, почти безжизненно и так равнодушно, что стало страшно.

По-настоящему страшно.

— Знаешь, Жмур... Я вообще-то ненавижу свой день рождения. Настоящий, я имею в виду. И он вовсе не четырнадцатого января, как думают все, кто меня знают, за исключением Эльзы и её семьи. Но они молчат, приняв навязанные мною правила игры, да... Наверное, ты думаешь это прихоть, да? — тихий, горький смешок и холодные ладони забираются под расстегнутую куртку, обхватывая его за талию, прижимаясь как можно ближе и сильнее. — Наверное, действительно прихоть... Желание спрятать собственный страх и свою же боль. Все мы не без греха, так ведь?

Женька потёрлась щекой о его грудь, уткнувшись носом в шею и щекоча нос пушистым помпоном на шапке. И запоздало бывший труп осознал, что он, наверное, единственный человек которому этот сложный, невыносимый и спрятавший всё в себе патологоанатом рассказывает о собственных кошмарах. В жизни, на работе, в прошлом. Словно доверяет ему как никому другому, пусть даже сама пока об этом даже не догадывается.

Словно он стал для неё кем-то настолько важным и близким, перед кем не стоит прятаться и юлить.

— Мне было девять лет. Праздник только для своих. Родные, близкие, друзья семьи и несколько ровесников. Взрослые отправили нас играть на улицу, и это было... Здорово. Мы катались с горки, лепили снеговиков, строили снежную крепость и устраивали побоище за право владеть ею. Пожалуй, это самое счастливое воспоминание из моего детства. Потом был чай с тортом и подарки. Смех, истории из жизни и студенческих лет, улыбающиеся родители, которые не наказывали, даже когда мы случайно разбили дорогую хрустальную вазу... Самый лучший день рождения, если подумать, — Женька замолчала, тяжело дыша и продолжая прятать лицо. И после небольшой паузы заговорила вновь, вкладывая в свои слова горькую иронию. — Меня многие спрашивали, почему я решила стать патологоанатомом. Не страшно ли мне среди трупов и не боюсь ли я смерти? А я тогда, в девять лет поняла одно, Жмур. Мёртвых бояться не стоит, на самом-то деле... Мёртвые никогда не сделают тебе больно. Живые же раз за разом будут тебя предавать, ломать, и убивать, даже не замечая этого. И не думая о том, какие последствия будут у их поступков...

На этих словах мужчина вздрогнул, невольно задумавшись, что было бы уступи он тогда собственным желаниям и пойдя до конца. Нет, Женька его бы не оттолкнула, охотно принимая и даря в ответ ласку, нежность, чувственность и страсть. И удержаться, на самом-то деле, было почти невозможно, если бы не одно «но». Каким чудом ему удалось сохранить остатки самообладания, Жмур сам не понял. Именно они-то и подсказали, что лучше остановиться до того, как станет поздно. Почему?

Проведя рукой по вздрагивающей, тонкой спине, бывший труп тихо вздохнул, согревая продрогшую от внутреннего холода девушку в собственных объятиях. Да, поддаться желанию было очень заманчиво. Но он отступил, потому как понимал: он-то осознал свои чувства и желания, а Женька?

Противоречивая. Непредсказуемая. Странная. Со своей логикой и системой ценностей. Харон легко бы пошла на сближение лишь в одном случае, когда доверится, откроется полностью и не оставит никаких секретов за душой. И когда сама для себя признает, что да, ей это нужно, ей это необходимо. А пока...

Пока остаётся лишь подогреть интерес, мстить, наслаждаться местью и надеяться, что Женька всё-таки не жираф. И дойдёт до неё быстрее, чем анекдот до этого представителя фауны.

— Иногда, я не понимаю, как человека могли назвать венцом творения природы. Честно, не понимаю, — хмыкнула Женька, не поднимая головы. Она явно витала где-то в своих мыслях, не замечая того, что происходит вокруг. — Сложно найти кого-то более... расчётливого. Эгоистичного. И мстительного. Он был другом семьи, родители знали его и дружили с ним со студенческих пор. Ему доверяли сидеть со мной, он держал меня на руках и дарил подарки. И он же убил их, банальным ядом. Тихо, подло, улыбаясь им в лицо и обмениваясь дружескими шутками. Просидел до самого конца и ушел, как ни в чём не бывало. Даже не думая о том, каково маленькому, девятилетнему ребёнку проснуться по утру... И обнаружить, что провёл ночь и почти весь день в одной квартире с трупами, — Женька тихо хмыкнула. — Знаю, звучит как сюжет очередного детективного сериала. Но это-то и страшнее всего, Жмур. Потому что это — правда. Потому что, проснувшись шестнадцатого января, я зашла в комнату родителей и подумала, что они спят. Я провела весь день, играя в соседней комнате, смотря мультики и дожидаясь, когда же проснутся мама с папой, что бы пойти в цирк, как они и обещали. Один эгоистичный поступок... И девятилетний ребёнок оказался заперт один с двумя трупами, оставаясь сиротой навсегда. Тогда-то я и поняла... Мёртвые не причинят боли. Боль причинят живые люди...

Она замолчала, замерев на месте. И вдруг тихо, надрывно всхлипнула, всё же банально разревевшись. Жмур крепко обнимал её, убаюкивая и согревая, шептал разные глупости на корейском... И думал.

Думал о том, что надо быть действительно необычным. Что бы пережить такое в детстве, попасть в детский дом и по-прежнему оставаться человеком. Не очерстветь окончательно и не разочароваться в людях, продолжая, не смотря ни на что верить в лучшее.

«Маленькая девочка... Хрупкая, ранимая» — мысленно вздохнув, Жмур слабо улыбнулся, так и не разжимая объятий. — «Ты ведь всё ещё такая же, да, Жень? Только отрастила цинизм, научилась звать и ершиться при каждом удобном случае. Но все ещё та самая, маленькая девочка... Моя.»

Глава 11

— Птица говорун отличалась умом и сообразительностью, — скрестив руки на груди, я скептическим взглядом окинула группу юных умов, прибывших на экскурсию в морг. Будущие светила от медицины выглядели бледновато, даже на фоне наших светлых стен, и жались друг к другу, явно не понимая, зачем и за что их наказали так сурово и бесчеловечно. — Но не ваш это случай, ой не ваш... Итак, господа студенты. Мы рады приветствовать Вас в стенах нашего во всех отношениях занимательного филиала Кащенко. Для тех, кто не в курсе — психиатрической лечебницы, отделения для буйных. Для тех, кто совсем выпал из темы лекций собственного института, поясню на пальцах. Вы в морге. Пока в качестве гостей. И я очень надеюсь, что к концу нашего короткого знакомства я не обнаружу в прозекторской лишнего трупа. Как и недосчитаюсь своих горячо любимых жмуриков. Всем ясно?

— Да... — нестройному хору голосов бодро подыгрывали отчаянно стучавшие зубы и щелчки фотокамер. Дети боялись, но фотографировали, не смотря, ни на что!

В том числе на мою не очень-то счастливую физиономию, заметившую у некоторых товарищей палку для селфи. И тут же не удержавшуюся от озвучивания собственной позиции насчёт этих самых палок:

— Значит так, орлы. Палка из обезьяны сделала человека, это известный научный факт. Но того человека, которого моя вредная сволочность заметит над трупом с палкой для селфи ожидает внеплановый визит к проктологу, дабы извлечь-таки агрегат из места для него не предназначенного! Ферштейн, майн либен пупкен кляйне?

— Да... — на этот раз хор был более дружным, но всё так же выстукивающим сбивчивый ритм священного ужаса медиков-недоучек перед мертвецами.

— Тогда за мной и не отстаём на поворотах, — развернувшись на каблуках, я бодро попрыгала в сторону любимого рабочего места, попутно показав кулак воодушевившимся санитарам. — Слева от нас группа санитаров, призванная помогать бедным патологоанатомам в их нелёгком деле. На практике же это три обалдую, которые, если не откажутся от своих идей и не притушат фитиль своего туалетного юмора, рискуют оказаться в первой пятёрке, в очереди на внеплановое вскрытие разума, — вечные штрафники нашего морга сдулись и предпочли скрыться в ближайшем подсобном помещении. Готовить план мести или захвата мира, не принципиально. — Если посмотрите направо, можете успеть засвидетельствовать своё почтение нашему бравому заведующему моргом Ивару Захаровичу Блюменкранцу, так

неосмотрительно пытающему скрыться от собственной жены в подсобке у завхоза. Ивар Захарович, окститесь! Вы там не поместитесь, а деньги на приобретение танка для того, что бы вас оттуда вытянуть, в план финансово-хозяйственной деятельности не внесли, увы!

Шеф сменил направление движения, явно намереваясь просить политического убежища у судмедэкспертов. Вот только скрыться банально не успел, напоровшись в коридоре на непревзойдённую Софочку, решившую напомнить супружнику о необходимости пылать любовью при виде тёщи и общаясь с ней.

— Группа, не отстаём, — гаркнула, сворачивая в сторону кабинета Винни с Кабаном. Надо поподробнее ознакомиться с информацией, добытой их бодрим товарищем. А как это сделать с кучкой подопытного материала на хвосте?

Правильно! Сплавить оных в крепкие, надёжные руки садистов с многолетним стажем и просто изуверской фантазией с садистскими наклонностями!

— А-а-а-а! — заорала одна из девушек, столкнувшись нос к носу с Герычем. И попыталась огреть нашего бедного скелета сумочкой по голове.

— Прошу любить и жаловать: Герман. Местный долгожитель, отшельник и удивительно умный бывший человек, — хмыкнула, сворачивая в сторону нужного мне кабинета. — Почему умный? Потому что знает, а главное умеет вовремя промолчать! И не ставит под сомнения труды учителя по анатомии, не сумев отличить искусственный скелет, пусть и модифицированный, от настоящего.

— Я может, мертвецов боюсь! — шмыгнула носом одна та, что врезалась в несчастное учебное пособие.

— Мертвецов бояться, в морг не ходить и на медика не учиться! — отмахнулась от неё, остановившись около знакомой до последней царапины металлической двери, и взмахом руки попросила всех помолчать. — Тихо! А теперь, господа студенты, смертельный номер...

И с размаху пнула ногой по двери, тут же ретировавшись в сторону. Звон стоял гулкий и долгий, а в глубине лаборатории что-то с удовольствием взорвалось, разнообразив окружающую атмосферу едким запахом химических реактивов и звучными словесными оборотами в исполнении двух экспертов.

— А пока наши товарищи эксперты вспоминают, что варили, и что так рвануло, несколько слов о технике безопасности при нахождении в бункере местных злых гениев, господа студенты, — повернувшись к группе, я ласково улыбнулась. Группа вздрогнула, подобралась и насторожилась. — В лаборатории руками ничего не трогать, они на спор проходили курсы по основам минирования. В рот ничего не тянуть, лишний раз не дышать, громких звуков не издавать. Часть их работы весьма чувствительна к изменению климатических, звуковых и средовых условий. Парни-то спрятаться успеют. А вы?

Красноречивое молчание стало мне ответом. Народ явно задумался, занервничал и даже засомневался, в своих силах и своих возможностях. Но, как и всегда в этой жизни, нашёлся тут товарищ, лишённый не только инстинкта самосохранения, но и здравого смысла. Потому как ляпнул не подумав:

— Вы за нас отвечаете!

Моя улыбка стала просто неотразимой. От неё шарахнулись уже все. И довольно хмыкнув, я

ласково, очень ласково уточнила:

— Красавец, я отвечаю за трупы. Вот перейдёшь в категорию мертвец обыкновенный, тогда да, буду за тебя отвечать со всей страстью и прилежанием. А пока вы тут в качестве потенциальных клиентов логопеда, напоминаю: администрация и сотрудники морга никакой ответственности за нанесение моральных, физических и психологических травм в процессе экскурсии не несёт!

И словно в подтверждение моих слов в логове экспертов снова что-то рвануло, и из-под двери повалил густой белый дым. А мой язык снова сработал быстрее мозга, когда отступив в сторону на шаг, я зажала нос рукой и глубокомысленно прогундосила:

— Надеюсь это не хлорпикрин или зарин? А то мало ли! У нас в прошлом году была нехватка по противогазам и костюмам химической защиты...

На этой счастливой ноте, я развернулась и направилась обратно к своим обожаемым трупам, мурлыкая себе под нос небезызвестный марш самого Мендельсона. Учтывая, в какой это было ситуации и что единственным потенциальным женихом, на которого я могла бы согласиться, был бедный Герыч, выглядело впечатляюще. У меня ж ни слуха, ни голоса, ни сочувствия к ближнему своему нет. А у студентов с нервами проблемы, да.

Иначе чего б они в обморок-то падают так... Громко? Да ещё под ноги своим будущим мучителям?

— Кабан, гляди, а у нас тут свежее мясо! — радостно оповестил всех присутствующих Винни. И галантно протянул, срываясь на зловещный хохот истинного адепта Тёмных Сил. — Проходите, товарищи, не стесняйтесь... Вам тут совершенно ничего не угрожает! Бу-га-га-га!

То, что после таких заверений, кто-то снова грохнулся в обморок, меня даже не удивило, совершенно. Я только вздохнула и пожаловалась, прихваченному мною Герычу, бодро брякающему костям на стойке для капельницы:

— И эти люди говорят мне о том, что я произвожу неизгладимое впечатление на людей? Да там, где я училась этому самому впечатлению, они, по ходу дела, преподавали! Нет в этом мире справедливости, Герман, нет... И не было!

Скелет был просто отличным собеседником. Внимательным, молчаливым, стойким... И не требовавшим за собой особого ухода. Так что, плюхнувшись за свой рабочий стол, я пристроила Германа слева от себя и придвинула поближе ноутбук, позаимствованный под благовидным предлогом у самого Захарыча. Почесала бровь, оглядывая очередное скопление бумажек, занявших всё свободное пространство вокруг, и вздохнула:

— Ну, как сказал Гагарин, поехали, ёпт! Попробуем свинтить с этой планеты к чёртовой бабушке и понадеемся, что Ньютон всё-таки не докажет, что у нас это не получится!

Что бы просмотреть всё хотя бы по диагонали у меня ушло минут двадцать. И за эти двадцать минут я успела побледнеть, покраснеть, начать заикаться и осознать, что седых волос у меня после такого экскурса в чужую биографию явно прибавиться. А ещё осознать, в насколько хреновой ситуации я оказалась...

Ну и понять, что идиотское чувство юмора хакера, помешанного на присказках о богах Олимпа с не очень приличным содержанием, это ещё не самое плохое, что может быть в этой жизни.

Закрыв последний документ, я скачала всё на флешку и убрала серебристый прямоугольник в карман джинсов. После чего оттолкнулась от стола и проехала пару раз по пустому залу, пытаясь привести в порядок собственные мысли. Они приводиться не хотели. А единственным желанием было последовать примеру чёртова страуса: засунуть голову в землю и притворится, что ничего не происходит и всё будет хорошо.

Эх, мечты-мечты!

— Евгения Сергеевна... это... там студенты того... Экспертов до обморока довели!

Раздавшийся со стороны входа голос взволнованного санитары был как гром среди ясного неба. Не успев вовремя затормозить, я врезалась в Германа и уже с ним прибыла прямо в горячие объятия Шугурова. Тот, в свою очередь, не ожидал такого подарка от Судьбы-злодейки...

И уже всей дружной и тесной компанией мы с радостью врезались в стену коридора, гремя костями и ругаясь. Не матерно, но выразительно. А главное — слажено, проявив невиданное единодушие. Даже Герман что-то одобрительно клацнул челюстью, поддерживая души невиданный порыв.

— Уф... =- наконец, сумев взять себя в руки, я сообразила, что именно мне сообщил санитар. — Так... Какие студенты? Каких экспертов?

— Ну этих... Винни с Кабаном. Ты им сегодня группу спланировала, а они их того... Этого... Ну в смысле, довели, во! — понять что-то из того словесного потока, что на меня низвергнули было проблематично. Но я вычленила главное.

Студенты, про которых я забыла. Эксперты, которым я студентов оставила для присмотра и превентивного запугивания. И если Шугуров с похмелья ничего не перепутал, то первые довели последних до потери сознания, пульса и речи. Матюгов-то не слышно, да и не взрывалось ничего в ближайшие минут пятнадцать точно, а это уже настораживает.

— Так... — глубоко вздохнув, я поднялась с пола и, вручив Германа в руки санитару, медленно закатала рукава халата. — Ну-ка, пошли. Посмотрим, кто там и кого до обморока довести умудрился...

— Евгения Сергеевна, а я... А у меня...

— За мной, Шугуров! Я за тебя, ежели что, обязательно злодейски и подло отомщу! Пошли-пошли! Родина тебя не забудет!

— Ага... Посмертно наградит... — пробормотал себе под нос парень, печально вздыхая и шагая следом за мной. Успевая только отлавливать меня на особо крутых поворотах, дабы не врезалась во что-нибудь ещё и не устроила кому-нибудь внезапную психологическую, эстетическую или морально-физическую травму.

Прецеденты были, однако!

Добраться до логова маньяков от науки оказалось легко и не отняло много времени. Пять минут пешком прогулка, и я заглянула в гостеприимно распахнутые двери лаборатории. Дабы хамереть на пороге, озадаченно почесав затылок и тихо порадовавшись тому, что челюсть я всё же удержала на месте. Зато язык не смогла!

— Итак, кому ж так понравилось в нашем морге, что он решил прописаться тут на постоянной основе? Я, конечно, не ясновидящая, но могу побыть немного Вангой и предсказать... Ждут вас неудачи дерзкие, подзатыльники крепкие, беды невероятные и проблемы неприятные! Потому как когда они, — тут я ткнула пальцем в распростёртые на полу тела в белых, форменных халатах, — придут в себя... Даже я не боюсь предсказать, какие ж будут последствия! Ну? Кто, где, когда... И самое главное, как?!

Студенты дружно промолчали, украдкой продолжая делать фотографии. Я мысленно сделала пометку отобрать технику и почистить все сделанные снимки. Чувствует моя печень, там будет много того, за что бедным, глупым студиям может грозить отчисление и уголовное дело. И, украдкой показав кулак Шугурову, делающему компрометирующие экспертов снимки на свой телефон, очень ласково проговорила:

— Дамы и господа... Либо вы рассказываете, либо я привожу их в сознание и закрываю вас тут наедине. И доказывайте потом товарищам недовольным жизнью и происходящим экспертам, что вы не верблюд и не имеете никакого отношения к случившемуся. А фантазии у них буйная... Герман их творение.

— Он же искусственный! — робкий голос из толпы, попытался развеять ступившуюся атмосферу мрака.

— А вы докажите! — ехидно протянула, скрестив руки на груди и иронично вскинув бровь.

Студенты заволновались, перешёптываясь друг с другом... И покаянно склонив голову, выдали, что же тут произошло, кто так отличился и почему два закалённых интригами, пакостями и неприятностями судмедэксперта протирают штаны на бетонном полу!

— Нда, не зря говорят... Большому кораблю, большая торпеда и крупное кораблекрушение, — задумчиво протянула я, переглянувшись с санитарями. И философски выдала. — Ну что могу сказать... Звёздочки на плечах рисовать не буду, вы не мессеры, а эти два трупа на сбитых советских лётчиков никак не тянут. Однако, на будущее, юные светила медицины, советую запомнить: в споре экспертов нет правых и виноватых. Есть только чокнутые потенциальные камикадзе, решившие вмешаться в их околонаучные и не очень исследования. И влезать в них не рекомендуется даже непосредственному начальству, во избежание так сказать.

— А... А что нам делать? — вновь подал робкий голос худощавый, бледнолицый, светловолосый пацан со священным ужасом поглядывая на бессознательных парней. Те блаженно чему-то улыбаясь, как Менделеев увидевший свою таблицу и приходить в себя пока не собирались, вообще.

— Почистить все фотографии с сегодняшней экскурсии и в ближайшее время не попадать в немилость лектору. Боюсь, повторный ваш визит приведёт к... Ну к весёлому времяпрепровождению точно, — хмыкнув, кивнула головой Максиму. — Проверь, что бы всё стёрли. И Шугуров... Найду нычку, сам знаешь, что с тобой будет! Герману давно нужен напарник, а мой любимый рассказ про Шерлока Холмса — это «Собака Баскервилей»!

— Так точно! — Шугуров вытянулся в струнку, шутливо козырнув и тут же направившись к студентам, переступая через бессознательных экспертов. Ну а я...

Я развернулась и поспешила скрыться с глаз народа, пока мне ещё хватало сил сдерживаться. Но завернув за угол, не выдержала и расхохоталась, согнувшись пополам и вытирая выступившие на глаза слёзы. Ну как? Ка-ак?

Как два этих великовозрастных оболтуса умудрились так подставиться-то? Ладно, решили поиграть в злых гениев, простительно! Развлечений в морге мало, работы много, а сбрасывать напряжение как-то нужно. Это я понимаю и разделяю, самая такая же, а то и хуже. Но как, как они додумались нюхнуть непонятное для студентов вещество и начать изображать обезумевших зомби?!

Нет, я-то знаю, что это была сахарная пудра (ну я так думаю, по крайней мере) и никакой опасности, никому не грозило. Но студентов-то о специфической тяге наших ребят к странным шуткам никто не предупредил. Как и о том, что последние пару дней они подсели на фильмы про зомби-апокалипсис. Отсюда и попытка изобразить этих самых зомби, жаждущих дорваться до чужих мозгов...

Дорвались, ага. Тут мой смех пошёл по второму кругу, вспоминая виноватые лица детей. Они, как оказалось, тоже любили зомби-апокалипсис. И приложили преобразившихся экспертов по голове первыми, попавшимися под руку тяжёлыми предметами! В несколько рук, ага. Разом! Тут не то что головы Винни с Кабаном, тут чугунное изделие вряд ли бы выдержало, при такой-то тяге к членовредительству со стороны юных, неокрепших умов!

Наконец, я сумела перестать банально ржать и сделала пару глубоких вздохов...

После чего нервно хохотнула, нащупав в кармане флешку и убедившись, что не посеяла её впопыхах:

— Весёлое место морг, что не говори... До гроба доведут, до ручки, до психушки и добрых дядей в белых халатов... Вот работали бы так, черти!

С трудом поднявшись, я отряхнула помятый халат и, продолжая порой срываться на тихое хихиканье, поплелась обратно в прозекторскую. Попутно честно пытаюсь найти в своей душе хоть каплю сочувствия к друзьям-неразлучникам. И задумываясь о том, что надо будет стрясти с Шугурова копии снимков. Зуб даю из запасной челюсти Германа, он себе копию обязательно оставит!

Подняв кресло, я подкатила его к рабочему столу и уселась, закинув ноги на столешницу. Вытащила флешку, вертя её в пальцах и глубоко вздохнув, принялась размышлять на тему: в каком неприятном месте я оказалась и как мне из него выбираться.

Итак, хакер выяснил следующее. Те «милые» люди, что так «ласково» поздравили меня с назначением на должность заместителя заведующего, они были птицами не очень высокого полёта. С корнями из лихих девяностых и с теми же представлениями о том, как надо вести дела. Облагородились со временем, но стиль не поменяли совершенно. И за свой денежный мешок, которым по «счастливой» случайности стал наш морг, собирались бороться до конца.

Вот только до чьего конца, пока не понятно. Вполне возможно, что до моего, если не найдется, хоть какой-то выход.

Радовало, что ребята до высших сфер власти не добрались. Печалило, что мне и птичек их полёта хватит за глаза, дабы самой пойти могилку на кладбище копать. А вселяло надежду то, что парни действовали прямолинейно, бухгалтерию скрывали, но не шибко сильно, а свои маршруты поставки товара, не меняли лет пять. Как и врачей, с которыми они работали.

Такая самоуверенность умиляла. И была оправдана, если честно. Они единственные, кто в нашем городе занимался такой «работой» и не боялись конкуренции. Видимо, имели неплохие

связи в правоохранительных органах, что бы на них закрывали глаза и не обращали никакого внимания на некоторые странные происшествия.

Ну да, чего такого, что труп на свалке выпотрошенный найдут, органы какие-то по отдельностям валяются по городу и в одном конкретном морга должность заместителя заведующего странным образом обрастает то тёмными проклятьями, то невезучими кандидатами. Мелочи жизни, право слово!

— Так-с... — развернувшись, я глянула на Германа, прислонённого к стене напротив, и сцепила пальцы в замок. — Как говорил кто-то из моих любимых героев... Что б я так жил, как они танцуют! Информацией я разжилась, это плюс. Информация меня напугала, это минус. Действовать в лоб — не вариант, отсиживаться в уголке тоже. Прямо патовая ситуация, Герыч... Можно бы патовее, да некуда просто!

И крутанулась в кресле, пытаюсь понять, как же всё-таки быть. Единственным вариантом, приходящим на ум, было затаиться и собирать информацию. Потихоньку, помаленьку. Бумажка там, бумажка тут, факт здесь. Не смотря на все сомнения и мою личную нелюбовь к бюрократии, именно она способна стать той соломинкой, что переломит хребет верблюду моих неприятностей. Я бы даже скала, очень конкретному верблюду. Коленькой зовут.

Что б ему подавиться оливкой в его обожаемом мартини!

— Ну, с первыми намерениями я определилась... А теперь можно и поработать, — решив кое-что для себя и получив хоть какую-то определённую, я облегчённо перевела дух. И принялась за отчёты, сваленные на меня Блюменкранцом исключительно по доброте душевной. Как оказалось, никто не сделает их за меня и вместо меня.

Даже если я продиктую все цифры и дам ответы на все вопросы!

Неожиданное затишье в морге послужило хорошим стимулом одолеть навалившиеся бумажки за один раз. И на протяжении трёх часов кряду я и головы не поднимала, ругаясь сквозь зубы, поминая всех, кто на ум приходил, заливаясь кофе под завязку и всё больше напоминая тот самый свежий труп, стоило глянуть на себя в зеркало в туалете. Но оно того стоило...

В шесть часов вечера я довольно вздохнула, потянувшись и размяв затёкшую шею. Закрыла нгутбук, сложила документы в стопку...

И вздрогнула, когда шею обхватили сильные мужские пальцы, сдавив и не давая дышать. Я захрипела, отчаянно пытаюсь вырваться из крепкой хватки. Но меня только дёрнули вверх, с силой приложив спиной о стол-каталку и прижав к ледяной, металлической поверхности.

— Ну здравствуй, тётя-врач. Я смотрю, ты над нашим предложением даже думать не стала, да? — высоченный, двухметровый лоб улыбался холодно и зло, сжимая пальцами моё горло всё сильнее. И только когда я поняла, что задыхаюсь и вот-вот свалюсь в банальный обморок, меня резко отпустили, давая сделать желанный вдох.

Что бы снова приложить спиной, удерживая на месте и приставив ко лбу пистолет. Дабы совсем уж не дёргалась и не пыталась освободиться.

— Тётя-доктор такая глупая или такая смелая? По собственной глупости? — ещё один голос был знаком. Очень знаком. Он был вкрадчивым, полным язвительной иронии и настолько самоуверенным, что трудно было бы не признать. Учитывая, сколько раз мы с ним сталкивались в словесных перепалках.

А я и забыла, что именно он сегодня мой сменщик...

— Коля... — просипела, стараясь не шевелиться лишний раз и даже не моргать. Затылок отдавал тупой, ноющей болью. Пистолет у лба нервировал, а металлический стол промораживал до костей. — Неужели решил снизойти до простых смертных и поработать? Завтра снег растает, зуб даю...

— Свой? — иронично вскинул брови Николай, наклонившись ко мне с другой стороны, и дружелюбно похлопал по щеке. — Могу организовать, если хочешь.

— Не, мой для тебя... Кха... Слишком шикарный подарок, — браток, державший меня за горло, надавил сильнее, вызывая хрипы, плавно перетекающие в слабый стон.

— Не прибеи раньше времени, — хмыкнул коллега, скрестив руки на груди и глядя на меня взглядом профессионала. В смысле, мысленно уже и вскрыл, и протокол вскрытия заполнил и в графе причина смерти прописал «пала от собственной глупости, недалёковидности и никому не нужной гордости».

— Добрый... Мальчик, — тихо хмыкнула, даже не шевельнувшись, когда здоровый лоб отпустил мою несчастную шею и сделал пару шагов назад. Правда, пистолет он не убрал, продолжая держать меня на прицеле.

Ну что, Харон? Мечтала сняться в кино? Радуйся, ты блин, в самом центре эпического боевика!

Глубоко вздохнув, я медленно села, стараясь не делать резких движений. Кто этого бандита знает? Я всего-то чихну, а он во мне пару дырок сделает, чисто в профилактических целях. И только когда руки более или менее перестали дрожать, я дружелюбно осведомилась:

— Ну и? Что за явление громил народу? Если хотел спросить, мог бы и сам подойти... Вежливо, ласково... По дружески, не?

Кто бы знал, чего мне стоило сохранить внешнее спокойствие и даже улыбаться этим тварям, стоящим передо мной. Шея ныла, связки горели огнём, а в груди всё обмирало от того самого, примитивного, животного ужаса и повторного осознания того, во что я всё же вляпалась. Неприятно чувствовать себя идиоткой.

Но именно таковой я себя и ощущала, понимая, что сейчас меня не пытаются убить только потому, что ещё не вышло время, отведённое мне на подумать и принять правильное решение. То есть вежливо отказаться от должности и, в перспективе, вообще уволиться из морга.

И как же мне сейчас страшно... На самом деле страшно!

— Я тебя помню ещё во время стажировки, Женечка. У тебя всегда на всё своё мнение и решения ты принимаешь исключительно самостоятельно... Нужно либо быть тебе близким другом, дабы повлиять на них, либо... — тут Николай выдержал драматическую паузу и добавил, довольно улыбаясь. — Либо продемонстрировав, что другого выбора на самом-то деле и нет. Женя, ты же не хочешь, что бы тебе было снова больно, так ведь? И работу потерять не хочешь, тебе же тут нравится? А ещё... — голос коллеги опустился до тихого, прочувственного шёпота. Этот скользкий гад наклонился ниже, к моему уху, доверительно сообщив. — Ты же не хочешь, что бы из-за тебя пострадал кто-то ещё? Например тот милый, симпатичный юноша, что проживает вместе с тобой? Или наш дорогой, любимый Ивар Захарович? Или Артемий с Даниилом? Не хочешь, так ведь?

Сердце гулко ухнуло, забившись рвано и сумасшедшее. Я глубоко вздохнула, выдохнула и впервые, сознательно, грубо и вполне осознанно нахамила своему собеседнику.

— А ты, Николяша, я смотрю, возомнил себя кем-то сильным в этом мире? Ха-ха, дружок. Три раза! Знаешь, почему ты всё ещё живой, такой важный и такой смелый? Потому что ты — удобный. В меру обнаглевший, потерявший всякое человеческое, обесценивший и себя и собственную гордость в ноль... И не задающий никаких лишних вопросов. Да, Николяша, ты крут. Но ты как был никем, так никем и остался. Денег много платят, да? А себе, Коля, они гребут ещё больше. Прикинь, да? Тебя обувают по всем параметрам, потому что ты у них не единственный. Самый удобный, но не единственный и точно неповторимый...

Сильный удар обжёг скулу и чуть не свернул мою бедную шею. Врезав мне кулаком по лицу, Николай сдавил моё горло, не давая сделать и вдоха, после чего плюнул в лицо, оттолкнув. Я только чудом не навернулась со стола, в последний момент ухватившись пальцами за его край.

— Правда глаза колет? — хрипло каркнула, закашлявшись и улыбнувшись. — Смирись, Коленька. Ты в этой цепочке — всего лишь махонький винтик. Который удобен, да... Но который легко заменить. А вот моих близких трогать не стоит, Коля... Ты ж знаешь, у меня мозгов нет, думать не умею... Зато по глупости могу много чего интересного сотворить, ага. Ты ж знаешь меня, да, Коля?

— У тебя пять дней, Харина, — Коля презрительно скривился, махнув рукой настороженно замершему братку. — А после... Пеняй на себя, раз такой дура.

И эта закадычная парочка удалилась, оставив меня в гордом одиночестве. В компании верного Германа, мерно тикающих часов и волнами накатывающей истерики. Обхватив себя руками за плечи, я опустила голову, раскачиваясь из стороны в сторону. В голове вертелась последняя фраза так называемого коллеги.

И в кои-то веки я с ними был совершенно согласна, готовая подписаться под каждой буквой в слове «дура».

На то, что бы успокоиться, у меня ушло минут десять. И слава святому ёжику, никто в зал не заглядывал, с внезапными новостями не лез и не орал как оглашенный. Потому что в том состоянии, в каком я была, внезапному гостю могло прилететь всё, что угодно. Начиная от стойки для капельницы, заканчивая пресловутым скальпелем.

Но видимо, Бог всё-таки есть на свете, и помог избежать такой страшной участи всем, кто находился в этот час в морге. Так что, сумев отцепить пальцы от края стола, я слезла с него на пол и поплелась, шатаясь, в сторону ближайшего санузла. Где со всей дури приложилась лбом об дверь, треснула по ней пару раз кулаком, после чего...

Разревелась.

Беззвучно, рвано, глотая слёзы и слова. Сжавшись в комок и чувствуя себя слабой и беззащитной, ни на что не годной и не способной даже уберечь от неприятностей собственных близких. Да что там! Судя по всему, я не могу быть в безопасности в собственной квартире и не могу гарантировать её бедному Жмурику. И как быть? Что делать-то?! Как объяснить бывшему и такому дорогому трупу что происходит и как понять, что он говорит в ответ?

Проглотив последний всхлип, я поднялась с пола и тщательно умылась ледяной водой, прижимая ладони к лицу и стараясь не слишком сильно давить на пострадавшую щеку.

Критическим взглядом осмотрела себя в зеркале и цокнула языком. Явно будут новые синяки, как и на шее. И коротко выдохнув, вышла из туалета, вспоминая, куда дела собственный телефон.

Сотовый обнаружился на рабочем столе, рядом с одолженным ноутбуком. Полистав список контактов, я на пару секунд зависла, задумавшись, а нужно ли это. И решительно нажала на вызов, не сев, рухнув в кресло.

Ответили не сразу, но всё-таки ответили.

— Слушаю, — голос Эльзы звучал сонно и несколько устало.

— Привет, Отмороженная моя, — мой голос всё ещё хрипел. И я потёрла шею, надеясь, что со стороны это не кажется странным. — Мне нужен русско-корейский разговорник.

— А... — кажется, Эльза не сразу сообразила, о чём идёт речь. Но память мою любимую подругу не подвела и она, тяжело вздохнув, заметила. — У меня только один, ты же знаешь. Живой, язвительный и рыжий.

— По большому африканскому барабану, Эльзёныш. Мне позарез нужен русско-корейский разговорник. Просто край, — снова потеряв шею, я прикрыла глаза, вспоминая, каким спокойным и уютным было обоюдное молчание со Жмуром.

И как здорово было провести вместе вторую часть воскресенья и понедельник, наслаждаясь его мстью и мстя в ответ. Это было удивительно. Это было невероятно. Это было таким... Родным. Близким. Необходимым как воздух. Я не могу это потерять.

— Ладно, — помолчав пару минут, выдала Фроз. — Ты завтра как?

— В ночь, — ответила я, припомнив собственный график работы.

— Значит, завтра днём мы придём в гости, — Эльза тихо хмыкнула. И я ни капли не удивилась, что она не только сложила два и два, но и сделала верные выводы.

— Ты знаешь, что я тебя люблю? — устало вздохнула, чувствуя, как по щекам вновь текут слёзы.

— Ага, — Эльза широко зевнула и уже куда как серьёзнее поинтересовалась. — Ты мне ничего не хочешь рассказать? Я чувствую, что что-то случилось, Жень. Я волнуюсь. А ты же знаешь, мне нельзя сейчас волноваться.

Губы сами собой искривились в болезненной улыбке. Зажав рот рукой, я с трудом подавила очередной виток истерики. И только отдышавшись, тихо попросила:

— Эльзёныш, льдинка моя... Пожалуйста, не надо, а? Я всё расскажу, обещаю. Но не сейчас.

Пару минут в трубке стояла напряжённая тишина. Угрожающая такая, с нотками осязаемого, просто осязаемого подозрения. Но Эльза не была бы Эльзой, если бы продолжила на меня давить. Подруга только чему-то задумчиво хмыкнула и согласилась:

— Ладно. Я тебе скину сообщение, когда мы будем выезжать. И пожалуйста, Харон... Не пытайся пробивать лбом железные двери. Для этого есть свои специалисты. Договорились?

— Договорились, — отключившись, я бросила телефон на стол и потёрла лицо ладонями,

старательно загоняя, куда подальше эту чёртову истерику, так и не отпустившую меня до конца. — Договорились...

Наконец, когда руки всё же перестали дрожать, я повела плечами, скидывая некое подобие оцепенения, и глянула на настенные часы. Моя смена давно и прочно закончилась где-то с час назад. Так что плюну на всё и вся, я стала собираться, намереваясь хотя бы до дома добраться без происшествий. И почти не удивившись, когда возле самого выхода меня отловил наш заведующий, объявив о том, что скоро прибудет целая толпа жмуриков и Коля один не справится.

— Женечка, я таки понимаю, ты уже домой собралась... — печально вздохнув, Блюменкранц развёл руками. — Но увы, все морги переполнены, мы одни свободные остались. Массовая авария, придётся выручать коллег.

На последнем слове меня явственно передёрнуло, стоило вспомнить, чем завершился последний разговор с одним моим коллегой. Но возразить шефу мне было нечего, да и отказать видимого повода тоже не нашлось. Пришлось возвращаться обратно, скидывая рюкзак прямо на рабочий стол.

При этом, переодеваясь в рабочую форму, я цинично размышляла о том, что мне сегодня не стоит стоять в паре с Колей. Просто потому, что никто и ничто в этом мире не может гарантировать того, что я не попытаюсь прирезать эту гниду. Чисто из соображений собственной выгоды и всеобщего блага.

Вот только... Когда мне так везло-то?

Выйдя из раздевалки, я нос к носу столкнулась с холодно улыбающимся Николаем, натягивающим перчатки и придирчиво рассматривающим инструменты в лотке. Заметив мой недружелюбный взгляд, блондин только хмыкнул, сделав приглашающий жест рукой:

— Сегодня работа в четыре руки, Евгения. Присоединяйся.

И было в его тоне что-то такое, от чего интуиция взвыла дурным голосом, хватаясь всеми конечностями за инстинкт самосохранения и требуя вернуться назад. Вот только вместо этого, я молча кивнула, вставая напротив. Хмурые санитары завели первое тело, выгрузила его на стол перед нами и тут же скрылись, подчиняясь властному зову Ивара Захаровича.

— Ну, кто начнёт? — всё с той же интонацией, вежливо осведомился коллега, взяв в руки скальпель.

Я хмыкнула, взяв в свою очередь второй, и наклонилась над телом молодого парня, лет двадцати-двадцати-трёх на вид. Меня ждали ещё несколько часов долгой, тяжёлой работы не в самой приятной компании. И тратить время на разговоры у меня не было ни сил, ни желания.

Тем более, на разговоры с этим подобием человека.

Тихий щелчок замка выдернул его из состояния лёгкой дремоты. Тряхнув головой и потеряв лицо, Жмур встал, неслышно выйдя из комнаты в коридор. Свет никто включать не стал. Но даже того скудного освещения, что давали уличные фонари за окном, хватило, что бы разглядеть синяки под глазами девушки и её неестественную бледность.

Как и начавшие наливать синяки на шее, которые Женька даже не стала скрывать. Прислонившись спиной к двери, она пару мгновений постояла, а потом медленно съехала вниз, уставившись невидящим взглядом куда-то в сторону. И сидела так минут пять, не шевелясь и ничего не говоря.

Нахмурившись, Жмур присел рядом с ней, осторожно коснувшись влажной от слёз щеки. Женька вздрогнула и шарахнулась в сторону. Но спустя пару секунд, разглядев, кто рядом с ней, она судорожно вздохнула и уткнулась лбом в плечо парня, обняв его холодными руками за талию.

— Всё хорошо, Жмур, — глухо прошептала Женька, прижимаясь к нему крепче. — Всё обязательно будет хорошо... Не смотря на то, что будет плохо.

Жмур хмыкнул, стаскивая с неё пуховик и бросая его на тумбочку вместе с рюкзаком и шапкой. И, вздохнув, подхватил её на руки, уже привычно утягивая вернувшегося с работы патологоанатома на диван. В том, что всё будет хорошо — он не сомневался, никогда.

Осталось только убедить это ершистое чудо. И обработать синяки на шее, да. Кажется, её проблемы решили напомнить о себе исключительно силовыми методами, пытаюсь если не сломать, то напугать Женьку.

— Жмур, — тихо позвала девушка, старательно разглядывая майку у него на груди и не поднимая глаз. — Завтра придёт человек, который обсудит с тобой несколько моментов. Не спрашивай, чего мне стоило позвать этот русско-корейский разговорник на двух ногах. Я хочу, что бы ты не только выслушал её, но и уехал вместе с ней...

Услышав эти слова, Жмур напрягся, взяв её пальцами за подбородок и подняв её лицо. На щеке тоже оказался синяк, губа была припухшей. Но пугал взгляд. Беспомощный, больной, уставший и испуганный. И боялась Женька не за себя, а за него.

Впрочем, как и всегда. На себя ей было плевать, а вот «проблемы», пол всей видимости, решили давить на самое слабое место храброго патологоанатома.

— Пожалуйста, — погладив кончиками пальцев его по щеке, Харон наклонилась и уткнулась носом в шею бывшего трупа, судорожно вздохнув. — Пожалуйста, Жмур. Это действительно важно... Для меня.

Тихо вздохнув, Жмур кивнул, прижимая её к себе крепче и пристроив подбородок на взъерошенной макушке. А сам сделал мысленную пометку быть очень осторожным с этим самым «разговорником». И ни при каких обстоятельствах не оставлять Женьку один на один со всем, что уже произошло и что произойдёт дальше.

Ни при каких.

Глава 12

— Куда идём мы с Пятачком, большой-большой секрет! На остановку за бычком? О да, о да, о нет! — жизнерадостное пение раздавалось на весь двор.

И будило в прохожих любопытство, страх и самые нехорошие подозрения, когда мимо них,

перепрыгивая через сугробы, промчалось невысокое, худощавое и отчаянно рыжее недоразумение.

К слову, так и не прекратившее распевать полюбившуюся песенку.

— Чудище, твой оптимизм разрушает мой мозг, — мрачно откликнулась, прекратив подпирать спиной дверь в собственный подъезд и шагнув на встречу подошедшей парочке. Составлявшей на самом-то деле поразительный, просто-таки дивный контраст.

Спокойная, даже слегка флегматичная Эльза. Её я с радостью обняла, чмокнув в щёку. И активно подпрыгивающая на месте Анька Солнцева, которую не изменило ни время, ни собственный парень, ни всё, что с ней произошло. В неизменных зимних ботинках, джинсах и короткой куртке, она напоминала отчаянного и жутко взъерошенного воробья. И этот самый воробей не мог оставить моё приветствие без ответа. Просто по определению.

— Если ты найдёшь бычок, курим вместе, Пятачок! — продолжила напевать Солнцева, вытащив сигареты и прикуривая одну. — А если я найду бычок... Ну ты понял, Пятачок! Слушай, любительница трупов, было бы что разрушать в этой черепной коробке, ей богу! — и фыркнув на неодобрительный вздох Эльзы, она заинтересованно осведомилась. — Ну, тень отца Гамлета, колись! Чем и когда тебя так приложить умудрилось на твоей горячо любимой работе, что ты про мою скромную персону вспомнить умудрилась?

Мысленно представив, что бы можно было сделать в морге, дабы чуть-чуть притушить этот фонтан жизнерадостности, я вздохнула и едко ответила:

— Ты даже не представляешь, чем меня приложили, обо что и сколько раз. Качественно так, с душой... И я бы про тебя не вспомнила, Солнцева, — усмехнулась, стараясь сильно не морщиться от ноющей боли. — Если бы у меня был свой русско-корейский разговорник!

Пристальный взгляд Эльзы я стойко проигнорировала. Синяк на скуле цвёл таким буйным цветом, что только энное количество тонального крема одолженного у вездесущего Славика, вернуло мне относительно здоровый цвет. Вместе с неуместным загаром, но это были мелочи жизни, на самом-то деле.

— Один-один, — довольно протянула Солнцева, искоса поглядывая на резко побледневшую Эльзу.

Та сделала пару глубоких вдохов и скривилась, зарывшись носом в воротник шубы. И пробормотала, еле слышно:

— Ненавижу селёдку...

— Н-да, вот поражаюсь я мужской слепоте, — задумчиво протянула рыжая, выбросив окурок в урну. — У тебя же все признаки беременности на лицо и другие части тела. Такое ощущение, что Олежека кто-то головой обо что-то очень твёрдое приложил, раз он до сих пор не сложил два и два!

— Любовь слепа-а-а... — поддакнула, со вздохом выживая мятную жвачку из кармана и протягивая её несчастной беременной женщине.

— Ладно, он от любви ослеп, — согласилась Солнцева. И тут же выдала. — А остальные?!

— Если его и приложили, — Эльза вымученно улыбнулась, сделав пару шагов в сторону и кидая

на вышедшую из подъезда бабушку недовольный взгляд. Спрятав нос в воротник, она тихо хмыкнула. — То явно ещё до встречи со мной. Что касается работы... Им куда интереснее обсуждать нашу неповторимую Кавай-сан, чем интересоваться жизнью простого, скромного администратора... Ну и Федю спаивать, да.

— Ревнуешь что ли?! — отвисшая челюсть рыжей приятно радовала глаз, а уж выражение некоторого охрещения на лице и вовсе подняло настроение на несколько пунктов.

Ответом её стал укоризненный взгляд Эльзы, покрутившей пальцем у виска:

— Исключительно к кактусу, потому что, учитывая, какая у нас, у простых администраторов работа, без дозы алкоголя порою бывает просто невыносимо. Да и что я тебе объясню? Гот решивший жениться на эмо, это я тебе скажу... Ну без бутылки не отпустит!

— Да там и с бутылкой не отпустит... — согласно вздохнула Анька, почесав затылок. И хрюкнула, явно что-то вспомнив. — Но согласись, Олег тогда очень вовремя появился! С этой своей... Жизнеутверждающей футболкой!

— Хочешь умереть, спроси меня, как? — Эльза хмыкнула. — О да, вовремя. И знаешь, мне его даже совсем не жалко было, да... Когда эта парочка стала расспрашивать его о методах массового самоубийства, которые он им может рекомендовать! Ладно, я на ночь справочник судебной медицины читала... Подказала ребятам пару интересных вариантов. Даже картинки показала...

— Напомни мне не брать тебя с собой на работу, — задумчиво протянула я. И подумала о том, что я знала, что беременность меняет человека...

Но что б так?!

Кажется, точно таким же вопросом задавалась и Солнцева, неосознанно встав поближе ко мне и подальше от добродушно улыбающейся Фроз, сейчас казавшейся просто доброй, крёстной феей... У которого топор в ремонте, а крылья сдала в химчистке, да. Кровь, видите ли, на них случайно попала, непорядок!

— Кхм, так зачем я тебе понадобилась, говоришь? — наконец, отмерла Солнцева, погрозив кулаком тихо смеющейся Эльзе. Ту явно повеселило выражение наших лиц и теперь она стояла, подставив лицо зимнему солнцу.

— Говоря кратко... — засунув руки в карман пуховика, я вздохнула, ссутулившись и тщательно подбирая слова. — Мой альтруизм обеспечил меня сомнительной компанией на все новогодние праздники. И эта самая компания в результате несчастного случая русский-то понимает... Но говорит исключительно на корейском.

— Ух ты ж ё... — удивлённо похлопав глазами, Солнцева озадаченно почесала нос и поинтересовалась. — Не, ну если понимает, что тебя не устраивает-то? Зато всё как ты любишь! Ни одного лишнего слова, так сказать!

— Солнцева, ты... — глубоко вздохнув, я постучала ей по лбу. — Меня не устраивает, что я его не понимаю! А сейчас мне надо, что бы ему объяснили необходимость пожить в другом месте и что бы мне перевели его ответ! Ну, в идеале, конечно же...

— Лан, посмотрим, что получится, — вздохнув, рыжая махнула рукой. — На месте разберёмся. Ну? Где пациент?

Я её заразительного оптимизма не разделяла, но всё же открыла дверь, заходя внутрь и поднимаясь до своей квартиры. Первой пропустила Эльзу, следом толкнула в спину замешкавшуюся Рыжую, засмотревшуюся на моего соседа, опять воевавшего с щитком. И уже затем зашла сама, неторопливо закрыв замок.

Оборачиваться не хотелось, но изумлённая тишина, повисшая в коридоре, меня знатно нервировала. Не выдержав, я всё-таки повернулась лицом к народу, с удивлением разглядывая замершую на одной ноге Солнцева, видимо пытавшуюся снять ботинки до этого. Рядом стояла Эльза, уже успевшая повесить шубу на крючок и, игнорируя как застывшего в дверях комнаты Жмурика, так и внезапно онемевшую рыжую, прошествовала прямой наводкой на кухню.

И уже оттуда поинтересовалась, нарушая повисшее, осязаемое прямо-таки молчание:

— Харон, у тебя есть что поесть или опять в холодильнике похороны мыши?

— У меня сегодня грузинское блюдо, — нахмурившись, откликнулась я, обходя Солнцева и искренне недоумевая, что могло лишить её дара речи, да ещё так надолго. На моей памяти такого ещё ни разу не было. — Жри чо дали и жри чо нашёл, называются.

Тут немая сцена, разыгравшаяся в моём коридоре, всё-таки закончилась. Громко, со вкусом... И исключительно на корейском. Жмур ругнулся и что-то быстро проговорил, выставив вперёд руки и отступая в комнату. Анька в ответ улыбнулась. Так, что даже мне стало несколько не по себе.

Она закатала рукава рубашки и проговорила, шагнув следом за Жмуриков в комнату:

— Вы будете не против, если мы поговорим немного наедине? Нам нужно выяснить, некоторые моменты, да... Прежде, чем поговорить на серьёзные темы. Познакомиться там, проникнуться доверием...

Ответ она ждать не стала, бесцеремонно захлопнув дверь прямо перед моим носом. Тем самым отрезав мне путь и оставив стоять в гордом одиночестве, глупо хлопая глазами и не зная, что на это сказать и как реагировать.

Как ни странно, ситуацию спасла Эльза. Незаметно подкравшись, она сунул мне в руки кружку с горячим травяным сбором, и глубокомысленно заметила, склонив голову набок:

— Знаешь, Харон... Впервые в жизни слышу такой бурный диалог на чужом языке. Но могу поклясться всем, чем хочешь, они там, — кивок головы в сторону двери, — отнюдь не о погоде говорят. Во всяком случае, интонации однозначно матерные... Их я ни с чем не перепутаю.

— Чем дальше в лес, тем злее партизаны... — вздохнула, обхватив кружку двумя руками. — Как думаешь, всё хорошо будет?

— Понятия не имею, — пожалла плечами Эльза, успев оттащить меня в сторону, когда дверь распахнулась, и в неё вытолкали вяло сопротивляющегося Жмурика. У того было страдальческое выражение лица. Но он не возражал, когда Анька, вышедшая следом, сунула ему в руки ботинки и пуховик.

И коротко высказала что-то на неизменном корейском, скрестив руки на груди. Я могла бы поклясться любимым моргом, что мой бывший труп явно смутился, опустив голову и послушно одеваясь.

— Мы пойдем, прогуляемся, немного, — пояснила свои действия Солнцева, продолжая выталкивать замершего на пороге и смотревшего на меня печальным взглядом парня. — Воздухом свежим подышим. А то у некоторых это... Приступ! Клаустрофобии, во!

— Чёт незаметно... — скептически вклинилась в молчаливый диалог двух упрямых взглядов Фроз, продолжая спокойно потягивать свой чай. Я только диву давалась, как у неё это получается.

Впрочем, общалась же она с неадекватными байкерами, их клиентами и собственными братьями. Так что было бы удивительно, если бы она до сих пор на всё безумное и невероятное реагировала бурно и громко.

— Поверь, — пропыхтела Анька, сумев таки вытащить Жмура на лестничную площадку. — Я знаю, о чём говорю!

Второй раз за ближайшие пять минут я устала на закрытую дверь. В голову закралась подлая мыслишка, что не стоило идти на такие радикальные меры. Подумаешь, некие криминальные личности решили поугубить меня! Вряд ли бы они осмелились на какие-то радикальные действия в ближайшее время, вдруг я успела бы всё решить?

Однако, что-то мне подсказывало, подозрительно похожее на голос разума, что не успела бы. А рисковать чужой жизнью глупо.

И всё-таки, зачем они на улицу-то вышли?

Знал бы прикуп, жил бы в Сочи. Так, кажется, гласит одна старая поговорка. И сейчас, улепётывая от разозлённой девушки, Жмур понимал её, как никогда раньше. Он уворачивался от летящих в него снежков и отбивался, старательно закрывая руками голову. Однако, в ответ не делал ровным счётом ничего.

Только вздыхал, да кивал на очередной грозный и совсем не ласковый эпитет на родном русском матерном в собственный адрес.

Наконец, Аньке надоело прыгать по сугробам и, присев на лавочку возле подъезда, она закурила, кидая на него недовольные взгляды:

— А теперь ещё раз, для особо одарённых, — зло фыркнув, девушка сделала ещё одну затяжку, пуская дым в небо. — И какого хрена тут происходит, а?!

— Ань...

— Я значит, места себе не нахожу... Мы его, значит, со всеми собаками ищем... А он окопался себе в компании чёртова патологоанатома, отделившись от нас коротким сообщением «Всё в порядке, не ищите!», — Солнцева смерила его взглядом опытного гробовщика, стряхивая пепел. — Это как понимать твою?!

— Мне захотелось отдохнуть? — попытка пошутить оказалась провальной. Рыжая так на него посмотрела, что пришлось вздохнуть и примирительно произнести. — Все, правда, нормально, Анют. Я не хотел вас пугать, правда. Но так получилось, что у меня украли и телефон, и документы. Да и память вернулась далеко не сразу. Так что Женька меня, можно сказать, от смерти спасла.

Ещё один очень скептический взгляд со стороны подруги заставил его невольно улыбнуться. Видимо, репутация у Женьки была очень специфическая, раз никто не мог поверить в то, что она способно кому-то жизнь могла сохранить. И помочь. Бескорыстно, от всей своей души и просто так.

— Харон? И каким это образом, интересно? — пренебрежительно фыркнув, Анька затушила окурок и спрятала руки в карманы куртки, нахохлившись.

— Очень просто, — хмыкнув, Жмур уселся рядом с ней, обняв за талию и притянув вяло сопротивляющуюся девушку к себе. — Я, когда к вам ехал, попал в неприятную ситуацию. Получил по голове, да ещё и лишился всего честно нажитого непосильным трудом. И удар был таким сильным, что провалялся я без сознания очень долго. Настолько долго, что привезли меня не в больницу, а в морг. Ага, в тот самый, где работает так нелюбимая тобою Харон.

— И? — его пихнули локтем в живот, но вырваться не стали, терпеливо дожидаясь продолжения истории и недовольно сопя.

— Если бы не она, меня бы затолкнули в кладовку... И не факт, что я вообще дожил бы до того момента, как о бесхозном теле кто-то вспомнит. В новогоднюю-то ночь. Санитарам выпить и пожрать хотелось, а работать нет. Не было у них ни желания, ни энтузиазма, — усмехнувшись, Жмур, невесомо коснулся губами взъерошенной рыжей макушки. — Только не успели они спрятать контрабанду, да. Нарвались на Харон, а та сказала, где их видела и в каких позах. И нет, я лично не слышал, это мне потом рассказали в красках и лицах.

— Так ты что... На столе в прозекторской в себя пришёл? — рыжая икнула от неожиданности.

— Ага. Чудом, пока вскрывать не начали. Женька отвернулась зачем-то к рабочему столу и я в это время сел. Как много нового я тогда о себе узнал... И ни единого мата, что интересно, — рассмеявшись, Жмур выпустил подругу из объятий и ласково потрепал её по волосам.

— Ла-а-а-адно, — недовольно протянув, Анька шмыгнула носом и обиженно поинтересовалась. — Ну спасла она тебя, дальше что? Почему ты телефон не попросил? Не позвонил? И вообще, почему ты с ней остался-то?!

— Что б ты знала, удар по голове может иметь очень много последствий. Меня вот переключило. Я по-русски ни слова не мог произнести. Вообще. Ты бы видела лицо Женьки, когда я на корейском говорить начал! — хохотнув, он покачал головой. Припоминая сам момент знакомства с неунывающим патологоанатомом. — В себя пришёл только наследующий день. Связался с Александром, вам сообщение отправил... Я бы не стал долго задерживаться, не планировал, во всяком случае. Но...

— Но?

— За что тебя Богдан любит, Анют? — вдруг резко сменил тему Жмур, наклонившись вперёд, опираясь локтями на колени и сцепив пальцы в замок.

— Ик... — выдала удивлённо рыжая и произнесла неуверенно. — А я откуда знаю-то...

— Он тебя настоящую видит. И принимает такой, какая ты есть, — тепло улыбнувшись, он тихо вздохнул, протянув задумчиво. — Я вот тоже сначала увидел ершистого патологоанатома, которого ничем не проймёшь, ничем не удивишь. И скорее он тебя до нервного тика доведёт, чем ты его. Потом я видел, как она работает. То ещё зрелище, я тебе скажу... А потом она

привезла меня к себе. Устроила спать. Кормила, пыталась понять, что лучше сделать, что бы я восстановился быстрее. Она много болтает, это издержка работы, привычка, выработанная постоянным одиночеством. Она беззлобно подшучивает, потому что так проще спрятать то, что происходит в собственной душе. Она имеет дело с мертвецами, потому что они никогда не причинят боли... Несколько дней спустя после знакомства, она пришла после смены. Тихая, молчаливая, пугающе потерянная. И знаешь почему, Рыж?

— Почему? — задумчиво переспросила Анька, явно пытаясь связать то, что он рассказывал, с привычным для неё обликом язвительного патологоанатома.

— Ребёнок. К ней на стол ребёнок попал, — вздрогнув от воспоминаний, Жмур прикрыл глаза, стиснув пальцы. — И тогда я окончательно убедился, что все эти остроты, шутки на грани фола, постоянная язвительность и ехидство — маска. Её способ выжить и остаться собой, при такой работе и при такой жизни. Она так привыкла закрываться ото всех и вся, что люди просто уже и не ищут способа подобраться ближе. А на самом деле... На самом деле это очень тяжело быть одному. Всегда. Во всём. Переживать, пропуская всё через себя и не зная, с кем можно этим поделиться. Знаешь, ей даже не важно, что я не говорю ничего. Ей важно, что я просто рядом. И я, если честно, готов молчать, хоть всю жизнь, молча даря ей свою поддержку и тепло. Если так будет лучше, то почему бы и нет?

— Ишь ты... — удивлённо протянула Солнцева, даже ущипнув себя для верности за руку. — Ауч! Больно... Значит, не сплю. Ты что, влюбился что ли?!

— Даже если и так, ты против? — хмыкнув, иронично глянул на неё бывший труп.

— Да я только за, всеми конечностями, — хохотнула Анька, почесав затылок. — Но ток это... Влюбиться в Харон, это ж каким камикадзе надо быть? Я не осуждаю, не подумай... Но скучной жизнь точно не будет. Учитывая, какие у неё знакомые!

Жмур на это не ответил, понимающе фыркнув. Часть знакомых он видел, ещё про часть слышал. И комментарии Харон прилагались к каждому по отдельности и ко всем разом. Так что более или менее, но представление о том, с кем придётся общаться, он имел. И знаете, что?

Его это ну ни капли не пугало. Отбоился, наверное, за эти дни.

— Слушай, а она в курсе как ты к ней относишься? — заинтересованно выдала Анька, пристроив голову на чужом плече.

— В общих чертах, — кивнул он в ответ. Нахмурился, почуяв подвох в прозвучавшем вопросе. — А что?

— А ничего. Твоя зазноба попросила уговорить тебя переехать от неё ко мне, — Аня забавно сморщила нос и обезоруживающе улыбнулась. — Вот так вот!

— О как... — он усмехнулся, прекрасно понимая, откуда растут ноги у такого внезапного желания Женьки. — Значит, эти милые люди, не обременённые лишней совестью и моралью, решили давить на самое больное для Женьки место... На близких и родных. Похвальное рвение, похвальное...

— Я чего-то не знаю? — нахмурилась Рыжая, дёрнув его за рукав.

— Всё в порядке, — хмыкнув, Жмур ласково щёлкнул её по носу, поднимаясь со скамейки. —

Это не те проблемы, с которыми я не в состоянии справится. Только у меня к тебе просьба, Рыжик.

— Эт которая? — Солнцева поднялась следом, поёжившись от холодного ветра.

— Скажешь Женьке, что не смогла меня убедить. Что я упрямый осёл, который упёрся и ни на сантиметр не сдвинется, — Анька в ответ только захихикала, явно согласная с прозвучавшей оценкой. А Жмур тем временем открыл дверь в подъезда, пропуская подругу внутрь. — Ну да. Вот такой я нехороший. Сможешь?

— Я постараюсь, — честно пообещала Солнцева, перепрыгивая через две ступеньки. Остановившись перед дверью в квартиру Женьки, она вздохнула и...

Размашисто перекрестила удивлённо замершего парня. После чего пояснила, заговорщицким шёпотом:

— На удачу. А то кто его знает, этого патологоанатома! Она ж жуть как опасная!

— Угу, я прям даже верю... — скептически хмыкнул Жмур, толкая её внутрь. И зашёл следом, осторожно прикрывая за собой дверь. Втайне радуясь, что с друзьями ему действительно повезло.

А ещё он надеялся, что Женька не будет сильно ругаться. Ну или он сумеет её вовремя успокоить, да.

Говорят, невыносимых людей нет, есть узкие двери. Но глядя на Эльзу, уже минут двадцать добросовестно занимавшуюся промыванием моих мозгов, я начинала сомневаться в этом. Тем более, что подруга, словно наказывая меня за что-то, перескакивала с одной темы на другую...

Что бы всё равно вернуться к разговорам о беременности и родах. И я могла поставить собственный скальпель на кон, она намеренно надо мной издевалась.

— Мальчик, — вздохнув, выдала я, допивая изрядно остывший чай.

— А? — недоумённо моргнув, Эльза прервалась на полуслове, удивлённо на меня посмотрев.

— Говорю, мальчик будет, — хмыкнув, я залезла в холодильник, собираясь заняться ужином. Время близилось к пяти часа вечера, а значит, скоро мне надо будет явиться пред светлые очи начальства и вновь заняться уже привычными бумажками, трупам и прочими прелестями тяжкой службы патологоанатома.

И впервые в жизни мне не хотелось на работу. В очередной раз видеть довольную рожу коллеги и знать, что ты пока ничего не можешь ему сделать... Кажется, это называется бессилием, да?

— Почему ты так думаешь? — заинтересованно вскинула брови Фроз, обиженно глядя на пустую кружку. Пришлось со вздохом отобрать у неё посуду и налить новую порцию, добавив к ней вазочку с конфетами.

— Не знаю, — пожав плечами, я занялась готовкой, изредка прислушиваясь, не хлопнула ли входная дверь. — Просто чувствую. А ты кого хочешь?

— Девочку, — неожиданно мягко улыбнулась Эльза, приложив ладони к животу. — Но не буду в обиде, если это всё-таки мальчик. И вообще... Знаешь, Жень, я просто хочу ребёнка, а кем он окажется, не так уж важно. Главное, что он желанный и любимый.

— При такой родне быть нелюбимым этому ребёнку точно не светит, — тихо засмеявшись, я покачала головой, засыпая макароны в кипящую воду. И принялась обжаривать лук с морковкой, собираясь готовить макароны по-флотски. — Я тебе завидую, Эльзёныш... Честное патологоанатомическое!

— Тошноте, общению с унитазом, реакции на резкие запахи и странным вкусовым предпочтениям? Серьёзно? — осведомилась подруга, с непередаваемым выражением лица, явственно поморщившись.

— Семье, балбеска, — фыркнув, я легонько стукнула её пальцем по лбу, увернувшись от ответного шлепка пониже спины.

— Которая так же является и твоей семьёй, Харон, — с нажимом произнесла Эльза, не обращая внимания на мой возмущённый взгляд. Она невозмутимо пила чай, шурша конфетными фантиками. — Ты выросла вместе со мной. Ты была рядом, когда в нашей семье произошла беда. Ты прошла со мной через тот ад. Для меня и моих братьев ты давно уже не чужой человек, а самый что ни на есть близкий родственник. И если бы ты так не сопротивлялась этому...

— Отмороженная моя, это ты так думаешь... А они? — выразительно выгнув бровь, я принялась обжаривать фарш, добавляя помаленьку в него специи и томатную пасту. — Я понимаю, что другом меня назвать тоже нельзя, но и родней я не являюсь. К тому же, я не только про твоих братьев говорю. Я имею ввиду вообще. Любимый мужчина, ребёнок... Я про эту семью говорю.

— У тебя ещё всё впереди, — фыркнув, та сделал ещё один глоток травяного чая, довольно жмурясь. И вдруг охнула, закрыв рот ладонью. — Кажется, мне надо кое-куда сходить...

Подорвавшись с места, Эльза рванула из кухни вон, про себя поминая недобрым словом запах жареного мяса. Видимо, сегодня оно тоже было не в чести, как и селёдка.

Вздохнув, я только головой покачала, заканчивая готовить соус и проверяя макароны. После чего слила воду, добавила в них масло, перемешала с мясом. Последним в кастрюлю отправился тёртый сыр. И словно почувствовав запах готовой еды, в коридоре наконец-то хлопнула входная дверь.

А весёлый голос рыжей оповестил не только меня, но весь дом:

— Вы не ждали, а мы припёрлись! Эй, есть кто живой?

— А ты надеешься на то, что не найдётся? — поинтересовалась, выйдя с кухни и вытирая руки полотенцем. Оглядела лучащуюся счастьем Солнцева, хмурого и виновато на меня поглядывающего Жмурика...

И поинтересовалась:

— И? Поговорили?

— Ага, — рыжая повела носом, приняхавшись и приложив ладонь к животу. — А тут кормят

добровольных переводчиков? А то что-то так жрать хочется, что переночевать негде!

— Проходи, — вздохнув, кивнула головой в сторону кухни. — Так и быть, побуду немного гостеприимной хозяйкой и поделюсь с тобой едой.

— Сейчас меня покормят, сейчас я буду кушать! — радостно подпрыгнув, Солнцева поспешила разуться, стянуть куртку и весёлым зайцем сигануть мимо меня, устроившись на табуретке. Руки на коленях сложила, лицо невинное состроила и тихо, дрожащим голосом осведомилась. — Ку-у-ша-ать?

Смерив хмурым взглядом всё ещё стоявшего у дверей Жмурика, я возвела глаза к потолку и отправилась кормить голодающих с Поволжья. Во всяком случае, рыжая оторва, заполучив большую порцию макарон по-флотски, тут же принялась её уничтожать. Ещё и постанывала довольна так, как будто неделю до этого на сухом пайке провела, не имея никакого доступа к нормальной еде и холодильнику. А закончив, облизала вилку и...

Потребовала ещё. Эльза, вернувшаяся как раз в этот момент снова побледнела, сглотнула и брякнула, что подождёт нас в комнате. Во избежание непредвиденных ситуаций так сказать.

— Нет, всё-таки Олежек либо идиот, либо просто дурак, — задумчиво протянула Анька, доедая уже вторую порцию. Отставив пустую тарелку в сторону, он с тоской посмотрела на полупустую кружку, оставленную Эльзой.

— А есть принципиальная разница? — тихо фыркнув, я встала и поставила чайник, сама удивляясь собственной доброте. Вроде бы особым человеколюбием отродясь не страдала, а поди ты!

— Да не особо, — подумав немного, выдала Солнцева, почесав бровь. — Но если он ничего не замечает, то придётся брать всё в свои руки... И подкладывать ему капусту в кабинет.

— До девятого месяца включительно? — припомнив, откуда могла быть взята идея, я хихикнула. — Боюсь, он не поймёт такой тонкий французский юмор! Даже если к капусте добавятся снимки узи!

— Твои предложения? — деловито поинтересовалась Анька, принимая из моих рук кружку с чаем и довольно ворча. — Это, конечно, не кофе... Но тоже ничего. Так что ты предлагаешь?

— Новость должна быть внезапной. И преподнесена в оригинальной форме.

— Торт из памперсов и погремушкой по лбу?

— При всей банде тогда уж, — ехидно улыбнулась, скрестив руки на груди и опираясь плечом на холодильник. Тот покачнулся, но устоял.

Солнцева с минуту хмурилась, явно пытаюсь вообразить, как оно будет и вдруг расплылась в такой улыбке, что где-то в глубине моей души шевельнулась совесть. Дёрнула лапой, зевнула, перевернулась на другой бок и продолжила сладко спать, даже не подозревая, какую подлянку сейчас совершает её непосредственная хозяйка.

— Я тут давеча в одном магазине была... Думала, что Эльзнёшу подарить в честь такого события... — медленно произнесла рыжая, довольно фыркая и потягивая чай. — Так вот. Ничего особо интересного я там не видела... Но вот большая такая бутылочка, набитая погремушками... Как думаешь, Олежек оценит?

— Если не убьёт сразу, оценит, — хмыкнула, согласно кивая головой. — Только моё условие — при всей банде. Торжественно. Напевая какую-нибудь очень запоминающуюся мелодию.

— Фильм «Челюсти» подойдёт? — получив в ответ ещё один мой кивок, Солнцева тихо захихикала. — Надо будет не забыть, потом сисадмина развести на запись. Потому что чуют мои кеды, это будет незабываемое зрелище! Для всех! К*ниг*олю*б.*нет*

— Копия для бедного патологоанатома найдётся? — я вопросительно вскинула бровь.

— Обижаешь, начальник. С поздравительной надписью пришлю, — хмыкнув, Анька отставила в сторону кружку и недовольно цокнула языком. — Если, конечно, меня не прибудут до этого. А что касается твоего пациента... Вот уж не знаю, где ты такого упрямого осла найти умудрилась, но съезжать этот недо кореец отказался категорически. Заявил, что тебя одну оставлять нельзя, заработаешь себе гастрит! Или что ещё похуже...

— Ты не смогла его уговорить? — нахмурилась, потеряв лоб и пытаюсь сообразить, что делать дальше. И вспомнив про пространную реакцию Солнцевой на моего несчастного соседа, вопросительно вскинула бровь, поинтересовавшись. — И да. Мне показалось или вы знакомы?

— Не-а, — сыто икнув, рыжая потянулась и зевнула, прикрыв рот рукой. — Он просто на одного моего любимого актёра из дорам похож... Вот меня и перемкнуло чуток. Но, как оказалось, похожи они только внешне и то не везде! Умом, зараза, увы, не вышел. Этот му... Мужчина, упёрся, заявив, что ты его и отступить он не собирается. А если тебя оставишь, то могут увести. Хотя как по мне, совершенно беспочвенные опасения... Ну, в общем, твой прЫнц на белом коне решил убить принцессу и оставить себе дракона... В смысле, наоборот. Наверное... — тут Анька помолчала немного и поинтересовалась, невинно похлопал глазами. — Ну, мы пойдём, да?

И не дождавшись моего ответа, она шустро удрала с кухни, зычно гаркнув из коридора:

— Эльза, соскребай себя с дивана, прекращай вестись на эти невинные глазки и дуй за мной!

— Ну могу я хоть иногда пофлиртовать с таким милым, а самое главное — молчаливым мужчиной! — недовольно откликнулась Фроз в ответ, явно тоже выйдя в коридор из комнаты. А я...

Я вспомнив кое о чём, хлопнула себя по лбу и выскочила следом, успев поймать рыжую прямо на пороге.

— Постой, — чмокнув на прощание Эльзу в щёку, я тихо поинтересовалась у Аньки, наклонившись к ней, пока она натягивала ботинки. — Я так понимаю, спрашивать о том, кто он такой и откуда бесполезно, да?

— Ага. Амнезия, полнейшая и беспросветная, — поддакнула Анька, выпрямившись и только чудом не приложившись затылком о мой подбородок. — Говорит, мелькают какие-то картинки... Но пока ничего определённого. Так что, крепись, Харон. Тебе, по ходу, ещё долго терпеть его общество!

На этой ноте, она скрылась в подъезде, подхватив опешившую Эльзу под локоть и утащив её следом. Я только успела махнуть подруге рукой на прощание, да дверь закрыть, повернув ключ в замке пару раз. И только, когда в подъезде стихли звуки шагов, обернулась, скрестив руки на груди и хмуро уставившись на вышедшего из комнаты Жмурика.

— Ты дурак? — спросила в лоб, оттолкнувшись от двери и наступая на мягко улыбающегося

мужчину. Тыча пальцем ему в грудь, я продолжала наседавать на пятившегося Жмурика, чувствуя, как начинаю заводиться. — Нет, ну скажи мне, ты дурак или как, Жмураэлло?! Ты же знаешь, что происходит! Ты же понимаешь, что я беспокоюсь и не хочу тебя подставлять поду дар! Ты же... Ты...

Пытаясь подобрать слова, дабы объяснить одному упёртому барану, что я про него думаю, я на пару мгновений замолчала, остановившись посреди комнаты. Как мы сюда попали, я даже не заметила, как не заметила и того, какой счастливой и довольной была улыбка Жмурика.

Тот времени даром не терял. Воспользовавшись моим вынужденным молчанием, он схватил меня за руку и дёрнул на себя, обнимая и прижимая к себе крепче. И не обращая внимания на моё возмущённое шипение, поцеловал, обхватив лицо ладонями. Не давая вырваться, сделать лишний вдох или попытаться отстраниться, нет.

Жмур полностью, безоговорочно захватил меня в ласковый, нежный плен. Да так, что я не смогла и не захотела сопротивляться, обнимая за шею и сама целуя его в ответ. Выплёскивая в этот самый поцелуй всю горечь, всю свою злость и переживания.

— Дурак, — тихо выдохнула, когда меня всё-таки выпустили и позволили сделать спасительный вдох живительного кислорода. — Какой же ты дурак...

Ласковые пальцы прошлись по моей спине, поглаживая и нажимая в определённых точках. Так, что вся моя негативная энергия резко сменила направление, снова воскресая пресловутых бабочек в животе и заставляя задуматься о целесообразности прихода на работу вовремя.

— Я за тебя боюсь, Жмур... — пробормотала, уткнувшись ему в шею носом и оставляя лёгкие поцелуи на обнажённой коже. Жмур тихо чертыхнулся, забираясь ладонями под мою футболку и нежно лакая подрагивающий живот, забираясь всё выше и выше. — Что ж ты творишь, зараза молчаливая...

От обжигающих прикосновений тело предательски плавилось, а мозг отказывался соображать. Мы слишком долго поддразнивали друг друга. И сейчас я была готова сдаться без боя, целуя крепко, прикусывая нижнюю губу и впиваясь ногтями в обнажённые плечи не скрытые майкой. Загораясь сама, зажигая в ответ и сгорая вместе в этом чёртовом пламени страсти.

О чём не собиралась жалеть, совершенно.

Мы оказались на диване, и я не обратила на это ровным счётом никакого внимания. Как можно отслеживать своё положение в пространстве, когда с тебя медленно и планомерно стягивают футболку, а затем стремительно и незаметно лишают нижнего белья? Как можно вообще о чём-то думать, когда настойчиво ласкают пальцами и губами, заставляя выгибать спину и постанывать от нестерпимого удовольствия? И как можно остановиться, когда все ограничения и собственноручно наложенные запреты слетают и отправляются в тартарары?

Я, может, асоциальная, но определённо не святая!

Чуткие, уверенные пальцы легко скользили по коже, а следом за ними шли горячие губы, оставляя влажный след. Кажется, Жмур наконец-то дорвался до сладкого и теперь мягко, но настойчиво выцеловывал одному ему ведомые узоры. Прочно зафиксировав меня на одном месте и не давая и шанса вывернуться из своей хватки.

— Изверг... — слово потонуло в очередном стоне, когда молчаливый, довольно усмехающийся

гад нашёл ещё одну мою слабую зону и стал настойчиво, показательно на неё давить, пока я не сдалась, откинувшись назад и вцепившись пальцами в покрывало. Желание говорить пропало окончательно и бесповоротно...

А когда те самые пальцы забрались за края домашних джинсов меня и вовсе не хватало ни на какие членораздельные звуки.

Жмур дразнил, лаская и оставляя на коже лёгкие укусы. Он планомерно подводил меня к краю, так и не раздев до конца и, кажется, даже не пытаясь это сделать. Он прижимал крепко, с лёгкостью удерживая мои руки на одном месте, ухватив за запястья и продолжая сводить с ума. С полного моего на то позволения.

Это было страшно. Это было жутко. Это было невыносимо... В своей чувственности, в ощущении какой-то странной запретности и вязкой, гулкой тишине. Это было жарко, опаляющее нежно, бережно и трепетно. И в тоже время сильно, со стальной хваткой, без надежды на свободу и без желания её обрести.

Это было... Это была...

Любовь?

Поцелуй, томительно медленный, томительно сладкий. Оставляющей на языке лёгкую горечь от нежелания останавливаться. Жмур отстранился, обхватив моё лицо ладонями, пройдясь большими пальцами по явно припухшим губам, и улыбнулся. Открыто, ласково, так по родному, что защемило где-то в груди. Я вздохнула, собираясь что-то сказать, что-то непременно умное или колкое, тут уж что на язык упадёт, как говорится. Я даже открыла рот...

Что бы слова потонули в низком, хрипловатом стане, когда эти самые проклятые пальцы, дарившие мне столько нежности и ласки, довели начатое до конца, завершая эту безумную вспышку страсти. И предательское тело безвольно обмякло, от тёплой неги удовлетворения, скользившей по крови.

— Точно дурак... — тихо хмыкнула, обнимая его руками за талию и прижимаясь к обнажённому торсу. Оставляя лёгкий поцелуй в покрытое потом плечо, и чувствуя явственное доказательство чужого желания. — Мой дурак... И кажется, я тебе кое-что задолжала, да...

В этот раз меня никто не остановил, когда перекатившись, я оказалась сверху над улыбающимся бывшим трупом. И сторицей отплатила ему за всё, сразу, оптом. А Жмур, кажется, ничего не имел против, не собираясь никуда меня отпускать.

Кто бы сомневался, что такими темпами на работу я всё-таки опоздала. Впервые в жизни. И впервые в жизни не испытывала никакого сожаления по данному поводу. В конце концов, учитывая, что лёжа на диване, тесно прижавшись к обнажённому молодому человеку, переплетаясь с ним руками и ногами, я вообще подумывала о том, что бы на работе не появляться...

Стоит сказать спасибо, что я вообще пришла. И отмахнувшись от недоумённо воззрившихся на меня санитаров, надолго зависла над стопкой отчётов с мечтательной улыбкой на губах. Пугая этой самой улыбкой не только коллег, но и некоторых запоздалых посетителей морга. Влюблённая женщина это страшное оружие.

Влюблённая женщина-патологоанатом, это вдвойне страшное оружие и причина массовой гибели чужих нервных клеток. А если у неё ещё и характер хреновый, то...

Ну вы поняли, да?

Глава 13

— Где вы были в субботу вечером? — сухой голос дознавателя ввинтился в мой мозг и попытался добыть оттуда хоть какую-то реакцию. Но всё на что я была способна, это дикая головная боль.

И приевшийся уже ответ, от которого у меня скоро мозоль на языке будет:

— Повторяю в сотый раз, гражданин начальник... — тяжело вздохнув, я подпёрла щеку кулаком, наклонившись вперёд и опёршись локтем на металлический стол в прозекторской. — В субботу вечером я была за городом, на даче у друзей и праздновала день рождения в узком кругу очень любимых мною лиц. И самое обидное знаете, что? Что эти лица потребляли исключительно крепкие алкогольные напитки... А мне, главному виновнику торжества, пришлось пить тыквенный сок.

— Почему? — всё так же невозмутимо осведомился полицейский, делая пометки в протоколе.

— Потому что гладиолус, — тихо фыркнув, я зевнула, сжегивая зевком в кулак. — У меня подруга беременная. Да и должен же хоть кто-то адекватный быть среди этого бедлама... Ну относительно адекватный, конечно же. Хотя справка от психиатра имеется, да.

К моему вящему сожалению, справку предъявить не попросили. Товарищ лейтенант вообще выглядел на редкость инфантильным и незаинтересованным ни в чём, кроме как в собственных бумажках. И их он заполнял с маниакальной тщательностью, подробно записывая даже самые нелепые ответы из всех возможных. Что бы после этого задать ещё один вопрос, от которого у меня лично грозился развиться самый натуральный нервный тик:

— Хорошо. Вы занимались вскрытием тела Марата Исковина?

— Товарищ лейтенант, — я вздохнула, возведя глаза к потолку. — Поймите, пожалуйста, одну, ну очень простую вещь. Через каждого патологоанатома в этом морге проходит порою до десятка тел за одну смену. Если это не было что-то из ряда вон выходящее, вспомнить о том, кто, чьё тело вскрыл очень проблематично.

— А что вы понимаете под из ряда вон выходящим? — дознаватель оторвался от бумаг, впившись в меня цепким, внимательным взглядом.

И впервые в жизни я почувствовала себя так неуютно. Словно это меня сейчас мысленно препарировали и разложили на составляющие, дабы приступить к бесстрастной и беспристрастной описи всех внутренних органов. При этом ни единого грубого слова, жеста, даже намёка на него. Исключительно профессиональный интерес, приправленный полной индифферентностью к окружающей обстановке.

Ну да, далеко не каждый бравый полицейский способен заниматься опросом потенциальных подозреваемых и свидетелей, когда буквально в метре от тебя на столе лежит порядком остывший, но довольно свежий труп. Вскрытый свежий труп. Кишки там, кровь, прочие неаппетитные подробности...

Двое из наряда, прибывшего вместе с дознавателем, технично слились ещё на пороге зала.

Резко побледнев, они по стеночке сползли в сторону. Пришлось хмурому Захарычу поделиться с беднягами сначала нашатырным спиртом, а затем и чайком с бальзамом...

Мало ли!

Сам же лейтенант на свежую расчленёнку не обратил ровным счётом никакого внимания. Так, глянул мимоходом, сделав какую-то отметку в своих бумагах. После чего занялся опросом присутствующих, с удобством разложившись на пустом столике, только недавно отмытом от последнего клиента. И ни один мускул не дрогнул на лице сухопарого мужчины средних лет с носом, которому позавидует сам Северус Снейп...

Вот это я понимаю профессиональное сторание, товарищи!

— Евгения Сергеевна, я задал вам вопрос, — напомнил о себе дознаватель по фамилии Смирнов. Константин Алексеевич, если меня память не подводит.

— А? — вынырнув из собственных мыслей, я тряхнула головой, пытаюсь разогнать накатывающую дремоту. И, в который раз вздохнув, всё-таки ответила. — Понимаете, Константин Алексеевич, за годы сначала стажировки, а потом и работы в морге, я повидала всякое. И жертвы дорожно-транспортных происшествий, и самоубийцы, и зацеперы, и бабушки, тихо-мирно скончавшиеся во сне... На моём столе бывало всё и вся, в разных позах, видах и степени разложения. Поэтому если это не мумия времён Древнего Египта, не якорь в энном месте и не чёртов неудачный косплей на Джокера... Вряд ли я вам вспомню определённый труп в определённое время!

— Понятно, — кивнув каким-то своим мыслям, полицейский вновь принялся строчить что-то в своих бумагах. После чего вздохнул, поправил очки...

Новый виток расспросов не отличался особым разнообразием. Разве что речь шла про другого мертвеца, другую дату и мою подпись в журнале, обозначающую, что именно мне досталась сомнительная честь вскрывать его. И я этого факта даже не отрицала, по странному стечению обстоятельств, прекрасно помня, о каком именно вскрытии идёт речь.

Вообще этот день, как и все проведённые в обозначенный промежуток времени вскрытия, для начала стоило бы попытаться забыть. Одна только бабуля и нервный терапевт при ней чего стоили! А к ним прилагалась компания суровых мужчин нехилого телосложения, рыдающая блондинка, оплакивающая своего бедного родственника, который отнюдь не бедный, если судить по стоимости протезов в его усопшем теле...

Короче говоря, дело было точно так, как написал великий Корней Чуковский! И такая дребедень целый день: то олень позвонит, то тюлень! То этих чёртовых парнокопытных, с ветвистыми рогами и избытком кальция в организме, в приступе очередного идиотизма занесло то ли в мясорубку, то ли в радиатор, то ли ещё куда-то.

С переменным летальным исходом для себя любимых. Честно, когда к нам случайно, по ошибке санитаров, доставили трёх пострадавших с какого-то промышленного цеха на заводе металлопроката, я не знала, кого жалеть первым. Стажёра, нарвавшегося на неаппетитное пособие по трансплантологии в боевых условиях, так сказать. Или же всё-таки пострадавших, раньше времени оказавшихся ни где-нибудь, а в морге. Для неподготовленного посетителя, это, я вам скажу, страшное зрелище!

Товарищ лейтенант мой саркастичный монолог, прерываемый на язвительные реплики в

сторону порхающих по залу санитаров, выслушал. Всё с тем же невозмутимым выражением лица, делая пометки в бумагах, кивая в нужных местах и порою задавая наводящие вопросы. А когда я коротко выдохнула, почесав затылок и припоминая, что ещё могла упустить из виду, полицейский спокойно поинтересовался:

— Я так понимаю, есть те, кто сможет подтвердить ваши слова, Евгения Сергеевна?

— Не в этих выражениях, и не в таких красках, но да, — я кивнула, без зазрения совести растянувшись на столе и активно уговаривая глаза не закрываться в попытке урвать хоть какое-то время на сон. — Найдите нашего заведующего, подтяните к нему в кабинет завхоза, выдайте им шкалик спирта или бутылку коньяка и спустя минут двадцать вам выдадут все явки и пароли всех сотрудников морга. Даже если те и не подозревают о наличии собственной личной жизни!

Невозмутимый лейтенант только чему-то усмехнулся, впервые за весь разговор, проявив хоть какую-то эмоцию, и продолжил заполнять свои бумаги. А я лениво развалилась на столе, с трудом подавляя банальное желание уснуть прямо здесь и именно в такой позе...

Благо годы учёбы и работы сделали таки своё чёрное дело, приучив спать где придётся, когда придётся и как придётся!

А ещё я старательно пыталась не думать о такой простой, банальной, но очень своевременной мысли высказанной ещё достопочтимым Винни-Пухом отечественного производства. И звучала она так: это «ж-ж-ж» неспроста!

Чтобы не утверждали злые языки, патологоанатом это не только три-четыре килограмма лишнего ехидства и язвительности, странные шуточки и несколько потрёпанная мораль. Это ещё и вынужденная наблюдательность, вкупе с неплохим соображением. Ведь именно от нас зависит, так сказать, последний путь безвременно усопшего. Нет, есть, конечно же, исключения из правил.

Но как гласит великий и могучий русский язык, потрясая над моей бедной головой орфографическим словарём, они это самое правило только подтверждают. Был у нас в своё время один кадр. Как очередное вскрытие, так целое представление. Ивар Захарович как увидел, что он покойнику с рубленой раной от топора на голове пишет в графе причина смерти «сердечный приступ», сам чуть с оным не слёг. А когда на законный вопрос «с какого детородного элемента в причинах смерти этот самый приступ» получило не менее логичный ответ «так сердце же после удара встало!», только чудом не устроил зомби-апокалипсис на рабочем месте. Самоконтроль, однако, великая вещь, как оказалось!

Если вовремя его поддержать глотком высокоградусной живительной влаги, предложенной любезными коллегами из зала напротив. В кои-то веки судмедэксперты и простые патологоанатомы сошлись как в оценке умственных способностей отдельно взятого индивида, так и в том, что теория Дарвина, в процессе эволюции конкретно этого человека, явно где-то дала сбой.

Ну так вот, возвращаясь к происходящему и собственным размышлениям. Отвечая на короткие вопросы дознавателя, явно вошедшего во вкус и теперь пытавшегося то ли поймать меня на не тех ответах, то ли ещё что, я попутно пыталась сообразить, что, собственно произошло.

Со слов товарища лейтенант выходило, что в правоохранительные органы поступило заявление от граждан. В том заявлении значилось, что наш любимый морг умудрился потерять тело племянника довольно крупного бизнесмена. И ладно бы просто потеряли, бирки перепутали

или ещё какая оказия случилась. В принципе, при правильной расстановке акцентов даже чёрную, подпольную деятельность Коленьки можно преподнести как банальную, ничего не значащую ошибку.

Ну, чисто теоретически, конечно же.

Вот только одной потерей дело-то не ограничилось. Труп нашли, слава богу, даже в почти что целом состоянии. Но только в том-то и дело, что почти! Большинства органов не хватало, отсутствовала часть кисти, а вместо недостающих так сказать запчастей, при повторном вскрытии внутри тела обнаружился обычный такой пенопласт. И та странная плёнка, которую ещё называют хорошим средством релаксации, сидя и чпокая ею у тебя над ухом.

Как по мне эффект расслабления даёт вовсе не плёнка. А то, как на глазах начинают беситься твои близкие или же коллеги по работе. Но это уже, видимо, чисто моё виденье ситуации, да.

И, будто этого было недостаточно, что бы насрать на наш морг грозовую тучу проверок по такому вопиющему факту, сиё тело нашли не в подворотне, не в мусорном баке, не в лесу, не на кладбище и даже (о ужас) не в одном из холодильников в нашем или соседнем зале.

Тело молодого мужчины обнаружилось в гробу у той самой пожилой бабули с нервным терапевтом. Родственники как раз собирались попрощаться с покойницей, когда уловили очень уж специфичный запах из почти закрытого гроба. Надо ли уточнять, какая бурная реакция была у общественности, как возбудились журналисты, и какими карами грозило начальство?

Итог, правда, всего случившегося был вполне предсказуем. К нам пришёл товарищ дознаватель, начальству пришла проверка, а несчастным родственникам исключительно официальные извинения. Которые, по себе знаю, мало что могут исправить и сгладить.

И уж точно не избавят родню от воспоминаний о собственном ребёнке в чужом гробу и в таком разобранном виде. Тут мне-то слегка не по себе стало, когда его привезли вместе с бабушкой в том злополучном «деревянном макинтоше», что уж про других говорить?

— Евгения Сергеевна, а что вы думаете по поводу случившегося?

Прозвучавший вопрос оказался полной неожиданностью. Подавившись очередным зевком, я закашлялась, испуганно выпучив глаза на дознавателя, и только могла открывать да закрывать рот. А Константин Алексеевич только хмыкнул, глядя на мою бурную реакцию, терпеливо дожидаясь ответа на поставленный вопрос.

Мозг наконец-то сумел обработать информацию. Но всё, что я смогла выдать так это глубокомысленное:

— Ась?!

— Вы не в вакууме живёте, работаете здесь не первый год, — сверившись с собственными записями, полицейский кивнул собственным мыслям, прежде, чем продолжить говорить. — К тому же проходили здесь практику и подрабатывали во время учёбы. Поэтому, я повторюсь... Что вы думаете о происходящем?

Рассеянно почесав бровь, я честно попыталась сообразить, что можно ответить на такой каверзный вопрос. И вовсе не потому, что у меня мыслей не было. были, ещё какие! Проблема в том, что думать-то я думала, много и разнообразно. Но исключительно нецензурно. К тому

же, если припомнить, какие именно способы воздействия на некоторых коллег я представляла, то тянут мои размышления как минимум на пару старых добрых статей из уголовного кодекса.

Это если двести сорок четвёртую не пришьют, по доброте душевной и исключительно из любви к поиску крайних. Тех самых, что ближние к двери на вылет!

— Знаете, Константин Алексеевич... — я в кои-то веки села прямо, положив руки на стол и постукивая пальцами по металлической поверхности. Звук выходил дробный, звонкий и гулким эхом разносился по залу, создавая пугающий аккомпанемент. — Я думаю, тут возможно всё. А ещё я почему-то уверена, что случившееся — это ужасное, непоправимое, чудовищное... Но всё-таки, простое стечение обстоятельств.

— И почему же?

— Ну, смотрите, товарищ дознаватель, — передёрнув плечами от настороженного взгляда Николая, заглянувшего в зал, я снова вздохнула. — Работать в морге согласится далеко не каждый. Кто-то по призванию, кто-то по велению души, а кому-то просто нужно хоть где-то работать. Выдержать эту атмосферу, тоже далеко не каждый сможет... Сами понимаете.

Мужчина понимающе хмыкнул, делая очередные пометки. У меня складывалось впечатление, что из них он собирается написать роман. И остаётся надеяться, что главной жертвой детективной линии не станет несчастная девушка-патологоанатом, только-только поверившая в то, что у неё вообще хоть что-то может быть хорошо!

— И я допускаю, что из-за собственного разгильдяйства или ещё по какой-то несомненно очень важной причине, кто-то из младшего персонала мог перепутать бирки или и овсе упустить из виду, куда и когда увезли то самое пропавшее тело, — тихо фыркнула, припоминая, какие интересные косяки творила так «любимая» тройца. Чего только стоила их тупая шутка над слушателями курсов для сотрудников охраны!

Нет, не спорю, притворится зомби в морге — это всегда актуально и модно. Но в каждой шутке есть доля шутки. И тем более, когда сия шутка организуется в мою смену. Повезло им, что Шут в той группе оказался, в противном случае соблазн сделать из них настоящих ходячих мертвецов был бы слишком велик, что бы его проигнорировать.

— И вы даже мысли не допускаете, что кто-то из ваших коллег мог подложить второе тело в гроб? — дознаватель слегка склонил голову набок, разглядывая меня странно заинтересованным взглядом.

— С чего бы? — иронично вскинув бровь, я только головой покачала. — Не, я конечно, местами тот ещё наивный дятел, но не настолько же. И вполне могу допустить такую кощунственную для большинства мысль, что санитаром было банально лень тащить два тела. И решили они совместить приятное с полезным: сократить трудовые затраты, освободить себе свободное время и убить тем самым двух зайцев сразу. То есть и деньги отработать и не надорваться от избыточного служебного рвения. Бывает, видела, проходила... Лечить даже пыталась. Но медицина тут бессильна, увы. Вот только как бы сильно я не сомневалась в наличии серого вещества под названием мозг, в гроб тела не санитары складывают. А сотрудники ритуального агентства. Отсюда у меня вполне закономерный такой вопрос. Ладно, вы не заметили, что в одном мешке два трупа лежит, решив что это один такой большой, жирный мертвец. Но когда вы мешок открыли, дабы клиента в порядок привести по заказу родственников, вы не увидели ничего лишнего, что ли? И запаха не почувствовали, нет? Учитывая, степень разложения трупа мужчины, я сомневаюсь, что на него можно было не обратить внимания, — и добавила,

припомнив, как к нам однажды привезли мертвеца с пляжа, где он долго и качественно жарился и варился одновременно. Впечатлений было море, очередь в туалет тоже присутствовала. А уж как мне обоняние отшибло хлоркой, кто бы только знал. — Уж простите за мой французский, но смрад должен был стоять такой, что мухи на лету бы дохли. Тем более в тёплом помещении.

Товарищ лейтенант ничего на это не сказал, только снова кивнул собственным мыслям, дописывая последнюю строчку в протоколе. И сверившись с какими-то своими выкладками в потрёпанном блокноте, он посмотрел на меня пристально, вновь задавая тот самый вопрос, от которого у меня скоро разовьётся нервный тик на оба глаза сразу:

— И всё-таки... Вы уверены, что есть лица, которые подтвердят ваши слова и место нахождения в указанный день?

— Есть, — я улыбнулась, припоминая список этих самых людей и должности некоторых из них. Интересно было бы посмотреть на реакцию лейтенанта, когда он их услышит, но боюсь в данной ситуации поговорка «молчание — золото», как никогда правдива. — И если на то будет необходимость...

И да, я дура. Я это признаю и даже не имею никаких возражений. Но этот диагноз, боюсь, уже не лечится.

— Хорошо, — Константин Алексеевич сделал последние пометки, перечитал получившуюся простыню на три с лишним листа, чему-то хмыкнул задумчиво и протянул мне. — Вот, ознакомьтесь и подпишите «С моих слов записано верно, мною прочитано и подписано». И на сегодня наш с вами разговор закончен.

— На сегодня? — насторожилась, продолжая бегло вчитываться в сухие строки протокола.

На удивление, у лейтенанта был хороший, ровный, аккуратный почерк. И слушал он очень внимательно, выуживая из сплошного потока сознания мои ответы и формулируя их чётко, ясно, без лишних сантиментов и ненужной воды. Всё просто, всё логично, придраться не к чему.

А жаль.

Ещё раз пробежавшись по тексту, я поставила в нужном месте размашистую подпись и вернула протокол дознавателю, вопросительно на него посмотрев. Константин Алексеевич убрал документы в папку, надел фуражку и, поправив рукава форменного кителя, криво улыбнулся:

— Что-то мне подсказывает, мы с вами ещё встретимся, Евгения Сергеевна. Спасибо за сотрудничество, если возникнут дополнительные вопросы, я с вами свяжусь. Всего доброго.

И на такой жизнерадостной ноте, товарищ лейтенант коротко кивнул, развернувшись к выходу и отправившись, судя по лёгким фальцетным ноткам где-то недалеко от зала, отправившись на поиски моего непосредственного начальника. Ну а я...

Я осталась на месте, озадаченно почёсывая затылок и пытаюсь понять, к чему была эта странная фраза про предчувствия. И стоит ли начинать ждать подвоха ещё и с этой стороны?

— Чёрт, ну как же не вовремя, — тихо пробормотала себе под нос, с трудом оторвав собственное тело от стула и, шаркая балетками, по кафельной плитке направилась в сторону

раздевалки.

Конечно, я сразу поняла, что случилось с телом бедного парня. Трудно не понять, учитывая подробный рассказ дознавателя и фотографии, предъявленные в ходе допроса. Как не составила никакого труда понять, что Николай по вине разгильдяя, перепутавшего бирки, распотрошил совершенно не тот труп. И вместо никому не нужного, достаточно здорового, но совершенно бесхозного автостопщика (к примеру), сбитого на трассе, пострадал погибший в результате несчастного случая мажор.

Да, в бытность живым человеком он был здоров. Да, про труп никто не спрашивал несколько дней, не было ни ориентировок, ни звонков, ничего. Но при этом у парня была семья, а у этой семьи — связи, деньги и жажда справедливости. Так что ничего удивительного в том, что они поставили на дыбы правоохранные органы, не было. Как не было удивительно и то, что родня бедной бабушки с подселением в гробу тоже требовала справедливости.

А Коля, может быть, наконец-то поймёт, что не стоит быть настолько самоуверенным. И что такое понятие, как «человеческий фактор» способно принести проблемы даже в самый отлаженный механизм по добыче денег криминальными методами. Пусть даже бирки оказались перепутаны не так уж и случайно, но кто об этом знает-то? Кроме меня?

Вздохнув, умылась и пригладила стоящие дыбом волосы мокрыми руками. Из зеркала на меня смотрел упырь. Самый натуральный. От былого жизнерадостного и сияющего счастьем лица осталась бледная тень того самого отца Гамлета. Ещё и щёку в крови где-то успела испачкать и не заметить этого, как ни странно. А ещё где-то в глубине души робко шевельнулась совесть, понукаемая благополучно задвинутой, куда подальше моралью.

Я не садист. Я ненавижу давить на и так почерневших от горя людей. Я ненавижу причинять боль тем, кто потерял своих близких и заставлять их переживать эту боль снова и снова. Честно ненавижу. Но выбирая между чужими страданиями и собственной жизнью, я волей-неволей выберу жизнь. И да, это было подло с моей стороны поменять бирки и так поступить с телом парня и с его семьёй...

Но если смотреть с другой стороны, разве так уж плох тот факт, что именно благодаря нему полиция разгорится немалым интересом к тому, что творится в нашем родном морге?

Правда, чего я не ожидала, так это того что сотрудники этого чёртова похоронного бюро совершат такой идиотский поступок. То ли новички в смене были, то ли просто цейтнот... Я, конечно, не в претензии, получилось даже лучше чем надо. Но положила руку на сердце, я бы предпочла обойтись без такого чудесатого стечения обстоятельств. Впрочем, как говорится, что не делается, то к лучшему.

Разве нет?

— Твоих рук дело?! — гневное, ядовитое шипение, раздавшееся позади меня, даже почти не напугало. Организм настолько хотел спать, что я всего лишь глянула на отражение блондина в зеркало и вопросительно вскинула бровь, сцедив зевок в кулак.

И хрипло выдохнула, дёрнув уголками губ в намёке на усмешку:

— Ты извини, конечно, Николя, но ты мне не настолько дорог, что бы идти против своих принципов, — тут я, конечно, знатно покривила душой. — И я не настолько деградировала, что бы издеваться над мёртвыми и семьями, потерявших своих близких! Если ты моральный урод,

это вовсе не означает, что надо всех остальных мерить по себе!

— Я знаю, что это сделала ты, Харон. Других сумасшедших, способных на такую якобы «случайную» ошибку вряд ли можно найти, — он подошёл ближе, нависнув надо мной и схватив холодными пальцами за шею сзади, сжимая, но не сильно. — На что ты, сука, надеешься? Что менты докопаются до правды? Или что?

— Я надеюсь на то, что ты сдохнешь. Рано или поздно, — дёрнувшись, я с размаху врезала локтем ему по рёбрам, вынудив разжать пальцы и отступить назад. После чего развернулась, опёршись поясницей на раковину и скрестив руки на груди. Смерила Колю хмурым взглядом и криво усмехнулась. — И я с радостью проводила бы тебя в последний путь. Поверь, если ты окажешься на моём столе, у меня рука не дрогнет. Но увы, Коля, это всего лишь мечты... И я понятия не имею, до чего докопаются менты. Надеюсь, что до правды. Ну а если нет... Что ж, горевать не буду. Судя по твоим поступкам, мозги тебе деньгами конкретно выбило, раз такие ошибки творить начинаешь! Или ты думал я не пойму, что случилось с телом?

— Тварь... — Коля замахнулся, сжимая руки в кулаки.

— Коля, а ты ничего не забыл? — кто бы знал, чего мне стоило произнести это спокойно, холодно с лёгкой насмешкой... У меня коленки дрожали и зубы не стучали только потому, что язык без костей и мёл всё подряд, тыкая коллегу в его собственные ошибки. — Свидетели, Коля, это такие странные звери, которые появляются по принципу вдруг откуда ни возьмись. А ещё Коля, есть такие нехорошие дяди, которые наряд полиции называются. И товарищ лейтенант вполне может заинтересоваться, чего это вдруг крики по всему моргу начались?

— У них есть свои люди в ментуре, зря надеешься...

— А я давно уже ни на что не надеюсь, Коля. Работа в морге как-то отучает от лишних иллюзий, — хмыкнув, я осторожно обошла застывшего мужчину и вернулась в раздевалку, стягивая с себя халат. Бросила его на скамейку, натянула пуховик, засунула вещи в рюкзак и бросила на прощание. — Но не смотря на все связи... На то, что бы выпутать тебя понадобится время. И деньги. И беспокойство лишнее... А ты вообще, уверен, что они захотят так с тобой возиться-то? Нет, Коля, ты явно себя переоцениваешь... Адъёс, амигос!

Уж не знаю, что сыграло мне на руку, но Коленька с места не двинулся, сверля меня ненавидящим взглядом. А я старалась как можно быстрее покинуть любимое рабочее место. Быть битой в третий раз, это знаете ли не то время препровождения, которым мне хотелось бы заняться этим вечером!

На улице уже стемнело. Обычная суточная смена, начинавшаяся с вечера, должна была закончиться в шесть утра. Ключевое слово «должна». Сгначала меня поймал Ивар Захарович и загрузил графиком работы, сменностью, кадровой укомплектованностью и прочими милыми сердцу бюрократическими прелестями. Я когда увидела всё, что мне предстояло срочно изучить и даже подписать, чуть не ляпнула, что признаю все свои грехи, если это у меня заберут, и никогда больше не будут так пугать.

Хорошо, что сдержалась. И попыхтев, как вусмерть злой ёжик без опохмела, принялась разбираться во всех этих закорючках. Перечисляя про себя, с кем могла согрешить еврейская родня моего любимого начальника. Да, мысль злая и нехорошая...

Но надо ж как-то себя утешить!

Тихо фыркнув, я натянула капюшон глубже. Шапка осталась в раздевалке, а возвращаться я не

собираюсь даже под угрозой расстрела. Так что, засунув руки в карманы и нахохлившись как воробей, я быстрым шагом направилась в сторону дома. Попутно размышляя о том, что бы такого купить в магазине, что бы было вкусно, не требовало долгой возни на кухне и понравилось не только мне, но и моему очаровательному зомби.

Если он ещё не сошёл с ума из-за моего отсутствия, конечно же. А то, учитывая, сколько раз я уже появлялась в nepотребном состоянии, определённо нужна какая-то взятка, дабы загладить свою вину за лишние волнения. Нет, я, конечно знаю, каким образом можно будет это повернуть...

Но ведь нужно ещё и питаться чем-то. Боюсь, одними плотскими утехами сыт не будешь!

Мысли окончательно свернули с рабочего на совсем иной лад. И улыбаясь во весь рот, я покачивала рюкзак в руке, сама не замечая, как ускоряю шаг, всё больше и больше, стремясь оказаться в родных пенатах как можно скорее. Заглянув в ближайший супермаркет, зависла ненадолго вокруг полок с вином. Но отмахнувшись от этой идеи, принялась во все глаза разглядывать богатый ассортимент. Выискивая то, посмотрев на что желудок согласно уркнет «Моё» и потребует приобрести.

На кассу я корзинку притащила с превеликим трудом. И невозмутимо добавила кое-что сверху, проигнорировав как круглые глаза кассира, потребовавшего у меня паспорт и явно не поверившей в дату рождения, прописанную в нём, так и пошлую улыбку парня, стоявшего сзади. Ему я искренне пожелала до того, как покупать такие вещи, затариться валерьянкой в аптеке. А то, судя по румянцу, прежде, чем начать притворять план по жарким ночам с девушкой, ему придётся успокоиться!

Расплатившись и загрузив всё в пакеты, направилась дальше. И сама не заметила, как оказалась около собственного подъезда. Похлопала по карманам, вытащила ключи и шустро проскользнула внутрь, пыхтя и таща свои покупки наверх. Лестница показалась проклятьем, пока я не дошла до конца и не прислонилась лбом к двери. После чего фыркнула и, сдув прядь волос упавшую на нос, открыла дверь.

Меня встретил тёплый свет, льющийся из кухни и запах крепкого, свежее сваренного кофе. А ещё обеспокоенный взгляд серо-зелёных глаз и мягкая, радостная улыбка. Жмур тут же отобрал у меня пакеты, спихнув их куда-то в сторону, и обхватил лицо ладонями, внимательно вглядываясь, ища хоть какие-то намёки на то, что со мной опять что-то случилось.

— Эй... — мягко взъерошила рукой тёмные волосы на затылке и, привстав на цыпочки осторожно коснулась губами его лба. — Со мной всё в порядке, Жмураэлло. На упыря, правда, смахиваю или на очень дальнего родственника графа Дракулы... Но это исправит вкусный ужин, приятная компания и сон. Много сна.

Бывший труп насмешливо фыркнул. И настойчиво, но нежно поцеловал, стягивая мешающийся пуховик. Нет, никакого намёка на страсть или же какие-то другие активные постельные упражнения. Я, собственно, насчёт состояния ни капли не шутила, скорее недоговаривала.

На ногах я стояла из чистого упрямства и с облегчённым вздохом обмякла в настойчивых руках мужчины, когда тот прижал меня к себе как можно крепче, и проворчала:

— Будешь дальше так меня обнимать и так приветствовать, ужин станет очень поздним завтраком... И вообще, неси меня олень, в свою страну оленью! В смысле, — под тихий смешок, согретый мою шею, я хихикнула и поправилась. — На диван. Согласна на чай, бутерброд и

обнимашки, да. Без обнимашек не согласна на отдых!

Жмур на это только рассмеялся, с лёгкостью подхватив меня на руки и унося в указанном направлении. Продукты в холодильник тоже он разместил. И чай принёс, и бутерброды сделал, и селя рядом обнимая за талию и позволяя с удобством разлечься на его широкой груди, счастливо жмурясь от удовольствия.

— Дорогой, я дома... — прошептала себе под нос, тихо хихикнув, когда прохладные пальцы прошли по пояснице, вызывая толпу мурашек вдоль позвоночника.

И впервые в моей жизни, эта фраза звучала без привычного одинокого сарказма и яда. В ней не было усталого бессилия, боли, непонимания и обиды на то, что у всех есть к кому возвращаться, а мне и в этом не повезло. Зато была надежда, умиротворение и та самая, пресловутая нотка нежной, пока ещё неосознанной влюблённости. Или любви.

Да, наверное, всё-таки любви... Себе-то ведь можно не врать, да, Харон?

Глава 14

Вот как оно бывает? Только расслабился, поверил, что всё будет хорошо, почувствовал себя счастливым и на тебе. Обязательно случится какая-нибудь пакость и не упустит возможности отравить тебе жизнь.

Беззлобно фыркнув, я принялась собираться дальше, чертыхаясь, прыгая по комнате как бешеный сайгак, и напрочь игнорируя насмешливый взгляд Жмурика. Эта зараза развалилась в полуголом (хотя почему полу-то?) виде на разворошенном диване и испытывал на прочность моё терпение. Потому как глядя на него, вспоминая, что было вчера днём и ночью, я испытывала зверское желание позвонить начальнику и объявить о том, что у меня сегодня сексуальный день...

В смысле, объяснить, где я видела работу в десять утра, в субботу. И не факт, что слова были бы цензурными.

— И что им от меня понадобилось? — недовольно протянула, вытаскивая из шкафа очередную футболку с надписью.

В этот раз она была слегка некультурной. Но зато отражала уровень счастья в моей крови и готовность осчастливить весь этот мир. Даже если он будет против, и особенно если он таки будет сопротивляться. Так что, натянув футболку через голову, я одёрнула подол и оценила яркую надпись на чёрной ткани: «В аду сказали: эту сюда не брать! Задолбала ржать и чертей под*бывать!». Если добавить к этому лисёнка со зловредной мордой, стоящего над кипящим котлом, изображённого на спине, картинка получается специфичная, да.

И настраивает на боевой, саркастичный лад. Как говорится, неси добро в массы так, чтобы никто не остался безнаказанным!

Фыркнув, взъерошила волосы на затылке и зевнула, даже не думая прикрывать рот рукой. За одним оценила россыпь засосов и укусов, оставленную на шее и плечах и прекрасно различимую в вырезе футболки. И постояв так минуты три, всё же взяла толстовку Шута, прочно переселившуюся в мои загребущие руки. Мне-то стыдиться нечего, а вот пожилые евреи могут и не оценить такой открытой демонстрации чужого счастья. Тем более, семейного!

Фыркнув ещё раз, застегнула молнию и обернулась, поинтересовавшись:

— Ну как я выгляжу?

В ответ меня наградили задумчивым взглядом. А потом Жмур всё-таки встал, наглядно демонстрируя, что под пледом на нём ничего и не было вовсе. И подойдя ко мне, обнял, ласково, нежно целуя. Отвлекая от насущных проблем, да так успешно, что когда он отстранился, двигаться вообще расхотелось.

А уж двигаться в сторону морга тем более. Какой морг, если самый важный труп в моей жизни стоит передо мною в чём мать родила и смотрит таким взглядом, что из головы мысли вылетают со скоростью звука, оставляя приятную опустошённость? Не зря ж говорят, что от любви глупеют, ох не зря!

— И как мне теперь уйти? — озадаченно поинтересовалась у довольного собой Жмурика, щёлкнув его по носу и нехотя высвободившись из родных объятий. То только вздохну недовольно, но возражать не стал.

Вместо этого коварный зомби потянулся, демонстрируя себя во всей красе и зевая утопал в ванную. Вызывая у меня очередную крамольную мысль, а не уволиться ли мне к чёрту? Нет, ну в самом-то деле! Тут такие кадры гуляют, а я иду в царство мёртвых очередную партию безвременно почивших осматривать! И где тут справедливость?!

— Да, Харон, дожились... — хмыкнув, я прихватила телефон, выйдя из комнаты в коридор. — А ведь, помнится мне, кто-то зарекался иметь дело с чувствами и не собирался превращаться во влюблённую, вечно счастливую дурочку! Вот уж точно, что от сумы и от тюрьмы не зарекаются, ага!

Подмигнув собственному отражению, я быстро натянула ботинки и пуховик. глянула на свою счастливую физиономию ещё раз и, хмыкнув, громко крикнула:

— Пока, Жмураэлло! Не влезь никуда, пока меня нет!

Ответом мне послужила тишина и шум воды. На пару мгновений мне показалось, что я слышу приглушённые душем голоса, но отмахнувшись от этого, я выскочила в подъезд, громко и радостно хлопнув дверь. В конце концов, не будет же Жмур водить меня за нос насчёт собственного здоровья, правда ведь? И если бы мог говорить по-русски, давно бы мне уже сказал, не так ли?

Тряхнула головой, отгоняя неуместные сомнения. В который раз перепрыгивая через две ступеньки, я помахала поднимающемуся домой Славику и показала язык местному комитету государственной безопасности, опять занявшему свой наблюдательный пост во дворе. Бабушки привычно проклинали меня, назвали исчадием Ада и перекрестили. И эта неизменная константа только убедила меня в том, что всё будет хорошо!

Даже если будет плохо, да!

До морга я добралась быстро. Благо в выходной день не наблюдалось страдающих особенным рвением работников, спешивших занять все свободные места в общественном транспорте. Можно было бы и пешком, но без шапки бродить по морозу как-то не хотелось. Так что, скрипя сердцем и отгоняя настырную жабу, так и норовившую меня придушить, я выловила маршрутку и заняла место у окна, поглядывая на окружающий пейзаж и дожидаясь своей остановки.

К моему вящему удивлению, возле морга оказалось не протолкнуться. Водитель, ругаясь сквозь зубы, остановился, не доезжая нескольких метров до нужного места и только руками разводил. Мол, а я-то тут причём? Пришлось, расплатиться и выбираться наружу, гадая, отчего это моё любимое место работы оккупировали машины полиции, скорой, легковушки с прокурорскими номерами и, если глаза меня не подводят, целый автобус ОМОНа. Последний щеголял пустотой, всем своим видом говоря о том, что его пассажиры отправились на задание. А вот на какое и куда...

Надеюсь, не по мою душу пришла такая весёлая, пёстрая и радостная компания? Потому что я, конечно, люблю мужское внимание... Но не настолько же пристальное и специфичное!

Недоумённо пожав плечами, я аккуратно обошла стоявшие машины, поднимаясь по ступенькам на крыльцо морга. И чуть не грохнулась, когда двери резко распахнулись, выпуская немаленькую делегацию наружу. Только что успела в сторону отскочить, прижавшись спиной к перилам и круглыми от удивления глазами глядя, как из здания выходят суровые люди в форме и масках и ведут...

Николая?!

— Давай, шевелись! — гаркнул кто-то из омонцев, подтолкнув в спину замершего при виде меня коллегу. Блондин бессильно скрипел зубами, даже не пытаясь, впрочем, дёргаться из крепкой хватки полицейских. Только сплюнул зло на землю, шагая вперёд. Следом за ним шли те самые братки, что решили помочь мне с формой носа и тот, кто приставлял пистолет к моему лбу. Их изрядно помятый вид, явно говорил о том, что сдаваться добровольно никто из них не хотел.

Вот только ОМОН это та сила, с которой в любом случае приходится считаться. В противном случае рискуешь не досчитаться некоторых, особо важных органов. Как рассказывал как-то Саньч, у них установка такая, ни с кем не церемониться. А если кто-то оказал сопротивление, пресекать его быстро и по возможности как можно более жёстко.

Николая и его дружков загрузили в автобус и группа ОМОНа уехала вместе с ними в неизвестном мне направлении. А следом за ними из морга вышли представители прокуратуры, полиции, журналисты щёлкавшие камерами и тараторившие свои бесконечные вопросы и начальник судмедэкспертов, тоже щеголявший наручниками.

На меня никто из них не обратил никакого внимания, чем я и воспользовалась, шмыгнув в двери и пытаясь понять, что же тут всё-таки происходит! Ну, или хотя бы найти того, кто мне хоть что-нибудь объяснит! А то фантазия-то дикая, мало ли что мне в голову придёт?

В моём зале творился полный и беспросветный бардак. Инструменты раскиданы по полу, на плитке видны следы крови и кажется я видела чей-то зуб. Столы сбиты и опрокинуты, разбиты несколько банок с интересными экземплярами, хранившимися в формалине, выбито пару стёкол и бумаги усеяли всё свободное пространство как конфити.

Видеть своё рабочее место таким разгромленным было мягко говоря неприятно. Но засунув это ощущение куда подальше, я бросила вещи на стол, стараясь не наступить на стекло и направилась на поиски единственного человека, который мог мне дать хоть какой-то комментарий. И, я искренне надеюсь, цензурный и внятный.

Хотя мне и внятный пойдет, лишь бы понять что же случилось за день с лишним, пока мя тут не было!

Ивар Захарович обнаружился на своём законном месте. Заведующий моргом выглядевший изрядно постаревшим и чрезмерно уставшим, сидел за своим столом, вертя в руках бокал с коньяком. Пожилой мужчина сутулился, был хмур и на вежливый стук не обратил ровным счётом никакого внимания. Только головой едва заметно качнул, продолжая бездумно смотреть куда-то в окно.

— Стар я стал для этих дел, стар... — наконец, тихо произнёс Блюменкранц, откинувшись на спинку кресла и закрыв глаза. Бодрый еврей был непривычно серьёзен и это изрядно нервировало.

На моей памяти Ивар Захарович всегда находил время и место для тонкого юмора, едкого замечания или не к ночи помянутым семейным байкам. Всегда. Но не сейчас. Сейчас шеф смотрел на меня большими глазами, улыбался через силу и глушил коньяк, наплевав на собственное немолодое, больное сердце.

— Ивар Захарович, что случилось-то? — устроившись на стуле для посетителей, я в кои-то веки не требовала, не вымогала, а просто и достаточно терпеливо ждала. Откуда-то прекрасно понимая, что рассказ начальнику легко не дастся. Уж больно говорящее лицо было у Захарыча, когда я озвучила свой вопрос.

— Знаешь, Женечка... Всякое видел в жизни. Как-никак военным хирургом был. Это потом уже поменял специализацию, устав мотаться по горячим точкам и поддавшись уговорам жены, — шеф хмыкнул, вновь наливая себе коньяку. — Сначала простой патологоанатом, потом дополнительное обучение по судебной медицине... В общем, помотало меня изрядно в своё время. И вот решил ближе к пенсии перестать уже метаться, да хвататься за все предложения сразу. Так и выпало мне назначение на заведующего этим моргом. Работа в принципе нормальная, не без веселья, конечно, но зато скучать явно не придётся. Сколько тут всякого бывало... Не перечислить. А если перечислять, боюсь, времени нам точно не хватит...

Тут мужчина замолчал, делая очередной глоток и отставляя бокал в сторону. Потёр виски, а после неожиданно севшим голосом продолжил свой рассказ:

— Вот я и говорю, Женечка, всякое повидал... Не молодой же уже, старик. Опыт плавно переходит в стаж, есть что молодняку передать. Но то, что произошло вчера... И сегодня... Что в морге творится что-то не ладное я давно подметил. Всё-таки не первый год замужем, знаю, на что смотреть и как. Да и буду честным, не раз приходилось заминать дела с недовольными родственниками, да потерянными трупами. Но понять кто и что делает получилось далеко не сразу. Ох не сразу! Я ж этого подлеца по совету коллеги, — последнее слово Ивар Захарович буквально выплюнул, скривившись от отвращения, — из зала напротив взял. Говорит, молодой, перспективный, работает по призванию, а не по принуждению... А у нас сама знаешь, как с кадрами туго. Ну и взял. Он же ниже травы тише воды был. Работал отлично, претензий никаких, на дежурства рвался с энтузиазмом... Ни жены, ни семьи, а у нас больше половины женаты и с детьми, кто откажется поменяться сменами в праздники или дежурство лишнее спихнуть? Эт только года через два... Ты как раз на подработку устроилась... Так вот, в то время и начал подмечать. То лишнее вскрытие записано. То наоборот, нет оно в журнале. То отчёты не сданы, то опять-таки все и даже больше на месте. Там недочёт инструментов, тут перерасход расходных материалов... Я на санитаров грешил поначалу, потом на завхоза, а уж когда ко мне пришли с интересным предложением по протекции этого самого Коленьки, что б его удавили в застенках... Вот тогда и понял, какую чёртову змеюку на груди пригрел, да ещё сам же ей поле для деятельности обеспечил!

И я впервые за все годы работы в морге увидела, как пожилой и степенный Захарыч с размаху

швыряет в стену бокал с коньяком. Что бы тут же грузно осесть обратно, сложив руки на столе и сцепив пальцы в замок. На меня шеф старался лишний раз не смотреть, и я терялась в догадках, с чего бы на лице начальника так отчётливо проступает чувство вины.

— Лихие девяностые прошли, а выродки того времени никуда не делись. Так, обросли деньгами, связями и усиленно стараются выглядеть обычными бизнесменами... Но я-то вижу! Да и манерами сии джентльмены не обеспокоились, что уж там... Зашли под вечер, с ноги дверь выставили и с порога заявили. дескать, либо я закрываю глаза и спокойно доживаю свой век, либо... — эффектная пауза сказала о многом.

Например, о том, что в случае отказа Захарычу грозило много чего интересного, но сугубо с летальным исходом. И ладно если для него одного...

Невесело усмехнулась. Мне методы этих товарищей были тоже знакомы. На себе испытала. Только если Захарыча просто на испуг за близких брали, то меня на банальный вопрос, прямо как по Шекспиру «Быть или не быть?». Вот только там Гамлет выбором мучился, а у меня и выбора не было: либо уступаешь, либо красиво, феерично и очень болезненно умираешь. Наверное, именно по этой причине я сейчас на любимого шефа не злилась и не обвиняла не в чём.

В конце концов, за свою семью я готова гордо и молча помереть с музыкой, пусть даже по собственной глупости. Так, за что мне злиться на пожилого человека, который просто спасал свою семью, как умел и как мог?

— Знаю, что дурак, — буркнул шеф, нарушая повисшую тягостную нам обоим тишину. — Надо было сказать, плюнуть на всё и пойти в полицию. Да только я своими глазами видел, как пришедшие «договариваться» со мною люди мирно и вполне по-дружески общались с ментами, заглянувшими к судмедэкспертам. Вот тогда до меня дошло, да... Что вариантов-то у меня не было с самого начала. Что тут не только Коленька, стоявший в дверях и гадко лыбившийся, замешан, но и мой коллега, так сказать. И ещё неизвестно, сколько сотрудников морга. Вот тогда я... Я испугался, Женечка. И предпочёл согласиться на все их условия. Денег мне не платили, но по крайней мере я мог работать и жить относительно спокойно. Ну и пытаться найти выход из всей этой ситуации, да...

Блюменкранц снова замолчал, уставившись в окно. А я сидела ни жива, ни мертва, только сейчас начав в полной мере осознавать насколько же масштабным было это чёрное дело. Я знала про Коленьку, догадывалась, что кто-то ему помогает. Но не могла и предположить, что судмедэксперты тоже оказались вовлечены в торговлю органами. И что они были настолько уверены в своих силах, что не боялись ничего.

Да, у нас, работников морга, труполобов и труповедов, мораль искривлена, а психика подвержена профессиональной деформации. Но что бы настолько деградировать, это всё-таки надо быть уникальным человеком. Уникальным в откровенно хреновым, как по мне.

— Ивар Захарович, вы...

— Виноват я, — шеф отмахнулся от моей вялой попытки его поддержать и криво усмехнулся. — Очень виноват, Женечка. Перед родными, которым пришлось переживать весь этот ужас. Перед мёртвыми, за то, что не дал спокойно упокоиться... И перед тобой. Я ж все эти годы искал, как можно прекратить эту чёртову вакханалию, Пиров пир! Тыкался в ментуру — глухо, пытался по своим связям что-нибудь выяснить — снова глухо... А потом эти молодые люди, не отягощённые интеллектом, решили на каждого нового сотрудника собирать дополнительную

информацию. На всех, Женечка, в том числе и на тебя... — и впервые за вес разговор Блюменкранц посмотрел прямо на меня. Больным, несчастным взглядом, в котором клубилось чувство глубокой вины. Лицо пожилого мужчины исказила болезненная улыбка, а по щеке скатилась одинокая слезинка.

— И... — с трудом сделав очередной вздох, я прикрыла глаза, пытаюсь взять себя в руки. А когда смогла, даже порадовалась как спокойно прозвучал мой голос. — И что же там было? В том досье?

— Ничего особенного, — тихо откликнулся Ивар Захарович, делая глоток из горлышка початой бутылки. Янтарная жидкость как-то недобро блеснула в свете настольной лампы. — Жила, училась, работала. Всё как у всех и ровным счётом ничего не обычного. Но у меня были знакомства в отделе по борьбе с экономическими преступлениями. И когда я мельком увидел тебя в компании одного из Араньевых...

— То пришли к выводу, что у меня с ними есть связь, — машинально кивнула, ссутулившись и сжав пальцы в кулаки. Кажется, я начинаю понимать, куда ж клонит моё любимое начальство. И какой именно выход из ситуации оно нашло.

А ведь всё было до смешного, до банального просто.

Я никогда не скрывала своего общения с братьями Эльзой. Иногда пересекались в морге, иногда на улице. Иногда кто-то из них заглядывал просто так, узнать как дела, да и просто проверяя, всё ли у меня в порядке. Это сейчас они расслабились и не пытаются меня опекать так же, как родную сестру, а до этого пришлось пережить немало курьёзных и не очень приятных моментов, связанных как с любопытством Веника, так и с невозмутимым спокойствием Димыча.

Я никогда не скрывала, но и не афишировала нашу дружбу. Как не афишировала после тесное общение с тем же Санычем или Шутом. Работа это работа, личное это личное. И будь я хоть трижды трудоголик, но семья это одно, а коллеги это совсем другое.

Вот только Ивар Захарович подробностей нашего общения не знал и не мог знать. Он вполне справедливо решил, что братьям не составит труда заметить, что со мною что-то не так. А заметив, те тут же начнут копаться в случившемся и обязательно доберутся до правды. Уж чего-чего, а упрямства им определённо не занимать!

Судорожно вздохнула, впиваясь короткими ногтями в нежную кожу ладоней. Да, план был хороший, логичный и вполне мог увенчаться успехом. Если бы не одно «но». Я не виделась с братьями Араньевыми так часто, как надо бы что бы что-то заметить. Я никого не посвящала в свои проблемы...

И это оказалось именно тем камнем преткновения, о который споткнулся и разбился весь блестящий план старого заведующего моргом.

— Не сердись на старика, Женечка... — тихо заметил Блюменкранц, тем не менее, даже не пытаясь ко мне подойти. — Я делал всё так, что бы ты обратила внимания на творившееся в морге безобразие. Ты обращала, но ничего не менялось... А в последнее время господа хорошие стали непрозрачно намекать на то, что Коленьку, козла этого доморощенного, надо бы повесить. Для более эффективного сотрудничества. Я-то человек подневольный, сам не могу ткнуть в нужного человека. Во всяком случае, это сходило с рук несколько раз, хотя ни один из кандидатов на месте не задержался. А в этом году они меня прижали... И сказали либо так, либо будет плохо. Всем, Женечка. И сотрудникам и мне лично. И я... Я просто не мог по-

другому...

— Вот уж действительно... — отстранённо заметила, криво улыбнувшись. — Не зря говорили, проклятая должность...

— Девочка моя, я знаю, что я дурак. Старый, больной дурак... — Захарыч сделал ещё один глоток коньяка. — Знаешь, как я обрадовался когда в четверг дознаватель пришёл? И как был счастлив, когда вчера со мной связались из прокуратуры, после чего вызвали на приватный разговор? И объявили о том, что сегодня будет проходить задержание этой группировки? С обыском, со всем, чем можно? Да я чуть не расцеловал всех там присутствующих за такой подарок! Я ждал этого столько лет, что сегодня думал напьюсь... От радости. Только радости нет, никакой. Арестовали, взяли, даже допросить успели, в моём присутствии... Их как прижали, так они соловьём разливаться начали! А я сидел, слушал и чувствовал, как начинаю сесть окончательно и бесповоротно... А когда один из следователей поинтересовался, по какой причине они тебя избили, а после чуть не придушили угрожая пистолетом...

— Простите? — вынырнув из собственных невесёлых мыслей, я нахмурилась, поднявшись и подойдя к столу начальника. — Ивар Захарович, о чём спросили?

— О том, по какой причине они тебя избили. И зачем угрожали пистолетом. Женечка, я всем чем хочешь клянусь, я не думал... Я даже не предполагал...

— Ивар Захарович, не надо, — несильно ударив ладонью по столу, я вымученно улыбнулась шефу и покачала головой. — Вы действительно не виноваты ни в чём. Тут просто... Глупое стечение обстоятельств. Глупое и фатальное. Вам бы это... Отдохнуть. С семьёй побыть. А не сидеть и не напиваться тут. Всё же вроде хорошо закончилось, нет?

— Хорошо... — вяло кивнул в ответ Блюменкранц и снова вздохнул с затаённой горечью. — Только всё равно, Женечка. Я виноват. Прости старика, я ж как лучше хотел... А вышло...

— Всё хорошо, что хорошо кончается, — снова криво усмехнувшись, я осторожно спросила. — Можно я сегодня выходной возьму, Ивар Захарович? Сдаётся мне, никто сегодня работать не будет.

— Конечно-конечно, — суетливо кивнул старик, явно так и не поверивший моим словам. Это было видно по заострившимся чертам лица, по потемневшим глазам и судорожным движениям. Ивар Захарович, славившийся своей выдержкой и умением мыслить позитивно в любой ситуации, сейчас был действительно сломлен. И задыхался от душившего его чувства вины.

Как бы не натворил он с собой чего-нибудь...

Вот только, как бы цинично это не прозвучало, меня сейчас куда больше заботили собственные переживания. И воспользовавшись разрешением начальника, я выскочила за дверь, почти бегом направившись обратно в родной зал. Не глядя по сторонам и не обращая ни на кого внимание. В голове билась эта треклятая мысль, высказанная ещё самим Винни-Пухом в том старом мультике: «Это ж-ж-ж неспроста!», а ноги самостоятельно привели меня на разгромленное рабочее место.

Где я и грохнулась на колени, опёршись ладонями в ледяной пол и пытаюсь сложить чёртов пазл, который ну никак не желал сходиться.

О том, что меня избили, знали только двое. На самом деле знали, а не догадывались и могли

сказать об этом с твёрдой уверенностью. А о том, что меня душили вообще только один, но тот не мог никому ничего сказать. Не мог же?

Втянув воздух сквозь сжатые зубы, я зажмурилась, треснув со всей силы кулаком по полу. Противно заныли костяшки, оставляя на светлой плитке алый след. А в голове по-прежнему скакали треклятые эвоки из «Звёздных войн», складывая мельчайшие, несвязанные на первый взгляд моменты в единую картину. Картину, от которой к горлу подкатывала тошнота.

Странные реакции, запутанный гугл-переводчик, не пытавшийся ничего сделать со своей проблемой мужчина, заедающий замок, грёбаные креветки, его беспокойство и нежелание вчера меня куда-либо отпускать...

Вася, исчезнувший с горизонта, Рыж, странно отреагировавшая на казалось бы незнакомого парня, замечание Эльзы про ругань матом на корейском, их поспешная прогулка на улице, слишком довольное лицо Солнцевой по возвращению...

Тихо всхлипнула, усевшись на пол и, подтянув колени к груди, обхватила их руками, уткнувшись в них лбом. Я должна была догадаться, разве нет? Я должна была понять, что не может человек так комфортно воспринимать собственное вынужденное молчание и то, что не может ни с кем объясниться! Я должна была заметить, что его не напрягает моё долгое отсутствие и вынужденное заточение в квартире. Я должна была...

Но не заметила. Не обратила внимания и не захотела думать об этом, веря в лучшее.

— Значит, просто похож, да, Рыж? — тихо проговорила, чувствуя, как грудь сдавливает обруч из злости, непонимания и обиды. — Ну и за что ты так со мной, Жмур? Или как там тебя зовут на самом-то деле?!

Было больно. Не от того, что он вмешался, не от того, что врал. Больно было от того, что не доверял. И предпочёл что бы все всё знали, одна я как дура оставалась в неведении. И зачем? Из страха потерять? Из собственной прихоти?

Зачем?

Вопросы оставались без ответов, во всяком случае, оставшиеся в холодильниках мертвецы вряд ли могли бы что-нибудь сказать мне по данному поводу. Поэтому сглотнув горечь, оседавшую на языке, я проигнорировала стойкое желание забиться в угол и порыдаться в темноте. Я медленно поднялась на ноги, не обращая внимания на сбитые в кровь костяшки, и вытащила телефон, чудом уцелевший после всех приключений.

Набрать нужный номер дело трёх секунд. Дождаться ответа ещё тридцати. Шут видимо уснул не так давно, потому как злым и сонным голосом оповестил где и в каких позах он видел неожиданного собеседника.

— Не рычи, это не займёт много времени Лёш, — даже на мой непредвзятый вкус голос звучал жалко. И мгновенно проснувшийся Шут это явно заметил. Вот только вопросов задавать не стал, ожидая продолжения. — Скажи... Ты никому не говорил о том, что меня избили, ведь так?

— Нет, — недовольно откликнулся друг, отчаянно зевая. И тут же насторожился, когда ещё спящий мозг соизволил обработать информацию. — А что? Ещё куда-то влезть успела, трупоманка чёртова?!

Искренняя забота и беспокойство в голосе друга приятно согрели изнутри, ослабив сковавшее тело напряжение. Однако, легче от этого всё равно не стало, так что скривившись, я поспешила успокоить Лёшку:

— Нет, всё в порядке. Теперь всё в порядке, Лёш... Скоро увидимся.

И отключилась до того, как он успел что-то ещё спросить, уставившись невидящим взглядом в одну точку, пытаясь понять, что делать и как быть дальше.

Глупо отрицать, но меня задевало скорее недоверие, чем то, что Жмур влез не в своё дело или остался у меня под надуманным предлогом. А ещё то, что даже вчера, настойчиво убеждая меня не думать о работе и не рваться в морг (будь честна сама с собой, Харон, ты не сильно-то сопротивлялась!) он не догадался просто рассказать мне всю правду. Ну да, не отрицаю, я бы побуянила немного, высказала бы всё, что про него думаю и попыталась бы приложить чем-нибудь тяжёлым! Но уж точно не стала бы выгонять или просить оставить меня в покое...

Наверное.

Тряхнув головой, я натянула пуховик и, прихватив рюкзак, выбежала из здания морга, спеша как можно быстрее попасть домой. И очень надеюсь на то, что одна упрямая, но всё-таки любимая вредная личность не станет юлить и честно ответить на прямо поставленные вопросы!

Как я оказалась у родного подъезда — не имею ни малейшего представления. Всю дорогу я думала только том, как будет проходить разговор и чего мне от него ждать. А самое главное, как вести себя дальше? Я не знала, что будет потом, что нас ждёт завтра. Пока я могла с точностью сказать только одно, разбежаться по такому идиотскому поводу мне не хотелось. Да, будет трудно поначалу привыкнуть к мысли, что всё это время Жмур вполне себе мог говорить по-русски, учиться воспринимать его заново и снова находить точки сближения...

Только если уж он столько меня терпел молча, разве это не доказательство того, что умение говорить ничего существенно не изменит в наших отношениях? Разве нет?

Самым трудным оказалось вставить ключи в замок и открыть дверь в квартиру. Я долго уговаривала себя, что всё будет хорошо. Обязательно! Что я не могла ошибиться, что я была ему нужна до этого и то, что он не стал просвещать меня насчёт своей восстановившейся речи, ничего ровным счётом не значит. И только когда проходившая мимо соседка странно на меня посмотрела, я перестала бубнить себе под нос и натянуто улыбнувшись, открыла таки дверь и провалиться в коридор, спешно закрывая её за собой.

Квартира встретила меня непривычной тишиной и пустотой. Никто не вышел навстречу, никто не смотрел что-то на ноутбуке и не возился на кухне. Не пахло свежим кофе и почему-то тут вдруг оказалось иррационально холодно.

— Жмур? — позвала негромко, бросив куртку и рюкзак на пол и ёжась от этой давящей тишины и пустоты.

Ответа я не получила. Как не нашла своего любимого зомби и в ванной, и на кухне, и в комнате. Ничего. Как будто тут никогда никто кроме меня и не жил вовсе.

В груди шевельнулся страх, завязываясь в тугий узел с разливающейся по телу болью, пронизывающей меня насквозь. Я медленно прошла по комнате, пытаясь найти хоть что-то, что могло бы сказать, куда делось это несчастье и что же произошло. Но взгляд то и дело

наткнулся только на отсутствие каких-либо вещей, даже пресловутого тамагочи. Только когда посмотрела на ноутбук, с удивлением увидела на нём маленькую флешку и листок белой бумаги, прижатый букетом из нелепых, простых ромашек.

И ничего больше...

Если Славик и удивился, найдя меня на пороге своей квартиры в полу вменяемом состоянии и с бутылкой вермута в руках, то виду не подал. Только молча кивнул, открывая двери и пропуская меня внутрь, отобрал бутылку, которую я, пока шла с магазина, успела выпить на треть, и усадил на диван, закутав в тёплый флисовый плед.

Он не задал никаких вопросов даже тогда, когда меня скрутило истерикой и ему пришлось держать меня в крепкой хватке, без слов поглаживая по спине и укачивая как маленького ребёнка. И только когда на смену яростным, злым слезам пришло болезненное опустошение, Славик принёс мне крепкий, сладкий чай, усевшись напротив и сжимая в своей большой ладони мои пальцы.

Откуда взялось первое слово? Почему я вообще заговорила? Наверное, всё дело в той особой, располагающей к себе ауре, окутывающей соседа. Он ведь не зря пошёл на психолога. причём именно на детского. И не смотря на всю его бандитскую, зверскую внешность, к Славику тянулись все. Потому что знали, что он выслушает, подскажет, поможет...

И просто даст ощущение того, что ты не один. Иногда просто очень трудно держать всё в себе, переживать всё, стиснув зубы и не подавая виду. Я не думала, что когда-нибудь мне придётся плакать в жилетку этому большому, доброму парню...

Но я так же не думала, что могу влюбиться в ближайшее десятилетие. Так что грош цена моим мыслительным процессам, на самом-то деле.

— Всего два слова, Слав, — наконец, выдохнула, закрыв лицо ладонями и сжавшись в комок. — Два слова. Извини. Андрей. Выходит, именно так его и зовут на самом деле. И дурацкая фотография на чёртовой флешке! Вот и всё... Вот и всё... — истеричным смешок сорвался с губ против воли и я дёрнула плечом, загоня новый виток истерики как можно дальше и глубже. — Ни любимой работы, ни любимого человека, ни-че-го... Грёбаная сука жизнь!

Славки, хранивший до этого молчание, вздохнул и тихо сказал:

— Я думаю, он вернётся.

— Нет, — губы растянуло жалкое подобие улыбки. — Не вернётся.

— Вернётся, — с нажимом произнёс сосед, погладив меня по дрогнувшим плечам. И продолжил говорить с непонятной для меня уверенностью. — Вот только вопрос в том, простишь ты ему это или нет, Харон. И позволишь ли вернуться...

— Он не вернётся, Слав. Мне так никогда не повезёт, — горько усмехнулась, сползая по дивану вниз и сворачиваясь на продавленном сидении в клубок.

— И всё-таки?

— Не знаю. Сегодня утром я знала, что у меня есть всё, что нужно. Любовь, работа. дом... Семья, — ещё одна горькая улыбка.

— А теперь?

— А теперь у меня нет ничего, Славик. И уже не будет...

Закрыв глаза, я стиснула руки в кулаки, давя рвущиеся наружу слёзы. Алкоголь дал о себе знать, погружая в беспокойный, тяжёлый сон, который тоже не дал мне ничего ровным счётом. Ни покоя, ни уверенности, ни надежд.

Правда, на следующий день, вспоминая наш разговор, я позволила себе робко надеяться, что Славик окажется прав. Всё время вздрагивала от звука шагов в подъезде, чего-то ждала и пыталась представить, как будет выглядеть это возвращение блудного попугая на родину.

Вот только время шло. Шли дни. Затем недели. А Жмур так и не давал ничего о себе знать. Так что в это раз из меня вышел самый лучший предсказатель, ведь я оказалась права. Он так и не вернулся. Жаль, что жизнь не чёртова мелодрама, где обязательно будет счастливый конец.

Действительно жаль. Но видимо для вредных, ядовитых патологоанатомов, склонных к асоциальному поведению, своего «жили долго и счастливо» не предусмотрено природой. Вот и верь после этого сказкам!

Эпилог

Месяц спустя...

— Поздравляю, Шарик! Ты — балбес! — Анька, не стесняясь, отвесила ему подзатыльник, устроившись в кресле напротив и постукивая пальцами по подлокотнику.

Работающий за ноутбуком Богдан только насмешливо фыркнул, кидая на друга сочувствующий взгляд. Вот только влезать в перебранку не собирался. Моральная порка ещё никому не вредила!

— Вообще-то, могла бы и посочувствовать... — тихо откликнулся Андрей, потирая пострадавшую часть головы.

— Если бы я тебе не сочувствовала, то намекнула бы Эльзе, чего это её закадычная подруга-патологоанатом последнее время заживо хоронит себя в работе и общается только с ней и с одним из байкеров, — раздражённо дёрнула бровью Рыжая, скрестив руки на груди. — А расстраивать нашу Снежную Королеву нынче очень невыгодно. Мало того что рядом нервный Верещагин круги нарезает, так ещё и братья имеются... Очень негативно реагирующие на всех, кто обидел их родных и близких! Нет, ну если тебе вдруг захотелось полюбоваться на красоты тюремной камеры...

Тут Солнцева многозначительно замолчала, недвусмысленно намекая на место работы братьев Араньевых. И даже бровью не повела, когда на неё уставились уже два укоризненных взгляда, всем своим видом демонстрируя, что ей товарища совсем не жалко.

Вот ни капли, совершенно!

— Ты же знаешь, что у меня не было особого выбора, — вздохнув, Андрей сгорбился, опираясь локтями на колени и сцепив пальцы в замок. И криво усмехнулся. — Лучше, подскажи, как теперь всё это исправить?

Чудище недоверчиво хмыкнула, качая головой. И промолчала, явно не горя желанием ему помогать. Да, Андрей был согласен с тем, что он балбес, мягко говоря. Ему, вообще-то, ничего не мешало банально хотя бы позвонить Женьке на следующий день и попробовать всё объяснить. Но, честно говоря, он сам с трудом помнил как прошла та первая неделя, пока отец лежал в реанимации с сердечным приступом, а мать потихоньку сама себя сводила в могилу, волнуясь и доводя далеко не молодой организм до истощения. Нужно было присмотреть за родителями, обеспечить им все условия, врачей и лекарства, проконтролировать работу в главном офисе фирмы, разобраться с повисшими поставками, проверить оплату выполненных договоров...

Фармацевтический рынок и рынок медицинского оборудования, его поставки ремонта и обслуживания, были привередливы и требовали жёсткого, постоянного контроля. К тому же, работа позволяла не концентрироваться на собственных переживаниях. И не думать о том, что же он натворить-то умудрился.

Это потом, когда кризис миновал, и Андрей смог выдохнуть, до него запоздало дошло, что можно ж было всё нормально объяснить. Позвонить, в конце-то концов, или написать. Да хотя бы прислать цветы с извинениями и просьбой поговорить! Женька знает, каково это терять близких...

Она поняла бы, почему он так внезапно сорвался и исчез.

Вот только осознание это пришло почти две недели спустя. И он был не настолько наивен, что бы верить в то, что после такого долгого молчание всё, что ему грозит — это несильный подзатыльник. Как и в то, что Женька согласится его хотя бы выслушать и вообще позволит к себе подойти.

Андрей скорее поверит в то, что ему популярно скажут куда идти, проложат подробный маршрут и выдадут напутственный удар по голове чем-нибудь тяжёлым! И то, в лучшем случае. О том, что может быть в худшем лучше даже не думать, спокойнее будет!

— Ладно, — наконец не выдержала его жалобного взгляда Анька, насупившись и недовольно фыркнув. — Причины у тебя действительно уважительные были. Только как ты теперь грехи свои тяжкие отмаливать будешь? Харон это не я, одним подзатыльником и словесным порицанием ты от неё не отделаешься. Она ж тебя мирно закопает и тихо отпразднует это дело!

— Для начала надо с ней встретиться, — о том, что разговор с Харон лёгким не будет, Андрей тоже прекрасно знал. Успел, как-никак познать все грани характера любимой девушки и осознавал, что даже встретиться просто так не получится.

Впрочем, у него была одна идея о том, как это проверить. Главное, чтобы друзья ему помогли...

И что бы Женька его не добила из милосердия.

— И как ты это собираешься сделать? — заинтересованно поддалась вперёд Солнцева. В ответ на ироничный взгляд собственного парня она только фыркнула. — Ну должна же я знать на какую тему прощальную речь на похоронах толкать!

— Очень просто, — Андрей лукаво сощурился и доверительно прошептал. — Для начала мне надо попасть в морг. В качестве трупа.

С минуту Солнцева сидела, банально открыв рот и ошалело хлопая глазами. Потом икнула, ущипнула себя за руку, вскрикнула и снова уставилась офигевшим взглядом на друга. Потом вздохнула и очень вежливо, мягко поинтересовалась:

— Ты охренел?

— Не-а.

— С ума сошёл? Головой приложился? Последние мозги растерял? — принялась выдавать гипотезы Анька. Но на каждую из них Андрей только головой качал, пряча широкую улыбку. — Ла-адно... Тогда чем тебя так приложило, что бы ты сам, самостоятельно, решил попасть на стол разозлённого и обиженного... на тебя обиженного! И очень-очень разозлённого!.. Короче! С чего ты решил, что если ты окажешься на столе у Харон, она с тобой разговаривать будет, а не исполнять свои прямые должностные обязанности?!

Богдан чему-то усмехнулся, обменявшись с товарищем понимающими взглядами. В разговоре он участия не принимал, продолжая разбираться с документами.

— Это будут уже мои проблемы, — хмыкнул Андрей, едва заметно пожимая плечами в ответ на скептический взгляд Аньки. — Да, я в курсе, что у неё в руках будет скальпель и ещё много интересных инструментов. Я так же прекрасно знаю, на что она может быть способна... Ладно, по крайней мере, могу представить. Но согласись, это мне с ней разбираться, а не тебе, так ведь? Всё, что мне от вас нужно, это помочь попасть в морг в качестве потенциального клиента. И всё. Остальное я беру на себя.

— Диагноз ясен, — задумчиво протянула Анька. — Камикадзе. Лечение не подлежит. Единственный выход — отправить на добровольное самоубийство самым оригинальным способом из всех возможных. Не, я почему-то даже не против! Можно я сама тебя чем-нибудь тяжёлым приложу? Ну, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

— Ань, — вот вроде бы и ничего такого не было в голосе Полонского, но Анька сразу сдулась и вздохнула печально.

Хотя вспомнив, видимо, о том, что Андрею предстоит разговор с очень недобрым нынче любителем трупов тут же воспряла духом. Если уж не она, то Харон-то точно своего благоверного чем-нибудь приложит! Чисто в профилактических целях!

— Ты действительно этого хочешь? — блондин всё-таки оторвался от работы и внимательно посмотрел на друга.

— Она моё всё, — негромко откликнулся Андрей, печально улыбнувшись. — И я прекрасно понимаю, какую боль ей причинил... И знаю, что легко точно не будет. Но да. Я действительно хочу этого.

— Хорошо, — кивнув своим мыслям, Богдан, вновь возвращая своё внимание компьютеру. — Я сведу тебя с нужными людьми.

Андрей благодарно кивнул, наконец хоть немного расслабившись и откинувшись на спинку дивана. В комнате повисла мирная тишина, пока её не нарушило одно неугомонное рыжее чудовище, обиженно протянув:

— Э-э-эй! Что значит «хорошо»? А кто этого дятла по голове стучать будет?!

— Рыж!

Если кто-то надеялся, что хоровой оклик подымет из могилы давно и прочно захороненную там совесть, то очень сильно просчитался. Анька Солнцева таким непотребством отродясь не страдала.

— Ай-я-я-яй... Убили негра! — устало потерев переносицу, я откинулась на спинку кресла, забросив ноги на стол. И допела навязчивый припев песни группы «Запрещённые барабанщики». — Сволочи, замочили!

В пустом зале моё полуночное завывание больше всего смахивало на форменное издевательство. Однако предъявить претензии мне за откровенную фальшь и непотребные слова было просто и банально некому. Морг всё ещё лихорадило. Персонала, откровенно говоря, не хватало.

У меня была третья подряд смена. И всё, на чём я держалась, это на силе воле, крепком, горьком чёрном кофе и желании погрузиться в работу с головой так, что бы даже желания о чём-то думать не возникало.

— Евгения Сергеевна, тут труп! — раздался взволнованный голос санитары со стороны входа в зал.

— Шугуров, это морг. Что тут ещё может быть?! — с трудом выпрямившись, я сцедила зевок в кулак и попыталась распрямить сведённые судорогой плечи.

— А тут неучтённый труп! — тон стал ещё более взволнованным, и в проходе замаячило бледное лицо главара моей личной тройки долбо...

Смерив Данила оценивающим взглядом, вздохнула и мысленно себя поправила. Долбодятлы. Они мои личные долбодятлы. Которых я с чистой совестью задолбаю, если они меня ради прикола дёргать начали! Я нормально спала последний раз месяц с лишним назад и человеколюбие во мне и так небогатое, окончательно затерялось среди планов по захвату мира и составлению перечня пыток для провинившихся подчинённых.

Подаренный ради шутки «Молот Ведьм», подарочное иллюстрированное издание, оказался неоценимым источником вдохновения и поддержкой в одинокие, тёмные ночи, когда от тоски и боли хотелось на луну волком выть.

Тряхнула головой, недовольно скривившись. Не думать. Не жалеть. Не плакать. И работать, до конца смены ещё далеко!

— Ладно, тащи сюда вашу неучтёнку, — буркнула недовольно, поднимаясь и потирая затёкшую поясницу. — Кому-то жизнь ничему не учит, по всей видимости...

Пока санитары бодро выполняли свои непосредственные обязанности, я медленно переделалась, завязала отросшие волосы в короткий хвост и плеснула в лицо холодной водой, пытаюсь не заснуть на ходу. И только когда мне отчитались о том, что всё было сделано и в лучшем виде, я кивнула и вышла в зал, напевая себе под нос уже другой хит группы «Жуки».

— Да у тебя же мама — педагог! Да у тебя же папа — пианист! Да у тебя же всё наоборот! Какой ты нафиг танкист?! — мурлыча незатейливую мелодию, я выложила на подставку для

инструментов перчатки, повязку, проверила содержимое лотка. И взяв в руки ножницы, откинула простынь, прикрывающую мёртвое тело, продолжая напевать. — Да у тебя же...

Голос оборвался на полуслове, когда я разглядела, что за тело попало в мои загребущие лапки. С громким звуком на пол упали ножницы, которые я так и не смогла удержать ослабевшими пальцами. Но я этого так и не заметила, часто моргая, пытаюсь сморгнуть накатывающие слёзы. И пытаюсь понять, это у меня от переутомления мозга всё-таки заклинило...

Или я действительно вновь вижу на своём столе в прозекторской тело Жмурика?

Тихо выдохнула и сглотнула, в который раз потрянув головой. Зажмурилась, потёрла глаза, но труп от этих действий так никуда и не делся. И даже когда я себя ущипнула за руку, картинка не стала менее сюрреалистичной, вызывая острое чувство дежавю.

Сделав маленький шаг вперёд, я слегка наклонилась, вглядываясь в спокойные, безмятежные черты такого знакомого и родного лица. И тонко, зло усмехнулась, когда первый шок схлынул, оставив после себя поднявшую голову паранойю. После того, что тут творилось в последнее время, я разучилась удивляться. Зато взяла за привычку очень внимательно осматривать каждое поступившее в морг тело.

Резко отпрянув, я развернулась и вернулась к своему рабочему столу. Уселась в кресло, откинувшись на спинку и опираясь локтями на подлокотники. Сложила руки домиком, и тихо, как можно более безэмоционально произнесла:

— Хорошая шутка. Не смешная, но вполне актуальная. Вставай, замёрзнешь, заболеешь, не дай бог схватишь пневмонию или воспаление лёгких... Моё человеколюбие сделало ручкой пару недель назад окончательно и бесповоротно. Я не буду тебя спасать, больше не буду... Андрей.

Застывший на столе мужчина шевельнулся и, поморщившись недовольно сел, глядя на меня исподлобья виноватым, каким-то жадным взглядом. Но приближаться не спешил, что несказанно меня радовало, если честно.

Держать себя в руках было сложно. Очень. В душе ворочалась тяжёлым, горячим комком боль, недоверия, робкая, глупая надежда и злость. Усталая, вызванная бессонными ночами, жалкими истериками и отчаянным одиночеством. Она была бессильной, беспричинной, но она была.

И только потому, что ко всему прочему у меня была дикая усталость, помноженная на бесконечное равнодушие ко всему окружающему, в сидящего напротив меня уже дважды бывшего зомби ничего не полетело. А ведь хотелось, действительно хотелось.

— Как ты? — а голос у него оказался почти магическим. Глубоким, мягким, ласкающим. Он проникал куда-то под кожу, оставляя после себя иррациональное чувство потери.

— Как упырь в период остро нехватки гемоглобина, — хмыкнула, едва заметно пожав плечами. — Я устала. Я хочу спать. Я хочу есть. У меня впереди ещё почти три часа дежурства. И никаких выходных в перспективе. Так что можно сказать я вышла замуж за свою работу. Хоть с кем-то у меня полная взаимность!

— Один — ноль, — тихо фыркнул Жмур, всё-таки слезая со стола. Опираясь задом на него, он скрестил руки на груди, ласково мне улыбнувшись. — Я скучал.

— По моргу? — заинтересованно вскинула бровь, показательно осмотрев зал. — Так что же

мешало прийти на экскурсию? Я, может быть, тебя удивлю, но для этого совершенно не обязательно нарваться на драгу с гопниками и получать очередную травму головы.

— Харон...

— Или тебе больше санитары приглянулись? Извини, если уж я упырь на голодном пайке, то они и вовсе низшие умертвия, поднятые добрым некромантом и раз в сутки потребляющие горячительные напитки для того, что бы хоть как-то реагировать на окружающий мир, — хмыкнув, я бездумно крутанулась на месте, дав в себе желание плюнуть на всё и вся и обнять его.

Или чем-нибудь согреть. Честно говоря, я пока не определилась, чего мне хочется больше.

— Жень...

Я замерла на месте, застыв и вперившись в него ненавидящим взглядом. После чего судорожно вздохнула, медленно, очень тихо и чётко проговорив:

— Не смей... Не смей. Меня. Так. Называть.

— Я знаю, что я виноват, — тихо проговорил Жмурик, всё так же не делая и попытки ко мне подойти. Он просто смотрел на меня: тепло, ласково, нежно... С любовью.

И от этого было ещё хуже. Прозвучит пафосно и сопливо, но это как нож в сердце повернуть. Так же больно и так же невыносимо. И желанно, да. Я ведь действительно его до сих пор люблю...

Но и ненавижу тоже. Вот такой я забавный зверёк, да.

— Молодец, — кивнула, с трудом, но, всё же, сумев успокоиться. — Возьми с полки пирожок и можешь идти отсюда туда, куда хочется.

— Я там, где мне хочется быть, — небольшой, маленький шажок в мою сторону. Я напряглась, откатившись как можно дальше и упёршись креслом в край рабочего стола. Андрей нахмурился, но комментировать это не стал.

— Я склонна подозревать у тебя странное психическое отклонение, — нервно усмехнулась, дёрнув плечом. — У тебя патологическая тяга к моргу. Ладно, я. Я тут по крайней мере работаю. Но у тебя-то, откуда такие странные увлечения, м?

— У меня патологическая тяга к одному единственному патологоанатому, — и снова в голосе та неприкрытая нежность и мягкость, от которой хотелось закрыться, спрятаться и сбежать. Как можно дальше и как можно быстрее.

И в то же время я не двинулась с места, вцепившись пальцами в подлокотник так, что побелели пальцы. Как сказала бы Эльза, мазохизм во всей его красе!

— Ты разбиваешь мне сердце, — криво усмехнулась и склонила голову набок. — Кто этот несчастливец? Я должна выказать ему свои соболезнования... Твоя тяга к кому-то, как оказалась до добра не доводит. Проверено...

Не удержалась. Горечь прозвучала в словах против моей воли, но я мужественно делала вид, что всё нормально, что всё так и должно быть. В конце концов, за этот месяц я научилась

виртуозно врать всем подряд, прятаться в морге и в собственной квартире и топить себя в работе.

Единственной отдушиной был Славик. С ним можно было просто сидеть и молчать. Просто сидеть и молчать. Порою, это всё, что мне было нужно, что бы пережить ещё один день.

Когда он оказался так близко ко мне, я так и не заметила. Просто в один момент он стоял у стола, в другой прохладные пальцы обхватили моё лицо, вынуждая поднять голову и заглянуть в такие знакомые серо-зелёные глаза. И отдельно, медленно произнесла:

— Иди к чёрту.

— Неправильный ответ, Харон, — тихо вздохнув, он невесомо коснулся моих губ. И этого оказалось достаточно, что бы вернуть все воспоминания, которые я так рьяно пыталась забыть.

Недоумённо качающий головой парень, так неожиданно восставший на моём столе. Сонный, смущённо улыбающийся и немного растерянный у меня дома. Заботливый. Нежный. Важный. Нужный...

Необходимый как воздух.

Я сама не заметила, как потянулась в ответ, прижимаясь крепче, обхватывая шею ладонями и зло кусая нижнюю губу. А когда осознала, уже не смогла остановиться, выдыхая между поцелуями:

— Ненавижу... Как же я тебя ненавижу...

А он снова молчал, уже привычно и так знакомо. Целовал в ответ, обнимал за талию, не давал отстраниться и высвободиться. И на какой-то миг я действительно поверила, что ничего этого не было. Месяца нервогрёпки, боли и слёз. Месяца разлуки.

Месяца без него. Только лгать себе последнее дело, да Харон?

Удар в живот оказался для Андрея неожиданностью. Выпустив меня из объятий, он отступил на шаг, пытаюсь выровнять дыхание и недоумённо на меня поглядывая. Я же стояла прямо, сжимая руки в кулаки и отстранённо, ровно выдавила из себя:

— Иди к чёрту... Андрей. Уходи.

— Я знаю, что я виноват, — тихо вздохнув, повторил он уже прозвучавший аргумент.

— И снова поздравляю, молодец. Герой. Дальше, что? — дёрнув плечом, я отвернулась, опершись ладонями на стол и устало сгорбившись.

— Я тебя люблю, Жень... — и прозвучало это так растерянно, что я невольно улыбнулась, весело фыркнув.

— Сочувствую, — и даже почти не покривила душой против истины. — Искренне. Наверное...

В зале воцарилось странное, неудобное молчание. Конечно, назвать морг уютным вообще проблематично, но сейчас, не смотря на годы работы тут, мне вдруг захотелось сбежать из этих привычных стен куда подальше. И я не знаю от чего мне так хочется сбежать, от холодных и безучастных стен или же от этого чёртового бывшего трупа, которого мне так не хватало...

Жмур молчал. Стоял в стороне, сверлил взглядом мою спину, но молчал. И только когда я начала сомневаться в собственном же решении, он так же молча развернулся и ушёл. Вот так просто, без очередной попытки что-то мне доказать, убедить, уговорить, взять силой в конце концов! И от этого стало ещё больнее...

— Дура... — тихо пробормотала себе под нос, сжавшись в комок и обхватив себя руками за плечи. — Какая же ты дура, Женя...

А дальше вновь была работа. Единственная моя неизменная константа, ставшая тем спасительным якорем, позволяющим держаться. Оставшиеся три часа до конца смены прошли насыщенно и не без весёлых приключений, реагировать на которые у меня уже просто не было ни сил, ни желания. Так что из морга я вышла в восемь вечера, потирая саднящие виски, и щурясь от слишком яркого света уличных фонарей.

Болело всё. Начиная от тела, заканчивая душой и сердцем. Пока работала с телами, успела раз десять переиграть в голове всё, что произошло, весь этот разговор, раз за разом коря себя за то, что поступила именно так. Да, мне всё ещё обидно. Да, я всё ещё злюсь.

Но без него было куда хуже, чем с ним. И если бы не моя чёртова гордость и не треклятое упрямство, я бы сейчас не думала о том, как оттянуть момент возвращения в одинокую, пустую квартиру. Где нет ничего. Вообще. И так же пусто как в моей душе.

Вздрыгнув от холодного ветра, забравшегося под кое-как застёгнутый пуховик, я поёжилась и медленно, нога из-за ноги поплелась в сторону дома. Засунув руки в карманы и старательно думая обо всём, кроме как о том, как теперь пережить оставшееся до новой смены время. И не будет ли слишком уж нагло попросить к Славику с ночевой? Почему-то рядом с недоученным психологом было спокойно, и я не боялась спать.

Что бы дойти до родного подъезда, у меня ушло где-то полчаса времени. Я шла обходными путями, специально задерживаясь подолгу на перекрёстках, пугая своим бледным лицом с тёмными кругами под глазами немногочисленных прохожих. Но как бы я не петляла, всё равно оказалась возле дома и нехотя открыла дверь, неторопливо поднимаясь на нужный мне этаж. Замедляясь, шаг за шагом.

И остановилась, не дойдя до квартиры каких-то пару ступенек. Охнула, схватившись рукой за перила, и медленно присела на корточки, уронив потрёпанный рюкзак на пол.

По щекам потекли слёзы, а дрогнувшие губы растянулись в слабой, неуверенной улыбке. Увиденное пугало, а ещё дарило робкую, неуверенную надежду, что сказки всё-таки не врут. И даже мне перепадёт свой кусочек личного, только моего счастья...

— Эй... — решив кое-что для себя, я осторожно коснулась кончиками пальцев щеки задремавшего на самой верхней ступеньке около моей квартиры парня. Тот выпал из полудрёмы и чуть не упал от неожиданности.

Глянул на меня и нахмурился, упрямо поджав губы:

— Я никуда не уйду, Харон. Можешь орать, ругаться, злиться, колотить меня или пытаться отравить. Мне плевать. Я тебя люблю и не больше не хочу с тобой расставаться, никогда. Как бы сопливо это не звучало.

— Андрей...

— Я не думал, что всё получится именно так, — он криво улыбнулся, неосознанно прижавшись щекой к моей ладони. Которую я так и не убрала, продолжая невесомо поглаживать слегка колючую от щетины кожу. — Отец слёг с сердечным приступом. Мать чуть не заработала нервное истощение. Я только через пару недель смог осознать, что натворил. Прости... Я, правда, не думал, что всё так получится.

Я, молча, его слушала, не особо обращая внимания на слова. Куда больше меня интересовало, чего мне хочется и стоит ли давать шанс человеку, который уже однажды причинил мне столько боли. И чем больше я прислушивалась к этому мягкому, такому уже родному голосу, чем больше согревались пальцы от чужого тепла, тем больше я понимала...

Я, может быть, и дура. Но хочу счастья, хочу попытаться снова, не смотря ни на что. Глупо, но так сильно.

— Это было больно, — наконец выдавила я из себя, с трудом проглотив стоящий в горле ком. — Это было очень больно, Андрей. Я не хочу снова это переживать.

— Я никуда не уйду. Больше никуда, — взгляд у него был упрямый, твёрдый, уверенный в собственной правоте, и я сдалась.

Хрипло хохотнула, медленно поднялась на ноги, прихватив упавший на плитки рюкзак и прошла к квартире, не оглядываясь. Только прошептала, едва слышно:

— Идём домой, Жмураэлло... Я хочу кофе, чёрного крепкого кофе, бутербродов и обнимашки. Без обнимашек я не согласна!

Крепкие, родные объятия окончательно согрели меня, прогоняя и усталую злость, и надоевшее одиночество, и обиду, оставляющую горечь на языке. Жмур затянул меня в коридор, захлопнув дверь, и снова поцеловал. Мягко, нежно, ласково. Разбивая все те сомнения, что у меня ещё оставались.

И я ответила. Потому что по-другому просто не могло быть. Это ведь мой Жмур, мой личный, самый лучший зомби. Мой самый дорогой подарок на Новый Год.

Тихо хмыкнула в поцелуй. Вот говорят, счастье не бывает абсолютным. Люди утверждают, что если уж тебе не везёт ни в чём, кроме работы, так и не стоит ждать подарков от Судьбы. А ещё говорят, что в наш атомный век счастья нет вообще, а сказочных историй не бывает.

Вот только судя по тому, как мы с ним познакомились, место для сказок в нашей жизни есть. Правда, сказка вышла неправильной, и на месте принцессы оказался Андрей, он же Жмур, он же недо зомби. А мне, увы, была уготована роль злого колдуна как минимум, а никак не принца. Но раз сказка неправильная, так может ну его, это общественное мнение?

И вообще. Я ж уже говорила, из меня хреновый предсказатель. Ни один прогноз пока не оправдался. И вряд ли оправдается в будущем!

— Всю сказку испоганили, — тихо проворковала, уткнувшись носом в грудь Жмурика и счастливо улыбаясь. И не обращая внимания на громкий, задорный смех Андрея. Всё хорошо, что хорошо кончается, да...

И всё-таки, что я такого смешного сказать-то умудрилась, а?

КОНЕЦ.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

mir-knigi.org